

Бляхер Леонид Ефимович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, главный редактор журнала «Полития», г. Хабаровск

Говорухин Григорий Эдуардович – доктор социологических наук, профессор кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, руководитель центра изучения общественного мнения и рынка АмГПУ, г. Комсомольск-на-Амуре

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета, г. Иркутск

Докторов Борис Зусманович – советский и российский социолог, кандидат психологических наук, доктор философских наук, профессор, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге, почётный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, независимый аналитик и консультант

Леонтьева Эльвира Октавьевна – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

Рожанский Михаил Яковлевич – доктор исторических наук, директор АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (ЦНСИО), г. Иркутск

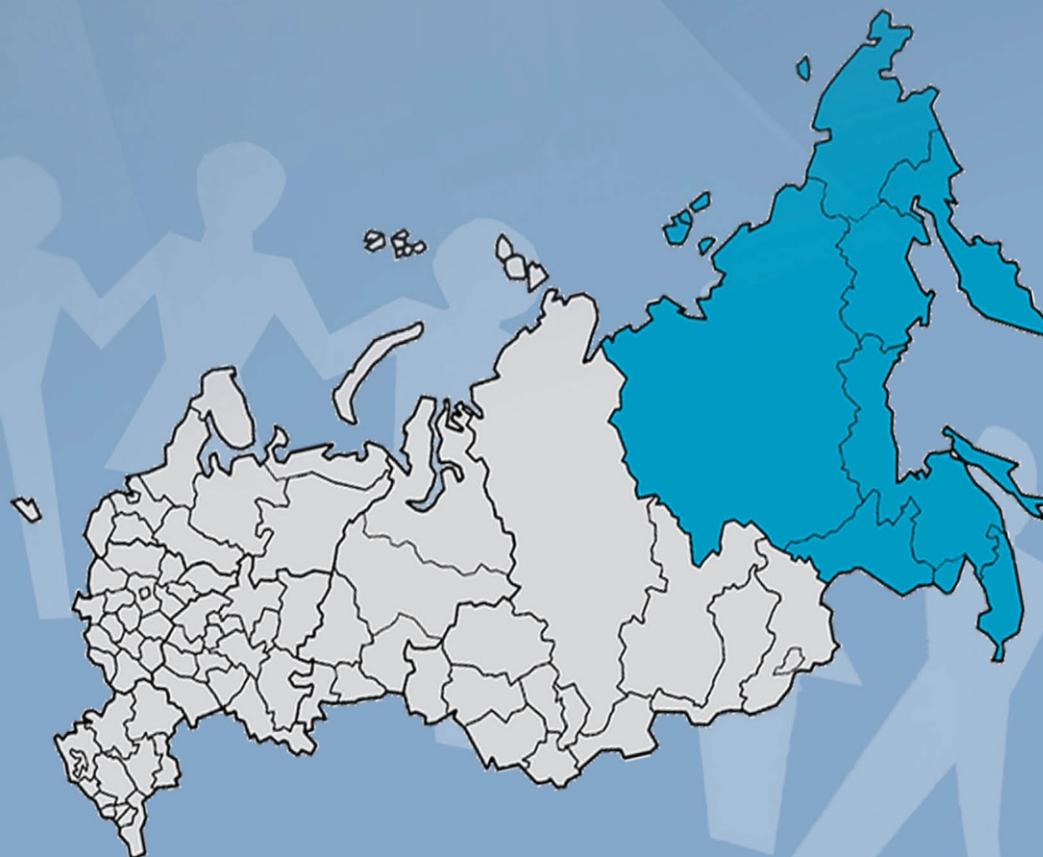
Ярулин Илдус Файзрахманович – доктор политических наук, профессор, декан социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

ISBN 978-5-7389-1855-1

9 785738 918551

МОЛОДАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет»

МОЛОДАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Хабаровск
Издательство ТОГУ
2015

УДК 316(470.5)
ББК С5(255)6
М754

Редакционная коллегия: доктор философских наук, профессор Л. Е. Бляжер;
доктор философских наук, профессор Б. З. Докторов;
доктор политических наук, профессор И. Ф. Ярулин

Ответственный редактор доктор политических наук, профессор И. Ф. Ярулин

Молодая социология Дальнего Востока / под ред. И. Ф. Ярулина. – М754 Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. – 184 с. ISBN 978-5-7389-1855-1

В книге рассказывается о становлении и развитии социологии на Дальнем Востоке России во второй половине XX – начале XXI в. Значительную часть работы составляют интервью, полученные Б. З. Докторовым у социологов Дальнего Востока, представляющих несколько поколений российских исследователей. В интервью отражен их жизненный и профессиональный путь, а также взгляды на развитие социологической науки и практики в стране и Дальневосточном регионе.

Книга рассчитана на широкий круг читателей – преподавателей и научных работников, студентов и аспирантов, а также всех тех, кто интересуется развитием социологии в России и ее регионах.

УДК 316(470.5)
ББК С5(255)6

Научное издание

МОЛОДАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С авторского оригинала-макета
Дизайнер обложки *Е. И. Саморядова*

Подписано в печать 11.12.15. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,69. Тираж 100 экз. Заказ 383.

Издательство Тихоокеанского государственного университета. 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
Отдел оперативной полиграфии издательства Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

ISBN 978-5-7389-1855-1

© Тихоокеанский государственный университет, 2015

Оглавление

Социология в регионе: это как?	4
Беседы с социологами Дальнего Востока	23
Леонид Бляхер : «ИСПУГАННЫЙ ЭТОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ, Я КИНУЛСЯ ЧИТАТЬ УЧЕБНИК ЯДОВА»	36
Григорий Говорухин: «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА УЖЕ В ЦЕЛОМ ОЧЕРЧЕНА... »	58
Константин Григоричев: «НЕ СКАЖУ, ЧТО ГОД РАБОТЫ В РОЛИ “МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО” БЫЛ СОВСЕМ БЕСПОЛЕЗЕН»	82
Эльвира Леонтьева: «ОЩУЩЕНИЕ РАДОСТИ ОТ ХОРОШО ПРОВЕДЁННОГО ЗАНЯТИЯ – ЭТО МОЁ САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ В ПРОФЕССИИ»	115
Михаил Рожанский: «Я ПРОДОЛЖАЮ СЧИТАТЬ СЕБЯ ИСТОРИКОМ, ЗАНИМАЮЩИМСЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИЕЙ, НО НЕ СОЦИОЛОГОМ».....	137
Илдус Ярулин: «НОВЫЕ ТЕКСТЫ, НОВЫЕ ЛЮДИ ТОЛКАЛИ НА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ».....	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	182

СОЦИОЛОГИЯ В РЕГИОНЕ: ЭТО КАК?

Бляхер Л. Е.

Новые региональные центры¹, особенно, в сфере социологии в России – явление парадоксальное. Их оформление в последние десятилетия напрямую связано с острейшим желанием большей части ученых и самих научных организаций не допустить этого оформления и его институционализации. Этого не желала «столичная» наука², для которой наука региональная была лишь отраженным (или искаженным) светом ее собственных изысканий. Этого не хотела и наука региональная³, «классики» которой и становились таковыми в силу их вхожести в столичные (столица понималась по-разному) клубы, участия в столичных дискуссиях, обучения в столичных аспирантурах. К этому совершенно не стремилась наука мировая. В том случае, если замечала эти центры. Но логика социальных процессов в этой сфере оказалась сильнее, чем желания участников, а институциональные характеристики науки оказывались сильнее интенций коллективного субъекта. Региональные центры, обладающие внутренней динамикой, собственными задачами и специфическими механизмами взаимодействия с внешним окружением, возникли. Об одном из таких центров, сложившихся в Тихоокеанском государственном университете (Хабаровск), и пойдет речь далее. Впрочем, начнем по порядку.

В советский период контингент региональных (провинциальных) центров формировался за счет внешнего притока, как «выселки» тех или иных столичных школ. Иногда «выселки выселок». Часто «выселки» были совсем не добровольными. Сталинские ссылки, борьба с безродными космополитами, да и «Брежнев вон из Праги» обогатили провинцию целым рядом ярких и активных исследователей. Особенно богатыми здесь были «приобретения» Сибири и Средней Азии. Впрочем, в более вегетарианские времена, «выселки» возникали уже вполне добровольно. Скажем, сложившаяся в Новосибирске школа экономической социологии создавалась «выходцами» из МГУ в 60-е годы XX века. Позже она сама становится центром для значительного числа «провинциальных вузов и НИИ». При этом живительная связь с «материнской» школой и традицией в советские годы сохранялась. Впрочем, «материнская» школа редко доминировала абсолютно, а «выселки» формировались только одним центром. Не менее существенным было здесь «курирование» центральным вузом или НИИ

¹ Под «новыми центрами» мы понимаем сообщества ученых, сложившиеся в постсоветский период. Наименование это мы вводим для отличия их от вполне оформленных и уважаемых структур (Свердловск, Новосибирск, Казань и т.д.), чье становление происходило намного раньше.

² Радаев В. Есть ли шанс создать национальную теорию в социальных науках // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 202–214.

³ Бляхер Л.Е. Парадоксы провинциальной социологии. Записки провинциала// Социологическое обозрение, 2001, Том 1, № 1. С. 68–79.

провинциального. Такое курирование включало в себя множество элементов, часто не оформленных сколько-нибудь публично и официально, но оттого не менее понятных для всех участников.

В «материнскую» школу, курирующую провинциальный центр, отбывали провинциалы для обретения кандидатского и докторского статусов. Из нее рекрутировались новые научные и педагогические кадры. Кому-то удавалось выбраться из провинции. Но выбирались они именно туда, где настоящая наука, настоящие наставники. Словом, в свою же Alma Mater. Памятуя об этой возможности, а может быть и из иных, совсем не утилитарных соображений провинциалы старались максимально уплотнить связи с представителями «материнской» школы, своими учителями, однокашниками и пр. Это не только обычные знаки внимания, но и более или менее регулярные поездки на конференции и семинары «в центр», участие в коллективных монографиях и сборниках и т.д. Важно и то, что столичный знакомец, точнее, его наличие и возможность указать на это знакомство, рекомендовать к нему местного молодого ученого или будущего докторанта были важным ресурсом, повышающим «акции» местного ученого в местном же сообществе.

Поскольку здесь дорожка была «натоптана», для провинциала, готового влиться в братство советских ученых, возникало меньше подводных камней и неприятных эксцессов. Он знал, как необходимо себя вести со столичными «знаменитостями». Они же знали свои права и обязанности в отношении нового (или старого) адепта. Представители иных «материнских» школ постепенно вливались в этот процесс через систему целевых аспирантур, докторантур и т.д.

Если же, паче чаяния, жесткой ориентации на тот или иной столичный центр не выходило, то местная школа просто не возникала. Движение в центр и к центрам сохранялось. Однако осуществлялось каждым на свой страх и риск, имело гораздо меньшие шансы на успех. В таких вузах «общим языком» выступал в эти годы ортодоксальный марксизм и «прикладная» (привластная) социология.

Такое существование «на вторых ролях» было обычным и рутинным. Оно не вызывало ни негатива, ни депривации. Настоящая наука делалась в центрах (столицах, нескольких мегаполисах с сильными университетами). Эта наука, кроме всего прочего, получала определенную идеологическую санкцию, статус «подлинной», обладала очевидными институциональными преимуществами (советы, журналы, аспирантура и докторантура и многое другое). Иерархически организованная наука⁴, во всяком случае, гуманитарная и обществоведческая легитимизировала себя за счет принадлежности к «передовому учению марк-

⁴ Димке Д. Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии // Социс. 2012. № 6. С. 97–106.

сизма-ленинизма». С помощью этих классиков, а ргіогі признававшихся лучшими и истинными, выстраивались границы между правильным советским обществоведением и всеми остальными его вариантами, отношения с которыми были достаточно сложными.

Изоляция «национальной» науки в СССР была далеко не абсолютной. Какая-то коммуникация, хотя, конечно, далеко не прямая осуществлялась, а идеи в виде критики буржуазной философии и социологии проникали в страну, входили в обиход исследователей. «Марксизм-ленинизм» в его позднесоветском облики выполнял функции фильтра, через которые внешние идеи пропускались с целью отбора допустимых. Почерпнутые из «западных» текстов идеи обрамлялись цитатами из классиков марксизма-ленинизма, ссылками на решения партийных съездов и пленумов, придавалась легитимная для советского знания форма. Тем не менее, сами идеи (подходы, методы) начинали циркулировать в пространстве советской науки. Возникали целые организации, осуществляющие такую переброску научных идей через границу и фильтрацию оных идей. ИНИОН был, пожалуй, лучшим, но не единственным образцом подобной организации. Тем же по мере сил занимались в институтах философии и социологии, в институте международного рабочего движения и т.д.⁵

Впрочем, по мере разрушения монополии марксизма-ленинизма на истину, способ взаимодействия с внешними идеями менялся. Из объекта разоблачения они постепенно превращались в нечто, вызывающее пристальный интерес, а их интерпретация с целью включения в господствующий дискурс, их «примирение» с коммунистической идеологией⁶ стали вполне актуальной научной задачей. Постепенно, особенно после 1985-го года, возникали и иные каналы коммуникации с «внешним миром» (зарубежные стажировки, приезд иностранных ученых и т.д.). Однако это, в основном, касалось только столичной науки. Той науки, которая формировала дискурс, распространявшийся на все обществоведение СССР, задававшая формы контакта с обществом и властью.

На периферии существовала лишь возможность действовать в рамках заданной традиции, по мере сил поддерживать и пропагандировать ее. Для иного не доставало информационного уровня, той же институциональной поддержки. То есть, провинциальному автору для создания работы с тем же уровнем информационного обеспечения и того же уровня публичной презентации приходилось затрачивать существенно больше усилий. Важно и то, что авторы-представители отдаленных университетов или исследовательских центров, как правило, работали в рамках концептуальных схем и проблематики, которая бы-

⁵ Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк/ Серия «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». М.: Международные отношения, 1985.

⁶ Давыдов Ю. Н., Гайденок П. П. Буржуазная социология на исходе XX века. М., 1986.

ла актуальной некоторое время назад, говорили на устаревшем научном языке. Соответственно, их работы просто существенно реже попадали в центр обсуждения, становились значимыми научными явлениями. Исключения были возможны, когда автор входил в науку с качественно новой проблематикой или включался в только что сформированное направление. Здесь вполне показательна научная судьба С.Г. Кордонского⁷, впрочем, старательно дистанцированная от науки, как таковой.

Если же, вопреки условиям и узусу, нечто оригинальное появлялось (и признавалось оригинальным) вне признанных центров, то оно, чаще всего, перемещалось в центр вместе со своим носителем. Поскольку каждый центр имел многочисленные «выселки», то возникали и некоторые горизонтальные связи помимо связей «центр – периферия», задавая контуры единого смыслового пространства, структурируемого из тех самых нескольких центров в стране. В результате формировалась иерархически организованная национальная наука с вполне конкретными формами финансирования, презентации результатов и каналами восходящей мобильности. Кроме отношения «столица – провинция» возникало и различие по типу организации, в которой трудились ученые-обществоведы.

Основное финансирование науки шло по линии академии наук. Там вырастали новые концепции и новые «звезды», выпускались книги, имелся допуск к зарубежным источникам, архивам. Здесь существовала вполне понятная должностная иерархия: от младшего научного сотрудника до академика, иерархия самих институтов и отделений. Здесь заказчиком выступало государство. Но заказчиком опосредованным. Государство, строго говоря, «заказывало» социологии «научное сопровождение» идеологической работы. Технология же этого сопровождения в значительной степени оставалась на усмотрение самих ученых. Определенный уровень академических свобод имел место, а границы дозволенного были вполне осознаваемыми и при минимальной гибкости конкретным исследованиям не препятствовали.

Несколько ниже по статусу стояли обществоведы вузов, преподаватели кафедр философии, научного коммунизма и т.д. Они были, скорее, трансляторы и интерпретаторы идей и концепций, рожденных в академических институтах. Им «заказывали» воспитание новых поколений строителей коммунизма и идеологов ононого строительства. Их контакты с властью были плотнее, как и контроль над их деятельностью. Понятно, что из правила всегда есть исключения. Примером такого исключения можно считать Новосибирский госуниверситет, предполагавшийся в качестве центра наукограда, или МГИМО (у) по совер-

⁷ Вишневецкая Ю. Как устроена Россия/ Интервью с Симоном Кордонским// Эксперт Online 1.03. 2012/ Код доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2012/08/kak-ustroena-rossiya/ (дата обращения 6.05.2015).

шенно иным причинам. Здесь тоже существовала вполне понятная иерархия должностей (от ассистента до профессора) и иерархия вузов.

Отдельная категория обществоведов располагалась непосредственно при власти, в структуре аппарата партийного или советского органа. Правда, чаще это были специалисты в области народного хозяйства, но с 60-х годов социологи тоже получили свое местечко. Сложилась традиция освящать очередное властное решение социологическим опросом, демонстрирующим его верность или, в зависимости от характера решения, «вскрывающим проблему». Корректность исследования даже на уровне соблюдения правил статистики (выборка, погрешность, доверительный интервал и т.д.) ценностью не являлась. Ценностью выступало «знание жизни» и соответствие результатов ожиданиям властного заказчика. При всем том, что подобные исследования были вполне ангажированными и не вполне научными, именно они воспитывали будущих эмпириков, поставляли материал. Более того, именно из числа этих привластных социологов выходили авторы первых полноценных эмпирических исследований.

Все эти группы, различающиеся по уровню свободы и информированности, по близости и доступности эмпирического материала, близости к власти и т.д., тем не менее, интегрировались за счет наличия общих для всего обществоведения структур: журналов, диссертационных советов и аспирантур, системы ученых степеней и званий, системы престижа.

Вполне понятно, что система не была статичной. По мере размывания идеологии сложнее становились и отношения внутри сообщества, больше стремление войти в плотный контакт с коллегами за «железным занавесом». Что принципиально важно, сильнее обозначаются различия в самом обществе, а значит – более очевидным становится и объект приложения социологических усилий. Собственно, именно это и дало толчок к становлению позднесоветских и первых постсоветских социологических школ. Латентно существующие различия в обществе становятся зримыми и фиксируемыми⁸.

Однако, процессы эти затрагивали, в основном, крупнейшие научные центры, доносясь до провинции лишь в виде «шумов», мешающих вполне ясной картине. Особенно долго эта ясная картина сохранялась на Дальнем Востоке. Специфика региона состояла в его основной сфере занятости – военной. Почти 2/3 трудоспособного населения⁹ были заняты или непосредственно в вооруженных силах, или в работе на предприятиях ВПК. За исключением ряда институтов ДВО АН СССР, социология (скорее, протосоциология) существовала в вузах на кафедрах научного коммунизма или марксистско-ленинской философии.

⁸ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории, Новосибирск: Наука, 1991. С. 412.

⁹ Колесниченко К.Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края)//Ойкумена, № 3, 2012. С. 116 – 125.

В рамках вполне ортодоксального марксизма преподаватели научного коммунизма получали какое-то представление об эмпирических методах исследования общества, о категориях, способных это общество хоть как-то описать. Преподаватели исторического материализма в той или иной форме получали навыки рефлексии над социальной реальностью. В институтах ДВО эмпирические методы социологии использовали экономисты и, изредка, историки. Социология выступала здесь как *terra nullius*, где может порезвиться представитель любой дисциплины. Собственные задачи в этот период у социологии в регионе отсутствовали. Чаще говорилось об экономическом стимулировании, решении социально-экономических задач¹⁰.

Сами специалисты в минимальной степени воспроизводились «на месте», но прибывали по распределению из крупных вузов страны. Причина проста: в «военном» регионе готовили в массе своей технических специалистов для работы на военных же заводах. Остальные специалисты (за исключением учителей и врачей) готовились совсем не в массовом порядке. Их, как и продовольствие для региона, дешевле было завозить. Достаточно массовыми были выпускники московского, харьковского, казанского, новосибирского, ленинградского и многих других университетов.

Существовал институт «приглашенных специалистов». Такой специалист приезжал на оговоренный период в Хабаровск или Владивосток с сохранением квартиры на прежнем месте жительства и льгот на новом. Вполне понятно, что всерьез говорить о школах в этом варианте формирования обществоведения было довольно сложно. Каждый конкретный специалист, если, в принципе, продолжал после получения степени заниматься наукой (далеко не всегда), ориентировался на «свой» внешний университет, его язык, его проблематику. Внутренняя профессиональная коммуникация, как таковая, отсутствовала. Ее вполне заменяла официальная идеология и бытовое общение. Ведь наука делалась за пределами региона. Впрочем, формальные статусы, наличие связей и т.д. определяли место данного ученого в местной иерархии. Несоответствие статуса и уровня публикаций могло стать трагедией. «Известного ученого», имеющего столичных публикаций больше, чем более уважаемые коллеги, при этом, не соблюдающего «приличий», предписанных статусом, скажем, доцента или научного сотрудника, могли и «заткнуть».

Период 90-х годов радикально изменил эту, достаточно стабильную ситуацию. Сокращается число Всероссийских конференций, точнее, возможностей оплаты участия в них. Распадается система Всероссийского распределения. Со-

¹⁰ Зубарев А.Е. Методические принципы решения вопросов экономического стимулирования в НПО "Дальстандарт" // Региональные особенности повышения эффективности общественного производства на Дальнем Востоке : межвуз. сб. науч. тр. / Хабар. политехн. ин-т. Хабаровск, 1984. С. 147-151.

ответственно, в регионы начинает прибывать намного меньше адептов центральных школ. «Приглашенные специалисты», пожав плечами, отбыли на прежнее место жительства. Новые на смену не прибыли. Постепенно преподавательские позиции и позиции научных сотрудников заполняются местными кадрами, для которых реальность столичных (и иных) школ становится все более эфемерной. О ней узнают из рассказов «старших товарищей», из книг и журнальных статей, рекомендованных ими же. Формируется некий, достаточно идеализированный образ «прекрасного прошлого». Впрочем, и журналов поступает в университетские библиотеки (по крайней мере, до середины 90-х) все меньше. Постепенно распадается и система «целевой аспирантуры». Точнее, она оказывается разорванной материально-финансовым положением вузов и НИИ. Особенно остро эти изменения переживают НИИ, бывшие главными научными бенефициарами советской власти. Распад коммуникации здесь совпадает со снижением общего статуса Академии наук. Впрочем, часть институтов смогла обрести новых заказчиков в лице региональных или муниципальных руководителей, существенно потеснив прежних социологов и экономистов при власти¹¹. Впрочем, вузам было не легче.

Командировка за счет вуза в центр становится явлением почти мифическим, а обучение и проживание в столичном городе превращается в тяжкий финансовый груз для соискателя ученой степени. При не особенно большой разнице в зарплате между старшим преподавателем со степенью и без нее и появлением возможностей для получения неформальных доходов и частных заказов мотивация к столичному обучению снижается. Поскольку требование наличия ученой степени у определенного процента работников сохраняется, постепенно формируются местные аспирантуры, докторантуры, диссертационные советы.

Не то, чтобы в прежнее время кто-то запрещал их создавать. Ситуация выглядела иначе. Поскольку настоящая наука существует только в центре (том или ином), человек в статусе доктора наук стремился не столько создать совет «на месте», сколько сам выбраться в центр. Если же доктор наук по каким-то причинам предпочитал оставаться на месте, он мгновенно получал административную должность, что накладывало достаточно жесткие ограничения на занятия наукой. В результате, за исключением национальных республик, для создания местных советов попросту не хватало докторов. Да и статус местного диссертационного совета или аспирантуры был не в пример ниже, чем столичного, что имело вполне объективные причины. Обучение и защита в условиях местного совета не вели к образованию новых связей, к возможности новых публикаций, да и к увеличению символического капитала, связанного с контактами в «большой науке».

¹¹ http://www.ferim.ru/russ/main_work.html

Но в условиях распада социальных связей в науке наличие «своей» аспирантуры, «своего» совета становится вопросом выживания вуза. Да и переезд доктора, если он не принадлежал к сословию «приглашенных специалистов», становился все более сложным. Местные доктора, последние в плеяде «докторов из центра» остаются на месте и, как замену возможности «посылать в аспирантуру» или «защищаться» начинают создавать местные советы. Это становится основой их символического капитала. Число диссертационных советов начинает существенно и резко увеличиваться. Наличие собственных советов и аспирантуры становится неотъемлемым атрибутом настоящего университета уже ко второй половине 90-х годов. Структура замыкается. Выпускники местного университета поступают в местную аспирантуру. Защищают диссертации и сами начинают воспроизводить научную структуру. При этом, проблематика научных исследований здесь может быть достаточно различной. В рамках этого центра могут продолжаться исследования, основы которых были заложены в советские годы, но преобразованные в «свете новых задач». Могут быть исследования «общественно значимых проблем». Если первые были сопряжены с определенной теоретической рефлексией, то вторые вполне удовлетворялись актуальностью темы.

Важно отметить, что тон здесь задавали «старшие товарищи», стремящиеся воспроизвести в новых условиях традиции «настоящей науки», как они ее понимали. Именно они, создавая и регулируя деятельность советов, роль ВАК в тот период было не особенно значительной, определяли формы и тематизмы научной деятельности. Дальнейшее развитие этих локальных групп зависело от многих факторов, в частности от взаимоотношений, выстраиваемых с внешним миром и местным сообществом. Характер этих взаимоотношений зависел от нескольких факторов. Первый из них – наличие взаимодействия с «грантовой наукой».

Ведь параллельно начинается и интенсифицируется на протяжении всех 90-х годов развитие нового для России типа науки, исследований, поддерживаемых зарубежными научными фондами, ориентированных на «западное» (мировое) научное сообщество. Поскольку именно с помощью этих фондов оказывалось возможным проведения полевых исследований, участие в конференциях и школах, да и стипендия, предлагаемая фондами, в какой-то момент стала выше, чем зарплата преподавателя, значительная часть молодых исследователей, да и научного истеблишмента устремляется в эту нишу. Если в западной части страны этот процесс начался в первой половине 90-х годов, то дальневосточная окраина преступила к процессу вхождения в грантовую науку гораздо менее массово и несколько позднее, во второй половине 90-х.

Эта наука отличалась не только тем, что за нее впервые платило не государство. Она предполагала другие технологии получения заказа, другие методы и подходы, другую систему отчетности. Они, в целом, были не менее жесткими, чем правила советской науки, но они были другими, что создавало ощущение невероятной свободы, вхождения в новый яркий и пестрый мир. Причем, на первых порах казалось, что мир этот распахнут им навстречу. Лишь к концу 90-х годов становится понятно, что вхождение в «западную» науку процесс самый сложный, содержащий в себе массу издержек, преодолеть которые под силу единицам. Российские «западные ученые» оказывались в положении, чем-то напоминающем положение прежних провинциалов, прибывших в столичный центр по непротопанной дорожке и без рекомендаций. Впрочем, их массовое возвращение в конце 90-х стало значимым событием для отечественной социологии в целом. Их попытка внедрения мировых критериев в оценку научной деятельности в стране и привела в рамках бюрократической логики к появлению «отчетных параметров», индексов и прочих, достаточно косвенных показателей качества исследования.

Если в начале 90-х годов в «грантовую» науку устремились в основном представители крупнейших научных центров (больше информации, выше уровень публикаций и вознаграждения, возможности для «научного туризма»¹²), то к середине последнего десятилетия XX века туда устремились представители регионов. При этом, и первые, и вторые вынуждены были осваивать новый язык, новую систему классиков, новые подходы и способы формулирования проблемы. «Столичный приоритет» оказался поколебленным.

Ряд региональных центров формируют собственные выходы на зарубежных спонсоров и партнеров, организуют большие и серьезные исследования (Саратов – социальная политика и гендерные исследования¹³, Иркутск – исследования миграции и образования¹⁴ и т.д.). Многие «столичные» школы неожиданно оказываются лишь «выселками» иных центров, находящихся за пределами страны. Правда, «выселками» в ином смысле. Выпускники Кембриджа и Сорбонны не приезжали по распределению в Москву или Санкт-Петербург, не создавали там новые исследовательские центры. Точнее, в массовом порядке этого не случилось. Просто наиболее продвинутая часть столичных исследователей, порой, поездив по Европам и Америкам, возвращались с осознанием вновь открывшегося священного знания, которое нужно нести в страну.

¹² Термин автор услышал в ходе беседы с замечательным омским ученым А.В. Ремневым, автором самых фундаментальных исследований об имперском Дальнем Востоке.

¹³ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.

¹⁴ Восток России: миграция и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. · Иркутск: Отгиск, 2011. · 624 с.

В результате столицы оказывались в положении тех самых провинциалов, коих недавно «принимали в корпорацию». И вполне в той же логике начинается процесс отправки талантливых учеников в далекие центры. Тем более, что стипендии для обучения в западных вузах в тот период выделяются достаточно активно. Происходит интенсивная миграция, прежде всего, молодых ученых из России. Правда, параллельно идет процесс миграции из периферии в центр, поскольку возникают ощутимые лакуны, да и структуры, способствующие такой миграции (Европейский Университет в Санкт-Петербурге, МВШСЭН в Москве, ЦЕУ в Братиславе и т.д.). Возникало новое смысловое и организационное поле науки, ориентированное на интеграцию в мировое научное пространство. Впрочем, интеграцию специфическую. Теории здесь не приветствовались. Причина понятна – внешние акторы, да еще и теоретики, для сложившихся школ не особенно нужны. Новые участники мировой науки выступали поставщиками фактографии для теоретиков. В лучшем случае, определенным образом концептуализированной фактографии. Возможно, со временем появились бы и теоретики, создающие продукт мирового уровня. Но внешние по отношению к науке факторы сложились иначе.

Отечественные школы, не вошедшие в этот поток, не столь важно провинциальные или столичные локализовались, их значение снижалось. Даже, если ресурс советских времен здесь был значительным, он постепенно сокращался. Так, к концу 90-х годов существенно снизился престиж социологии МГУ, несмотря на гигантский задел советских лет и активную государственную поддержку. Если же этот ресурс был не особенно большим, то возникала еще одна провинциальная (столичная в географическом отношении) школа. Впрочем, у них тоже оставался набор эффективных стратегий развития. Для крупных научных центров – это была возможность спонсорства со стороны государственных структур и отечественных олигархов, которые после 1998-го года ощутили вкус к спонсорству. По этому пути в конце 90-х годов пошел РГГУ и, отчасти, новый вуз – ВШЭ (У). Впрочем, ВШЭ активно использовала и грантовую поддержку, и особый государственный статус.

Ставка на особые отношения с властью в последствие оказалась важнейшим ресурсом научного или образовательного центра. Из числа выпускников и сотрудников этих вузов рекрутировались сотрудники государственных аналитических структур, эксперты, ответственные чиновники и т.д. Они же замещали высшие должности в формальной структуре отечественной науки. В последствии, именно эти центры получали основную массу заказов на исследования за счет бюджета. Причем, далеко не только ангажированных¹⁵.

¹⁵ <http://www.hse.ru/org/projects/25013>

Для менее значимых нестоличных центров таким ресурсом было вхождение в местное сообщество. В этом сообществе была своя власть и свои олигархи, способные оказывать ту или иную поддержку, рекрутировать во властные структуры выпускников и сотрудников, максимально использовать ресурсы, предоставляемые «образовательным бумом» 90-х годов. Скажем, в Тихоокеанском госуниверситете именно доходы от «образовательного бума» позволили провести компьютеризацию вуза, создать современную библиотеку.

Советские практики здесь тоже оставались актуальными. Серьезная школа старалась и должна была в соответствии со статусом проводить конференции, где были бы представлены не только «подведомственные» вузы, но и несколько столичных звезд и, в идеале, зарубежных гостей. Однако и «звезды», и гости строго отбирались. Ведь они могли разрушить самое важное – внутреннюю иерархию сообщества, принятое в нем распределение ресурсов. Выступление «звезды или гостя» могло опровергнуть выступление местного классика. Бестактный «гость» мог начать задавать неудобные вопросы классику. Еще хуже, если заезжая «звезда» предлагала сотрудничество не правильному «главе», а вполне подчиненному сотруднику, тем самым предоставляя в его руки некий внешний ресурс. Такое грубое поведение приезжего могло просто разрушить установившиеся социальные связи в сообществе. Потому и отбирались правильные гости, готовые следовать местным правилам.

Таким образом, в 90-е годы региональное сообщество структурировалось по нескольким параметрам. Первый параметр: открытость сообщества. Региональное сообщество могло полностью переориентироваться на вхождение в мировую науку, стараться быть «в курсе» ее трендов, заводить и поддерживать контакты с разными партнерами. Такое сообщество мы и называем открытым. Яркий пример такого сообщества – Европейский университет в Санкт-Петербурге в период до получения им государственной аккредитации. При всех различиях между методологическими установками и научной ориентацией социологов ЕУСПб, образ «настоящего западного университета» и наличие общей площадки приводил к необходимости коммуникации. Коммуникация порождала серьезную рефлексию, отражавшуюся в ярких работах. Впрочем, открытым могло оказаться и региональное сообщество без какого-либо внутреннего строения. Этим и объяснялась его всеядность. Приезжие просто не могли ничего разрушить в силу отсутствия чего-либо. Теоретически, в этом варианте тоже вполне мог сложиться интересный научный феномен. Но для этого был необходим сильный лидер и ресурсы для поддержания внешних связей. К сожалению, в области социологии такие случаи автору не известны. Но возможен и иной сценарий.

Региональное сообщество вполне могло сохранить в той или иной форме связь с «материнской» школой или сформировать новый контакт с каким-либо крупным научным центром, находящимся в стране или за рубежом. В этом случае открытость присутствовала, но определялась не самим региональным центром, а открытостью того контрагента, на которого ориентировались региональные исследователи. Такое сообщество уместно назвать полуоткрытым. Эта стратегия могла быть вполне успешной. Именно она породила российско-французские, российско-немецкие и тому подобные исследовательские центры по стране. Правда, под «российским» понимался вполне конкретный университет, как и под термином «французский». Эта тенденция к полуоткрытости породила многочисленные ассоциации социологов, в определенной степени институционализировавшие советские неформальные контакты центра и периферии. Успешность такой стратегии (а она вполне могла оказаться успешной) зависела от влиятельности «второй стороны». Но если такая связь прерывалась, то сообщество деградировало.

Возможен был и третий вариант. Региональная (провинциальная) социология в советский период была вполне «прикладной» дисциплиной, обслуживающей ту или иную властную структуру. Эта функция в период активных электоральных компаний или для легитимизации решения региональных властей оказалась востребованной. Понятно, что это была не вполне наука. Но именно здесь возникали массивы данных, которые могли быть введены в научный оборот, те или иные подходы к сбору эмпирического материала. Заказчики здесь разные: государственные органы, политические партии и отдельные акторы региональной политики. Таковую, жестко замкнутую на местное сообщество науку мы обозначили термином закрытое сообщество. Внешние связи ему были просто не особенно нужны. Конечно, и здесь закрытость была не абсолютной. Сама потребность в таких заказах детерминировалась представлением заказчиков о ценности научного (экспертного) знания. Соответственно, статус ученого и эксперта необходимо поддерживать. Для этого необходимы публикации, приглашение внешних специалистов, получение научной степени. Если в мегаполисах престиж степени среди политтехнологов и их заказчиков в 90-е был не особенно велик, то в менее крупных городах уважение к ученому человеку сохранялась. Однако уважение это носило, скорее, ритуальный характер. Ритуальными же были действия этих ученых во внешнем мире: защита, публикация в центральном издании (лучше платная), участие в большом мероприятии и т.д. Стоит отметить, что большая часть этих «прикладных социологов» были вузовскими преподавателями. А в вузах какая-то научная активность оставалась обязательной. По мере становления «вертикали власти» число заказчиков умень-

шалось. Тем не менее, эта «наука» на протяжении всех 90-х годов, да и позже оставалась вполне функциональной.

Здесь мы подходим ко второму основанию для типологизации: источнику финансирования. В данном случае, это не случайный критерий. Разные источники финансирования, строго говоря, предполагали разную науку, исходя из банального принципа: «кто девушку платит, тот ее и танцует». Государственное финансирование (РГНФ, РФФИ, бюджетное финансирование) предполагало добрые традиции советской науки, которая, безусловно, лучшая в мире. Это направление в большей или меньшей степени использовалось всеми. Однако основным оно было для структур, с минимальной связью с внешним миром, с максимальной закрытостью.

Альтернативой здесь было «тратить на науку из своего кармана», что для большей части известных автору людей представляло собой крайне нежелательное явление. На него шли (публикация, организация обсуждения и защиты и т.д.), но старались избежать. Ведь наука здесь – явление ритуальное, важное для поддержания статуса в глазах настоящего заказчика – государственного органа, торгового предприятия или политического игрока. Достоинством этих фондов было и то обстоятельство, что ни какой-либо четкой методологии или тематики они не задавали. Получение/неполучение гранта было связано с внешними по отношению к заявке формальными параметрами или некими представлениями о географической справедливости, существовавшими у экспертов ил грантодателей.

Понятно, что продолжали существовать вузы, где научная деятельность даже как имитация отсутствовала. А публикационная активность ограничивалась методическими рекомендациями и учебными пособиями. Эти структуры просто находятся за рамками нашего рассмотрения.

Грантовое финансирование, осуществляемое международными научными фондами, при всем том, что уровень исследований был очень различным, существенно отличалось по тематике от советской науки в ее мейстримных формах. Оно задавало иную моду на ключевых авторов, методы сбора информации, ее анализа. В принципе, рефлексия по поводу методов стала одним из признаков «новой науки». Как правило, здесь подвизались представители открытых и полуоткрытых сообществ.

Различались и места публикаций. Для представителей «традиционной» социологии ими оставались монографии и немногочисленные журналы предшествующего периода. Впрочем, монографии, в основном, издавались на средства авторов, а журналы выходили крайне нерегулярно. Впрочем, это положение к концу 90-х годов сменилось на невероятное разнообразие журналов, издаваемых едва ли не каждым вузом при минимальных требованиях к уровню публи-

каций. Для представителей «новой науки» выстраивалась иерархия изданий, в целом, соответствующая «мировым критериям». Журналы-мировые лидеры, доступ в которые получают единицы, просто зарубежные издания из значимых центров, ряд отечественных изданий, появившихся в 90-е годы и ориентированных на «новую» науку¹⁶.

Как говорилось выше, в реальную мировую науку смогли интегрироваться единицы. Это было, скорее, сочетанием уникальных факторов биографии, нежели закономерностью. Не особенно много авторов смогло даже быть услышанными своими зарубежными коллегами, т.е. выйти за уровень поставщика эмпирического материала о России. В результате, полноценная профессиональная коммуникация при подобном варианте финансирования и открытости осуществлялась между особой группой «русских европейцев» в социологии, чья европейская известность ограничивалась этой группой. Кстати, именно ее представления о ранге публикаций, как основном показателе успешности исследователя (наукометрический критерий) легли в основу современного бюрократического давления на науку.

Совершенно особое место заняли центры и отдельные персонажи, ориентированные на обслуживание местного избирательного процесса, региональных и местных государственных структур, отдельных политиков, частных структур и т.д. Здесь источником финансирования была внешняя по отношению к науке структура (государственная, частная, партийная). Да и задачи ставились не вполне научные. Строго говоря, именно они вполне соответствовали первой социологической специальности, открытой в СССР – прикладная социология. Но хотя научные задачи здесь ставились не часто, но все же ставились, хотя бы с ритуальными целями. Более того, время от времени адепты этого направления начинали обобщать опыт во вполне себе научных формах, обретать ученые степени и звания, да еще и преподавать на многочисленных отделениях «связей с общественностью», «рекламы» и т.п. модных специальностях. При всем том, что методологическая рефлексия здесь отсутствовала за ненадобностью, собирались значительные массивы данных, которые позже, через публикации, попадали в научный оборот. Кроме всего прочего, существовала некоторая совокупность журналов, скорее публицистических, чем научных¹⁷, где подобные «политологи (социологи)» активно присутствовали.

Из этих двух параметров вполне вытекал третий – направление методологических поисков. Первая группа (закрытые или полуоткрытые сообщества, ориентированные на традиционную поддержку государства или внешнее по от-

¹⁶ Например, журнал «Мониторинг общественного мнения», издаваемый в первые постсоветские годы ВЦИОМ Ю.А. Левады.

¹⁷ Например, журнал «Политический маркетинг».

ношению к науке финансирование), как правило, педалировали тему знания «почвы», настоящей жизни и т.д. Методологическая рефлексия¹⁸ здесь часто имела место, но достаточно специфическая.

Как правило, из «подручных материалов», составленных из осколков советского марксизма, русской философской публицистики Серебряного века, каких-то положений функционализма и тому подобных острых и современных концепций формировалась исследовательская рамка, позволяющая доказать особость и абсолютную непохожесть региона или всей страны. Собственно, задача вытекала из некогда сформулированной проблематики советской социологии. Но обострялась необходимостью обходиться без советского идеологического наследия.

Проблема в том, что такая «абсолютно непохожая» реальность лишается возможности быть понятой. Для этого нужна некоторая категориальная сетка, которую можно было бы «набросить» на всякую реальность, сравнив «особую» с «не особой» реальностью. Но из подручных материалов такая сетка выстраивается плохо. В результате, исследователи обречены множить знания о «почве» без обобщения и систематизации. Ведется бесконечный поиск некоего сущего, которое, конечно, есть, но не имеет определений.

Это не особенно препятствовало проведению прикладных эмпирических исследований. Когда же возникала потребность в какой-то категоризации, хотя бы для составления анкет, использовались «категории» официального политического дискурса, общественно-политической публицистики и т.д. Складывалась совершенно уникальная ситуация, когда наука, которая по логике вещей должна поставлять категории для осмысления реальности для публицистики, сама их заимствует из нее. Зато в обмен предоставляет ей «проценты», распределение ее категорий. Отсюда «теоретический спор» о 84% россиян «поддерживающих санкции».

Вторая группа, которую А. Богатуров назвал «поколением переводчиков»¹⁹, методологическим исканиям посвящала гораздо больше времени и усилий. Мы определили эту группу, как открытое или полуоткрытое, ориентированное на международное финансирование и международные научные контакты сообщество. Здесь задача стояла иначе. Поскольку та или иная школа и ее методологическая рамка становилась несомненной классикой и обязательным для использования препаратом, то вопрос ставился, в основном, как вопрос об освоении препарата и правильном его применении.

¹⁸ Завалишин А.Ю. Социокультурные аспекты этнической ксенофобии и экстремизма // DIXI – 2013: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов : вып. 4 / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. -Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. С. 103 – 121 с.

¹⁹ Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения//Pro et contra. Том 5. № 1. Зима 2000. -С. 195 – 201.

Рефлексия распространялась часто на технические средства исследования: опрос или интервью, технология обработки, набор переменных и т.д. То, что эти переменные сами есть результат сложнейшей рефлексии, в 90-е не воспринималось. Рефлексия уже осуществлена, а теория уже создана. Теперь важно эту теорию приложить. Если в больших центрах, так или иначе, появлялись оригинальные концепции и работы²⁰, то вторичность провинциальных исследований, ориентированных на «мировую науку» была достаточно очевидна.

Исследования гендерной асимметрии и политического участия, коррупции и национализм – все эти категории обладали вполне определенным смыслом и в переопределении, во всяком случае, в нашем варианте, не нуждались. Тем самым, шел упорный поиск и попытка описания отсутствующей реальности. Иными словами, в первом случае, описывалась реальность, но языком, который не дотягивал до метанарратива, не подходил для обобщающего описания как такового. Во втором варианте, вполне рабочий и структурированный язык описания прикладывается к «почве», без привязки к местности. Точнее, с привязкой к иной местности²¹. Однако, по мере формирования более или менее устойчивого сообщества «русских европейцев», где сталкивались разные классики, напряженность методологических споров нарастала. Она вполне могла привести к появлению новых и оригинальных концепций. Но не привела. История социологии, в том числе провинциальной социологии, делает резкий кульбит.

В новом столетии постепенно из российского пространства начинают выдавливаться международные научные фонды, осложняются контакты с зарубежными партнерами. Резко сокращается число независимых заказчиков, как хозяйствующих субъектов, так и политических акторов. По существу, единственным или почти единственным заказчиком исследований остается государство и аффилированные с ним компании и фонды. Они же оказываются главными потребителями и контролерами социологической работы. Это, вполне внешнее обстоятельство радикально меняет ситуацию в стране в целом и в отдаленном городе Хабаровске, в частности.

Что же происходило с социологией в городе, именующем себя седьмой столицей России? Была ли там она? Институционально, как и в любом губернском центре, в Хабаровске социология наличествовала. Прикладных социологов для региональных властей готовили в Дальневосточной академии государственной службы (прежде Высшая партийная школа, ныне филиал РАНХиГС). Эти социологи продолжают исследовать общественное мнение и демонстриро-

²⁰ Можно вспомнить «силовое предпринимательство» В. Волкова или «русскую систему» Ю. Пивоварова.

²¹ Об этом см. Бляхер Л.Е. Парадоксы региональной политологии (Записки провинциала)// Полис. Политические исследования. 2001. № 6.

вать растущее доверие населения или вскрывать общественные язвы наркомании, экстремизма и национализма²².

В конце 80-х – начале 90-х годов появляются социологи в вузах. Чаще всего, ими становились преподаватели бывших кафедр научного коммунизма, преобразованных в кафедры социологии и политологии. Ведь именно выпускники этих факультетов и специальностей получали некоторую социологическую подготовку, были ориентированы на исследование общества, пусть и, часто, имитационное. В силу наличия обязательного губернского (краевого) набора вузов социологов оказалось совсем не мало. Социологические (эмпирические) исследования проводились и в академическом институте (Институт экономических исследований ДВО РАН).

Большая часть городских социологов ориентировалась на СПбГУ (ЛГУ) даже, если сами были выпускниками иных университетов. Именно там для хабаровчан дорожка «была протоптана». Там защищались диссертации. Туда же отбывали немногочисленные счастливики. Впрочем, ДВАГС традиционно сохранял ориентацию на свою головную структуру (РАГС). Иными словами, ситуация была близка к советской. Есть центр и ориентирующаяся на него периферия. Коммуникация, во всяком случае, профессиональная была крайне слабой. В ней просто не было нужды. Основной доход давало преподавание и, несколько позже, обслуживание электорального процесса, маркетинговые исследования. Свой финансовый ручеек каждый берег для себя, а потому совсем не жаждал делиться информацией и результатами.

Но по мере распада связей структура усложнялась. Часть членов сообщества просто покидает регион. Часть переориентируется на общественную деятельность, организует НКО, в великом множестве возникающих в 90-е годы. Часть входит в «грантовую науку», начинает стремительно перемещаться по миру, не особенно интересуясь событиями «дома». При этом, какие-то контакты с «материнской школой» сохранялись на протяжении всего периода. По большей части, Хабаровское сообщество социологов можно отнести к открытому типу. Но открытость его была связана с отсутствием внутренней структуры и иерархии²³.

Однако, по мере того, как вузы начинали обрещать атрибутами «настоящих университетов» (аспирантуры, советы, журналы) появляется предмет если не для профессиональной научной, то для административной коммуникации. Первоначально лидировал более активный Владивосток. Здесь изначально гуманитаристика и обществоведение было сильнее, существовала неформальная

²² См. тематику исследований на сайте ДВИУ РАНХИГС <http://www.dvags.ru/index.php?page=nau11&tc=nau>

²³ Впрочем, существовал общегородской неформальный титул «первого доктора» (Б.В. Смирнов, профессор ДВГУПС).

коммуникация между учеными. Здесь возникли первые советы, куда поехали хабаровчане. Ведь это качественно дешевле поездки в Петербург. А разница между столичным и местным почти перестает быть значимой. Позже, с 2001-го года начинает работать совет в Хабаровске (председатель И.Ф. Ярулин). Возникают относительно устойчивые региональные связи (Хабаровск, Владивосток, Иркутск, Петропавловск-Камчатский, Комсомольск-на-Амуре и т.д.). В 2005-м году начинает выходить журнал «Вестник ТОГУ», получивший статус «рекомендованного ВАК РФ». Укрепляется повседневная коммуникация между социологами в самом Хабаровске. Ведь число «финансовых ручейков» сокращается, значит – усиливается борьба за них, плотность коммуникации, не всегда дружественной.

На первом этапе профессиональная коммуникация оставалась минимальной (разные цели, ориентация на разный язык, разную аудиторию). Люди решали формальную проблему обретения статуса, инициации своих учеников и т.д. Строго говоря, все упомянутые выше структуры и институты и не создавались в качестве площадок для решения научных задач. Аспирантура нужна, чтобы подготовить (подготовиться) к защите, диссертационный совет нужен, чтобы повысить показатель сотрудников с учеными степенями, а журнал, как и большая часть научных журналов в России, появляется в прямой связи с требованиями ВАК о публикации в «рекомендуемых изданиях».

Но по мере того, как число международных научных фондов, работающих в стране, а также возможности для частных заказов начали резко сокращаться, а государственное финансирование образования и науки возрастать, сообщество перестраивается. Точнее, в него возвращаются те, кто вчера еще не особенно интересовался самим фактом его существования.

Часть его просто уезжает из региона или из страны, а часть, напротив, «возвращается домой». То есть, формально они никуда и не уезжали. Но жестко ориентировались на профессиональную коммуникацию за пределами региона. Теперь же распадается и сокращается в связи с массовым отъездом сообщество «русских европейцев», а столичные вузы перестают раскрывать братские объятия навстречу провинциальным собратьям по разуму. Обучение в аспирантуре, докторантуре, защита в «чужом» вузе становятся для приезжего из отнюдь не прекрасного далека не просто платными. Плата оказывается непреодолимым заградительным барьером. В сообщество возвращаются «русские европейцы» и «политические консультанты», в чьих услугах перестают нуждаться.

В результате всех этих перипетий не значимый местный (региональный) уровень коммуникации оказывается основным. Все более значимыми становятся ритуальные прежде формы взаимодействия: советы, местные семинары, конференции. И здесь методологические проблемы, противоречия между ис-

следовательскими установками выходят на поверхность. Люди, и это будет достаточно хорошо видно в интервью, размещенных ниже, думают различно, различно ставят проблемы, по-разному собирают материал. Они, собственно, никогда не собирались работать вместе. Но так вышло.

Наверное, в таких условиях научная жизнь вполне могла окончательно превратиться в формально исполняемый ритуал. Однако наличие площадок, где коммуникация неизбежна, наличие многочисленных личных, экстранаучных пересечений приводит к иной стратегии. Люди стремятся договориться. Методологические споры в явной и неявной форме продолжаются, позиции сближаются. Возникают на региональном уровне «новые» формы коммуникации: школы социологов, теоретические семинары, публичные лекции и т.д. Начинают укрепляться межрегиональные связи. Скажем, многолетний исследовательский проект в Иркутске под руководством В.И. Дятлова создал достаточно эффективную сеть без явно выделяемых центров. Очень разные исследователи от историков и демографов до социологов и специалистов по информатике в рамках этой сети получили возможность согласовать позиции. Нечто подобное происходит сегодня в Томске и Екатеринбурге. Есть основания ожидать начала этого процесса и в Хабаровске.

В результате гигантский эмпирический материал, накопленный «прикладными социологами» за десятилетия работы начинает обретать новый формат, тот, где его можно сопоставить с другим «особым регионом России», да и не России, возникает возможность «сказать регион»²⁴. Правда, все меньше остается уверенности, что это знание окажется востребованным в ближайшее время. Но времена меняются. События последних лет все больше подталкивают к мысли, что «тучные года», когда общество могло и не испытывать потребности в знании о самом себе, потребности в зеркале, заканчиваются. Впереди – период выживания. И здесь наличие «зеркала» (социологии) для общества становится сущностно необходимым. Хотя бы, чтобы, глядя в него, умыться.

В предлагаемой книжке размещены 5 интервью, взятые Б.З. Докторовым у социологов, так или иначе, связанных с Хабаровском, хотя и проживающих в разных городах. Интервью связанные и очень разные. Впрочем, в каждом из них отразились те процессы, которые я попытался обозначить во вступительной статье. Приятного чтения!

Л. Е. Бляхер

²⁴ Бляхер Л. Е. Дальний Восток: искусство неуправляемой жизни. М.: Европа, 2014.

БЕСЕДЫ С СОЦИОЛОГАМИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Настоящий текст продолжает, иллюстрирует теоретические положения статьи, открывающей эту книгу. Ее автор, Леонид Бляхер, предлагает некоторые подходы к типологизации путей развития социологии в российских регионах и анализирует факторы, которые детерминируют возникновение множественности таких типов. Здесь – обсуждается одно из направлений эмпирических исследований характера развития социологии в регионах.

Наша вторая цель – представить историко-социологический проект, в задачу которого исходно не входило изучение становления и развития российской социологии в региональном аспекте, но так получилось, что такая возможность открылась. Описывается методология и метод сбора информации о жизни и работе советских / российских социологов. Она и является эмпирической базой названного историко-социологического проекта.

Третья цель – рассказать о том, как возникла эта книга и познакомить с ее содержанием.

У любого нового есть прошлое

Ничто новое не возникает в вакууме, с абсолютного нуля.

Согласно типологии Л.Бляхера, социологический центр в Тихоокеанском государственном университете (Хабаровск), а точнее – сообщество социологов, политологов, исследователей рынка, полстеров, сложившееся в постсоветский период на Дальнем Востоке (и в Восточной Сибири), относится к «новым региональным» образованиям. Оно изучает различные аспекты региональной политики и жизнедеятельности населения, живущего на этой огромной территории России. По мнению Бляхера, все происходившее в позднесоветских и первых постсоветских социологических школах затрагивало, в основном, крупнейшие научные центры, доносясь до провинции лишь в виде «шумов». Особенно долго подобное положение дел сохранялось на Дальнем Востоке. За исключением ряда институтов ДВО АН СССР, социология (скорее, протосоциология) существовала в вузах на кафедрах научного коммунизма или марксистско-ленинской философии. В институтах ДВО эмпирические методы социологии использовали экономисты и, изредка, историки. Собственные задачи в этот период у социологии в регионе отсутствовали.

Трудно не согласиться с этим утверждением. Однако мне кажется, что в будущем, при написании истории социологических исследований на Дальнем Востоке, предстоит внимательно изучить опыт того, что Бляхер назвал «протосоциологией», а также рассмотреть все, что делалось для изучения социальной политики и жизни населения региона социологами из других районов страны и учеными, представляющими «смежные» с социологией научные направления:

историками, этнографами, культурологами. Важно будет обозреть сделанное социально мыслившими учеными и журналистами в дореволюционные и послереволюционные годы. Все вместе это углубит наше видение процесса становления и развития отечественной социологии.

Напомню, А.Г. Здравомыслов в ряде своих последних работ в качестве одного из зачинателей, пионеров российской социологии называл А.И. Герцена, имея в виду его «Былое и думы». Среди первых, наиболее значимых работ социологического характера называют книгу «Физиология Петербурга», вышедшую под редакцией А.Н. Некрасова и содержащую очерки В. Г. Белинского, Д. В. Григоровича, В. И. Даля, И. И. Панаева и других писателей, представлявших «натуральную школу». Некрасов формулировал цель этой работы вполне социологически: «раскрыть все тайны нашей общественной жизни, все пружины радостных и печальных сцен нашего домашнего быта <...>, ход и направление нашего гражданского и нравственного образования». Современный литературовед, профессор В.А. Недзвицкий охарактеризовал «Физиологию Петербурга» как манифест социальной беллетристики.

В свете сказанного, будет полезно заново, по-социологически, прочесть «Остров Сахалин» А.П. Чехова. Это означает: выделить предметные зоны, описать важнейшие социальные группы населения острова, попавшие в поле зрения автора (исследователя), очертить характер переменных, в пространстве которых он изучал социальные общности, дать оценку методолого-методической стороне исследования. Ссылки Чехова на диссертации П.И. Грязнова (1880 г.)²⁵ и В. И. Никольского (1885 г.) по социальным аспектам медицины свидетельствуют о высокой степени его включенности в изучавшуюся им тематику. Это покажется удивительным, но в веб-сети мне удалось найти не только некоторые биографические данные В. И. Никольского и историю того, как его диссертация оказалась в библиотеке Чехова²⁶, но и текст самой работы²⁷.

Принципиальным для понимания сделанного А.П.Чеховым в области развития медико-социальных исследований в России, а в современном понимании – социологии медицины, является тот факт, что в своей работе он обращался к известной книге профессора Юлия Эдуардовича Янсона (1835-1893) по теории статистики²⁸. Более того, известно, что друзья Чехова пытались, представить «Остров Сахалин» в качестве диссертации, но декан медицинского факультета

²⁵ Грязнов П.И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда : (с 12 диаграммами и картою) : Дис. на степ. д-ра медицины / Павла Грязнова. - СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1880. - [4], VIII, 216 с., табл.

²⁶ Павлов С. Вся жизнь – служение России // Подъем. 2002. № 3. С. 225-230 <<http://chegov.tambovlib.ru/Nikolskij.html>>

²⁷ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Дисс. на степень доктора медицины. Тамбов: 1885 <http://chegov.tambovlib.ru/Nikolskij_files/Nikolsky-web.pdf>

²⁸ Янсон Ю.Э. Теория статистики. Лекции проф. Ю.Э. Янсона. 1886/87СПб., типо-лит. А.Е. Ландау. 1886 <<http://sakhalin-chekhov.ru/imported/92.pdf>>

Московского университета, известный патолог профессор Иван Федорович Клейн (1837-1922) не поддержал это обращение²⁹.

Таким образом, хотя, действительно, сообщество дальневосточных социологов относится к «новым региональным» образованиям, социологические исследования на этой территории проводились и ранее. Но в силу того, что в течение трех десятилетий – с конца 1920-х до конца 1950-х годов – социология в СССР была фактически запрещена, «новая социология» не является преемницей «старой». Вся послевоенная советская социология – это новое научное и социокультурное явление.

Методология исследования

Структура и содержание настоящей книги станут более ясными, если представить, кратко описать методологию и главный исследовательский метод проводимого автором данной статьи изучения истории современной советской / российской социологии.

В последние годы появился ряд серьезных работ историко-социологической направленности, осуществленных Г.С. Батыгиным, Г.Е. Зборовским, Б.М.Фирсовым, В.А. Ядовым и рядом других исследователей. Тем не менее приходится учитывать тот факт, что в России лишь начинает складываться традиция анализа и изложения истории современной отечественной социологии, постепенно формируется методология, учитывающая как особенности развития самой социологии, так и специфику понимания роли личности в обществе и в развитии науки. Принимая многое из сделанного российскими учеными в плане анализа становления постхрущёвской социологии, мне, однако, кажется, что в этих исследованиях слабо представлены сами создатели социологии, их жизнь и творчество. Исследователи в них присутствуют скорее как индивиды, действующие в заданных (производственных) обстоятельствах, но не как личности, профессиональное и гражданское поведение которых определено социально-политическими, идеологическими и нравственными императивами, нормами, обстоятельствами.

В моем понимании, становление науки это всегда результат деятельности конкретных людей, соответственно, невозможно писать историю науки, не обращаясь к биографиям тех, кто ее создает. Рассматриваем ли мы науку, в частности – социологию, как социальный институт или как процесс рождения и трансформации идей и методов, невозможно обойти вниманием главных строителей здания науки – ученых. Безусловно, есть сферы развития любой науки, косвенно относящиеся к деятельности отдельных личностей, есть токи, исходящие из недр общества и замыкающиеся непосредственно на науку как соци-

²⁹ Капустин Д. Главное путешествие Антона Чехова <<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6867/>>

альный институт. Но все равно ничто «внешнее», «далекое» не отразится в методологии социологии, в теоретических схемах, в приемах измерения и анализа данных, если оно не затронет интересов того или иного социолога или групп социологов. Социологические концепции, постановки исследовательских проблем, выводы, обобщения, практические рекомендации не являются автоматическим следствием состояния общества, эпохи, но непременно – результатом преломления социологом (профессионалом, личностью) этого общественного, социального.

Более десяти лет назад, в начале своей работы, я рассматривал биографические интервью с советскими / российскими социологами лишь как «заготовки» для тех, кто через годы приступит к написанию «настоящей» истории. Но время изменило мое мнение. Теперь я полагаю, что – с рядом оговорок и уточнений – воспоминания социологов, их рассказы о прожитом, о своих коллегах, учителях – это уже история нашей социологии. Естественно, не исчерпывающая.

Изучение биографий ученых при стремлении к воссозданию прошлого достаточно распространенный элемент историко-научных исследований. Российские социологи часто обращаются к книге Г.С. Батыгина, в которой собрано 25 интервью (в некоторых случаях – автобиографические эссе) с теми, кто стоял у истоков современной российской социологии. Регулярно интервью с социологами публикуют: «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологический журнал», «СОЦИС», «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Одним из импульсов к проведению мною интервью и было исследование Батыгина, но при всем желании я не мог следовать его схеме беседы с социологами и не мог обсудить с ним его планы по изучению содержания интервью. В проекте Батыгина ведущим методом сбора информации было личное интервью, которое проводил он сам или кто-либо из его сотрудников. Я не знаю, формулировались ли им какие-либо квалиметрические критерии для отбора респондентов, но в целом ему удалось сохранить для истории биографические данные и «маршруты» прихода в социологию опытных и известнейших социологов, в основном москвичей. После выхода его книги в свет я несколько раз встречался с Батыгиным, с которым дружил многие годы, но его историко-биографические поиски мы не обсуждали, ибо в то время я не думал разрабатывать эту тему. А когда я начал углубляться в нее, к сожалению, Батыгина уже не стало...

Традиционно биографическую информацию собирают в личном интервью, реже – методом почтового анкетирования. Осенью 2004 года, задумывая исследование истории советской / российской социологии, я не мог воспользоваться этими технологиями, ибо к тому времени уже десять лет жил в Америке. Оста-

валось лишь пробовать общаться с моими будущими респондентами по электронной почте. Однако и мои собственные рассуждения, и мнения моих коллег были весьма пессимистичны в отношении использования такой процедуры для получения очень личностной информации; этот метод интервью представлялся нам слишком экзотичным, не реализуемым. Не было и специальной литературы по данному вопросу, так как – скорее всего – никто из специалистов в области биографического анализа, тем более – в рамках историко-научных поисков, не использовал его, ибо не оказывался в моей ситуации. Сейчас не очень верится, но десятилетие назад существовали серьезные опасения относительно того, что электронная почта хорошо освоена российскими социологами, в том числе – представителями старших поколений, и возникнут препятствия для поиска респондентов. Тем не менее, итогом анализа критических аспектов и достоинств этого метода стало мое решение о начале проведения опроса. Другого варианта у меня просто не было.

При конструировании схемы биографического интервью по электронной почте я опирался на значительный собственный опыт проведения в 70-е – 80-е годы в Ленинграде почтовых опросов, в которых, благодаря использованию серии приемов *персонализации обращения* к респондентам, удавалось добиваться высокого уровня возврата заполненных анкет. Кроме того мною были изучены методы онлайн-опросов, которые в конце прошлого века начали применяться американскими полстерами и исследователями рынка. Я сразу отказался от попыток разработки жесткой анкеты и ее массовой рассылки. И даже не потому, что такая анкета не отвечала бы цели изучения столь сложного, многослойного конструкта, каким является биография ученого, но потому, что формализованное анкетирование и массовая рассылка опросного листа не соответствовали моему представлению о персонализированном обращении.

Первые интервью были проведены в 2005 году, сначала я старался спрашивать моих петербургских и московских коллег, которых знал десятилетиями. По сути то было продолжением моей неформальной переписки с друзьями, которые согласились стать моими первыми «респондентами». Наше общение было сугубо персонализированным, и позже некоторые из найденных и отшлифованных здесь приемов общения стали базовыми для становления действующей сейчас процедуры интервью.

Можно было бы описать составляющие используемой схемы проведения интервью и показать ее работоспособность при сборе биографической информации. Но отмечу лишь тот факт, что к середине апреля 2015 года было проведено около 120 бесед с социологами. Более половины из них имеют степень доктора наук (в том числе: три академика и два члена-корреспондента РАН), треть – кандидаты наук, есть несколько опытнейших специалистов без степени.

В совокупности этими учеными опубликовано около тысячи книг, десятки тысяч статей, под их руководством выполнены сотни кандидатских диссертаций.

Мои первые респонденты были сложившимися специалистами, принадлежность которых к социологическому сообществу не вызвала бы ни у кого и доли сомнений. Вместе с тем, продумывая организацию процесса интервьюирования, я сразу ввел три критерия для отбора респондентов. Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому очевидным критерием оказалось наличие у потенциальных респондентов электронной почты. Некоторые из тех, с кем я тогда хотел побеседовать, не пользовались электронной почтой, но все же, как показала практика, это не был слишком жесткий критерий. В начале нового века подавляющим числом социологов старших поколений электронная почта была освоена.

Второй критерий – возраст опрашиваемых. Первоначально это были ученые, возраст которых варьировал в узком промежутке: старшие приближались или уже отметили 80-летие, младшие перешагнули 60-летний рубеж. Ведь именно они могли многое рассказать о прошлом. Позже возрастной интервал был принципиально расширен, я стал опрашивать значительно более молодых социологов.

Третий критерий – успешность деятельности ученых. Понятно, «успешность» - трудно формализуемая категория. В моем понимании, она не задается напрямую наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных работ и т. д. Речь идет скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом, его известности в кругу специалистов. В первые годы, зная лично многих социологов и хорошо представляя их роль в нашем сообществе, я не испытывал сложностей в поиске компетентных респондентов. Вскоре сложился круг моих консультантов, знавших лучше меня, кто из социологов активно, плодотворно работает. По сути выборка «раскручивалась» по методу «снежного кома»; в поисках респондентов я постоянно обращался (и обращаюсь) к тем, кого знаю многие годы, кому доверяю и кто, как правило, сам прошел через процедуру интервьюирования.

В 2007 году, когда количество завершенных интервью приближалось к десяти, заявила о себе задача объединения в группы, кластеры социологов, «близких» друг другу по жизненному опыту и периоду пребывания в профессиональной сообществе. Так возникло представление о *поколенческой структуре* советских / российских социологов, анализ которой позволил бы перейти от собственно биографической (т.е. индивидуальной) информации к обобщениям историко-наукovedческого плана. Под поколениями понимаются достаточно однородные по возрасту группы ученых, удовлетворяющие двум условиям: 1) первичная социализация членов одного поколения происходила в сходных ис-

торических и социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Первое требование – очевидно, оно отвечает мангеймовской традиции включать в одно поколение совокупность людей, социализировавшихся в сходных условиях, и стало универсальным, базовым для когортного, поколенческого анализа. Второе проистекает из того, что в создаваемой системе *профессиональных* поколений необходимо учитывать особенности становления постхрущёвской социологии в СССР и своеобразии личной деятельности ученого. Замечу, что в первые десятилетия современного периода российской социологии существовали принципиально разные пути вхождения в науку. Поэтому профессиональное становление (т. е. дороги в социологию) ровесников нередко проходило в различных обстоятельствах, и, следовательно, из принадлежности к одной возрастной когорте не вытекает автоматически принадлежность к одному поколению социологов.

Итак, поколения российских социологов – это, прежде всего, наделенные рядом социально-профессиональных характеристик возрастные группы, и потому их вычленение внутри профессионального сообщества в первую очередь было связано с определением их *хронограниц*, с нахождением их временной протяженности, или продолжительности. Формально эту задачу можно рассматривать как чисто «арифметическую». Однако, это не так, профессиональные поколения должны хранить в себе следы реального процесса развития отечественной социологии и соотноситься с множеством глобальных социально-политических процессов, формировавших поколенческую структуру всего советского/российского общества.

После долгих попыток определения хронограниц поколений я пришел к заключению о том, что существует лишь один способ *освободиться* от давления «Монблана» частностей – сделать все поколения *равной* продолжительности. Затем на основе ряда общих положений шкалирования и правил построения теоретико-эмпирических типологий была определена продолжительность поколенческого образования – 12 лет. Валидность этой типологии подтверждается двумя положениями. Первое, 12-летние (или подобного порядка продолжительности) поколения в структуре населения СССР/России, выделяемые по разным содержательным основаниям, достаточно распространены в социологической и демографической литературе. Второе, выделенные социологические поколения имеют достаточно простую социо-хронологическую интерпретацию. Процесс построения поколенческой стратификации и анализ ее обоснованности

рассмотрены мною в ряде работ,^{30,31} сама схема поколений представлена в табл. 1.

Таблица 1

Лестница поколений в постхрущёвской российской социологии

Поколение	Годы рождения	Социохронологическое название поколения
Первое	1923–1934	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	1920-е–1934	«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	Военное
Четвертое	1947–1958	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	Дети перестройки

Я счел необходимым привести хотя бы краткое описание типологии поколений советских / российских социологов, потому что она лежит в основании структуры данной книги, в опоре на нее упорядочены приводимы здесь биографические материалы.

Начало летописи современной дальневосточной социологии

Как следует из вышесказанного, общие предпосылки для появления в будущем исследований о становлении и развитии советской / российской социологии, базирующихся на воспоминаниях участников этого уже более чем полувекового процесса, начали оформляться в 2005–2007 годах, когда количество интервью увеличивалось и приходило понимание важности поступавшей информации. Вместе с тем, еще достаточно долго никаких планов относительно стратификации массива собранной информации по территориальному признаку не было. Во-первых, общее число проведенных интервью оставалось недостаточным для тонкого анализа; так к концу 2011 года были завершено 44 интервью, а к лету 2014 года – 60. Во-вторых, основная масса опрошенных проживала в двух столицах, по 25 человек – в Москве и Петербурге. Все другие города России были представлены крайне слабо: два социолога из Екатеринбурга и по одному от Красноярска, Иваново, Новосибирска, Самары и Тюмени. Были еще два бывших российских социолога, давно живущих в США и один – в Эстонии.

Можно привести несколько объяснений такого положения дел, но одно из главных – мое слабое знание социологов из регионов. Коренное изменение си-

³⁰ Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.

³¹ Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>.

туации произошло в первых числах июля 2014 когда, во время моей поездки в Москву ответственный редактор библиографического сборника «Социологи России» Ж.Т. Тощенко подарил мне эту уникальную книгу: свыше 800 имен социологов разных поколений из разных регионов страны. Появилась возможность для поиска собеседников в интересующих меня регионах и необходимых мне для будущего анализа возрастных интервалах.

Поскольку фамилии в Справочнике расположены в алфавитном порядке, одним из первых кандидатов на интервью стал незнакомый мне профессор Л.Е. Бляхер. Привлекло то, что он – в моей лестнице поколений – принадлежит к пятой профессионально-возрастной когорте. Далее я обратил внимание на то, что его кандидатская диссертация была связана с исследованием парадигматики М.М Бахтина, а в одном из его докладов анализировалось творчество Андрея Платонова. В моем понимании, это – очень заметный элемент «визитной карточки» ученого. Редкими оказались и другие моменты его биографии: рождение в Душанбе, служба в армии, отсутствие обучения в аспирантуре, работа в Хабаровске. Все, с кем я ранее проводил интервью, либо учились в Москве или Ленинграде, либо проходили там аспирантуру. И наконец, докторская диссертация по социальному хаосу, защищенная в 33 года.

Конечно, я сразу нашел в Интернете электронную почту Бляхера отправил ему письмо и предложил дать мне биографическое интервью. Это было 26 июля 2014 года. Он сразу же ответил, что находится в Австрии без нормального компьютера, но вернется домой 4 августа, и с радостью вышлет мне ответы на мои вопросы. Действительно, в указанный день я отправил Леониду первый вопрос, а далее произошло то, чего в моей практике не было и, уверен, не скоро повторится. Интервью, несмотря на то, что (а, может быть, потому что) нас разделяли 18 часов, протекало в прямом диалоге, как в чате. Все было сделано за два дня, но мне трудно подсчитать, за сколько часов.

Так началось мое знакомство с дальневосточными социологами, мое «освоение Дальнего Востока».

Если бы при поиске респондентов я пользовался лишь справочником «Социологи России», может быть, и сегодня у меня не было бы интервью с профессором Илдусом Ярулиным. Согласно алфавитному упорядочению фамилий в книге, информация о нем оказалась на предпоследней странице книги, кроме того меня тогда интересовали в первую очередь социологи V и VI поколений, а он представляет IV поколение. Но побеседовать с ним мне рекомендовали его коллеги по Тихоокеанскому государственному университету в Хабаровске. Поскольку основной принцип расположения интервью в данной книге – поколенческий, постольку начинается она беседой с Ярулиным – единственным представителем четвертого поколения российских социологов. После заверше-

ния обучения в университете в Казани, он поехал за романтикой на Дальний Восток, и вот – уже 33 года радуется и удивляется этим местам и живущим там людям. Потом были защиты кандидатской и докторской диссертаций в Петербурге, по итогам последней Ярулин стал первым доктором политических наук на Дальнем Востоке. Затем было создание социального-гуманитарного факультета в Тихоокеанском государственном университете.

Три следующих интервью принадлежат социологам VI поколения, ранняя социализация которых проходила в годы заката застоя, а период студенчества – в начальные 90-е. Это – первое поколение, которое начинало свою профессиональную деятельность уже в новой, постсоветской России.

Профессор Григорий Говорухин – коренной дальневосточник. Его дед по материнской линии приехал в эти места в 1936 году, когда Комсомольску-на-Амуре было четыре года, и неформально он назывался «Копай-городом». Родители отца – тоже дальневосточники, родились недалеко от Благовещенска. В кратком рассказе Говорухина о родительской семье отражены события, известные многим лишь по книгам: русско-японская война и канонерка «Кореец», партизанские движения в Спаске и бои на Волочаевской сопке. Увлечение прошлым города, семьи определило его интерес к истории и позже подвело к социологии. В родных для Григория местах произошло и его профессиональное становление: исторический факультет университета в Комсомольске-на-Амуре, аспирантура в Хабаровске, докторская диссертация по социологии (2011 г.), посвященная анализу процессов освоения пространства Дальнего Востока. Весьма ценным и отчасти стимулировавшим появление этой книги было замечание Говорухина: «Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока, если не в полной мере проявилась, то уж точно очерчена».

Далее следует интервью с Константином Вадимовичем Григоричевым, вся жизнь которого связана с Сибирью. Он родился в Челябинске, его студенческие и аспирантские годы прошли на историческом факультете Барнаульского педагогического университета, несколько лет он работал в Казахстане и с 2006 года живет и работает в Иркутске. Он человек с достаточно рано сложившимися научными интересами, включающими в себя демографические, миграционные и этномиграционные процессы в Сибири; он обладает солидным теоретическим опытом в разработке указанной тематики, участвовал в экспедициях, работал в административных и властных структурах, включен в преподавание различных курсов.

Готовя интервью с Константином для размещения на сайте данного историко-социологического проекта³², я отметил, в самом начале нашей работы должен был извиниться перед ним. 30 октября 2014 года в Тихоокеанском государственном университете в г. Хабаровске он успешно защитил докторскую диссертацию по социологии на тему: «Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода», а через пару дней, не дав ему отдышаться, я отправил ему приглашение к интервью. Но теперь, уже все позади. 13 апреля 2015 года его работа была утверждена ВА-Ком, не вызвав у членов этого Совета никаких дополнительных вопросов.

Как с Бляхером и Говорухиным я познакомился с профессором Эльвирой Октавьевной Леонтьевой, перелистывая названный выше биографический справочник. Обращаясь к ней с просьбой рассказать мне о своей жизни и работе, я писал ей 31 августа 2014 года: «Уважаемый Эльвира Октавьевна, краткую информацию биографического характера о Вас, в которой есть и некоторые данные о ваших исследованиях, я нашел в недавно вышедшей в Москве книге «Социологи России». А ваш электронный адрес помог мне найти Леонид Бляхер, с которым я недавно провел биографическое интервью».

Мне показался интересным с историко-социологической точки зрения, рассказ Леонтьевой о ее вхождении в социологию: «... «прочитала много разного бреда про загнивающую буржуазную массовую культуру, на фоне которой только у советского общества есть шанс создать новую-высоко-образцовую-безусловно-прекрасную, хоть и массовую, но всё же действительно культуру», отчаялась, но здесь случайно открыла для себя маленькую зелёную книжицу Бориса Грушина “Массовое сознание”». На ее основе она сделала курсовую и диплом, «этот маленький зелёный лучик» поддержал в ней «огонёк зарождающейся любви к исследовательской работе».

И эти слова Леонтьевой о маленькой зелёной книжице Бориса Грушина “Массовое сознание”³³ соединили – что нечасто случается – два события, одно из которых происходило в конце 80-х в Томске, а другое – летом 2004 года в ходе моего телефонного разговора с Б.А. Грушиным; в то время он был в Москве, а я – в небольшом калифорнийском городке недалеко от Сан-Франциско. Вот что я написал Леонтьевой после прочтения ее сообщения: «Эльвира, очень интересно. Я переслал Вам pdf-версию моей небольшой книжки о Б.А. Грушине³⁴, и в ней сказано, что на протяжении многих лет он больше всех других своих работ ценил именно это книгу. Приведу фрагмент из нее:

³² Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-конс. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПИМ, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>

³³ Грушин Б. А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.

³⁴ Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>>

“При написании первой статьи о Грушине я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Как только я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «...такая зелёная»; я ещё раз подтвердил, что всё в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано и насколько глубоко он был погружён в свою текущую работу, эта его реакция была неожиданной. Но теперь я могу полнее оценить значение этой «зелёной» книжки и лучше понять истоки её поэтичности”.

В целом мы видим, что беседы с социологами позволяют по-новому посмотреть на то, каким образом содержание, внутренние установки социологов первого поколения, к которому принадлежал Б.А. Грушин, воздействовали, проникали в сознание их младших коллег. Отмечу, и из подобных «мелочей», отражающих реалии жизни социологического сообщества, складывается глубокая, невидимая история развития нашей науки.

Никакие шесть интервью с социологами Дальнего Востока в принципе не способны дать достаточно полную картину развития и современного состояния социологии этого региона. Наша книга – лишь начало погружения в столь сложную, многоаспектную тематику, но каждая беседа содержит информацию о личности ученого, о его пути в науку, о разработке им теоретических аспектов социологии, об участии в решении задач практики и в процессе подготовки кадров.

«Новизна» социологии Дальнего Востока объясняет тот факт, что среди моих собеседников нет социологов первых трех поколений. Хотя, скорее всего и в доперестроечные времена здесь велись интересные поиски и были получены заслуживающие внимания результаты. С тех прошло совсем немного времени, и если есть понимание важности сохранения прошлого, если есть желание рассказать о деятельности людей, которые и сейчас, возможно, трудятся, то есть возможность найти свое прошлое. Пусть даже его фрагменты...

Приведенные интервью с социологами четвертого, пятого и шестого поколений – это не только рассказы о настоящем, это и вход в будущее. Во-первых, у каждого из них впереди десятилетия работы. Во вторых, в ближайшие пару лет они завершат подготовку к самостоятельной профессиональной жизни младших представителей VII поколения российских социологов, тем, кому сейчас 20-21-22 года. А в лекционных залах и на семинарах они уже встречаются с социологами VIII поколения.

В 2008 году в Москве состоялся Конгресс российских социологов по случаю 50-летия нашей науки. В 2058 году – будет праздноваться столетие, всего то через 33 года. Уверен, в залах и кулуарах того форума будут звучать имена ученых, которые упоминаются в приведенных текстах. Возможно, кто-либо произнесет нечто подобное заголовку интервью с Леонидом Бляхером: «Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова», а кто-то будет говорить о «маленькой зеленой книжице» Бориса Грушина. Так возникает связь времен, связь поколений. Так делается и пишется наша история.

Б. З. Докторов

ЛЕОНИД БЛЯХЕР:
**«ИСПУГАННЫЙ ЭТОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ, Я КИНУЛСЯ
 ЧИТАТЬ УЧЕБНИК ЯДОВА»**

Согласно информации недавно вышедшего справочника «Социологи России», Вы родились в Сталинабаде, что не совсем верно, за четыре года до Вашего рождения городу было возвращено его историческое имя Душанбе. Как Ваши родители оказались там? Они сами приехали, скажем, на какую-либо стройку, или они там и родились? Вообще, как далеко, глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

Историю семьи знаю поколений на пять. Правда, там, где начинаются всякие «пра-пра», в основном, по семейным приданиям. Отец родился в Гомеле, а мама – в Москве. Но... типичная советская судьба. Бабушка (мама отца) с сестрами была эвакуирована (уже из Бобруйска) в Сталинабад. Дед ушел на фронт. Но в 43-м был ранен, комиссован и отправлен умирать в тыл.

После окончания войны бабушка, по рассказам, просто испугалась возвращаться в абсолютно разоренный город с мужем-инвалидом. Так они остались в Душанбе, где за годы эвакуации как-то обустроились. Бабушка работала в столовой, что и было основным источником питания в семье еще и на моей памяти. Дедушка, успевший окончить Санкт-Петербургское высшее коммерческое училище («пра» были купцами 1 гильдии, что позволяло учиться в столице) был каким-то хозяйственным замом на заводе. Папа окончил местный филфак, а потом искусствоведческий факультет Академии художеств им. И.Е. Репина в Ленинграде. Был в аспирантуре у Ю.Н. Давыдова в Москве. Но подписал письмо в защиту Даниэля и Синявского. После чего попытка «закрепиться» в столице не увенчалась успехом. Вернулся в Таджикистан, где и проработал в разных вузах до 1990-го года.

С мамиными родителями сложнее. В 1938-м году, ее отец был расстрелян на «ближней даче», а бабушка получила классические десять лет, как ЧСИР. Маму и ее брата от детдома и, наверное, смерти спасли тетки, проживавшие в Харькове. Самая «состоятельная» из них, адвокат баба Иза, «удочерила» маму. Чудом сбежав из Харькова, они после кучи мытарств тоже оказались в столице солнечного Таджикистана. В 1949-м в городок под Душанбе (Шахринау) прибыла в ссылку ее мама с новым, рожденным в тюрьме братиком. Старший брат мамы, дядя Юра, погиб на фронте в 1943-м году. В 1954-м бабушку реабилитировали. Она смогла вернуться в Москву. Мама осталась в Душанбе. Окончила местный физфак и работала в институте астрофизики. На занятиях по философии (кандидатский экзамен) они с папой и познакомились. Там ей предложили сменить специальность с физической на философскую. В результате, родившись в 1965 году, я оказался «философским ребенком».

Что из себя представлял Душанбе в 1960-70-е годы?

Душанбе был уникальным городом. Мое поколение интеллигентных душанбинских детей могло абсолютно искренне сказать: Спасибо товарищу Сталину (и частично, Брежневу) за наше счастливое детство! В Душанбе не ссылали, точнее, ссылали не часто. Зато туда много бежало тех, кто мог быть арестован, но не сильно жаждал этой участи. В силу абсолютной дремучести местного начальства, эти люди не только благополучно выживали в сталинской мясорубке, но и могли активно работать. Местную гуманитарную среду делали такие добровольные или не совсем добровольные переселенцы.

Драматический театр создавал Евгений Шварц. Местную философскую школу пестовал еще совсем молодой В.С. Библер, кстати, первый учитель родителей. Питерские востоковеды создали школу изучения восточных языков. Харьковские и московские «беженцы» создавали русский филфак. Поколение моих учителей, следующее поколение душанбинской интеллигенции, появилось под лозунгом «Брежнев – вон из Праги!». В результате сложилась среда с качественно более высоким уровнем свободы, чем в остальном СССР. Причем, не натужной свободы диссидентов. Но естественного состояния души. Здесь так жили. Конечно, КГБ было и в Таджикистане. Но у них, к счастью или несчастью, хватало реальных проблем (первые массовые этнические конфликты проявились уже в начале 70-х), потому людьми с «длинными языками» занимались не очень активно.

Сам город детства был теплым, домашним. Вдоль улиц бежали арыки. А над ними сплетали ветви платаны. При этом, как в любой столице национальной республики, там был десяток обязательных вузов, шесть театров, отделение академии наук. Население города было около полумиллиона. При невероятной полиэтничности, город считался «русским». Собственно, актуальными были три этнических самоопределения «таджик», «русский» и «узбек». При этом, в категорию «русский» попадали сосланные чеченцы и корейцы, депортированные немцы и татары. Видимо, основой был не столько этнический, сколько лингвистический фактор.

Какие воспоминания остались от школы? То, как Вы описали Душанбе, позволяет предположить, что в школах могли быть сильные учителя. Возможно, как у «философского ребенка» у Вас рано появился интерес к литературе, истории, но мог быть интерес и к физике...

Школа в городе была разная. Во-первых, были русские и таджикские школы. В первых преподавание велось на русском языке, во вторых, понятное дело, преподавали на таджикском. Учиться предпочитали в русских, где преподавание было существенно лучше. Почему? Отдельная тема. В таджикских школах учились дети недавних переселенцев из кишлаков, жители предместий. Но и

«русские» школы тоже были разными. Сословность здесь правила бал. Были школы, где предпочитали учиться дети парт номенклатуры, дети «начальников». Были школы, где тон задавали дети интеллигенции. Были «рабочие» школы. Различались в них и учителя, и атмосфера. В школах «для интеллигенции» отношения между учениками и учителями были, наверное, более приватными. В «школах для интеллигенции» было много учителей-легенд, к которым стремились попасть. Во всяком случае, родители стремились отдать туда детей.

На мою беду, большая часть этих легенд были естественниками. Об учителе математики Иване Дмитриевиче Борздыко я услышал раньше, чем научился писать. Он учил отца, маму, старшего брата. Его ученики становились докторами наук, получали престижные международные премии. В физико-математическую школу, по традиции, отдали и меня. Учителя были блестящими. Физика Иосифа Ивановича Ракитина помню до сих пор. Про преподавателя электроники (был у нас такой отдельный предмет) Александра Захаровича говорили, что не понять после его объяснения может только клинический идиот. Гуманитарные предметы преподавались, как «дополнительные». Иногда это было интересно. Но, в целом, воспринималось, как не важное. Тем более, что особыми физическими и математическими талантами я не блистал. Потому на физику приходилось тратить массу времени. Литературу и историю же можно было делать левой ногой. Об истории я гораздо больше узнавал дома от папы, а о литературе – от мамы. Выбор гуманитарной сферы был почти вынужденным. Заканчивался десятый класс. Был серьезный шанс на медаль. Но «пятерки» по алгебре и геометрии не выходили никак. Таких нас было три гения. И вот, перед началом экзамена нас пригласил наш математик и сказал: «Ребята, я не хочу вам портить жизнь. Вы тупые. Вы не виноваты. Просто так распорядилась природа. Давайте договоримся. Я ставлю вам «пятерки», если вы сдаете экзамен на «пять», но вы никогда не пойдете в вуз, где изучается математика». На том и порешили. Этот завет блюду свято. Хотя, честно говоря, обидно до сих пор.

Учились ли Вы одновременно в музыкальной школе, был ли интерес к рисованию, желание читать серьезные книги (не учебники) по физике, философии? Было ли увлечение общественной работой? Тогда ведь все были членами ВЛКСМ. Выезжали ли Вы собирать хлопок?

На мое несчастье у старшего брата был идеальный слух. Он шесть лет промучился в музыкальной школе, промучив параллельно родителей до такой степени, что обо мне речь уже не шла. До университета, да и в университете, я занимался совсем не интеллектуальными видами спорта. До 12 лет это были футбол и плаванье, а позже бокс. Был чемпионом и призером республиканских и союзных соревнований. До сих пор храню добрую память о моем тренере Ви-

талии Федоровиче Регуляне – моем детском идеале мужчины. Правда, читать любил всегда. По физике, конечно, о серьезных книгах речь не шла. Пробовал, не вышло. Но «Теорию относительности для миллионов» прочел классе в четвертом, как и всякую популярщину про космологию. Больше всего любил читать исторические тексты. Е.В. Тарле – любимый автор детства. Историческую беллетристику глотал пачками класса с 3-го. Любимым развлечением было перенести события из книги на карту. Вообще, карты и таблицы до сих пор моя страсть. Общественной работой не занимался. Только в армии был комсоргом, поскольку это давало возможность не жить в казарме и читать книжки. Да, кажется, на четвертом курсе организовал факультетский драмкружок. На хлопок, конечно, ездил. Сохранил об этом самые теплые воспоминания. Работали мы там мало и плохо. Зато было много выпивки, девушек, веселья и т.д. Всякие бытовые неудобства в тот момент серьезной проблемой не были.

Вы еще будучи школьником впервые выехали в европейскую часть СССР?

Конечно. Ведь бабушка и дядя жили в Москве. На даче под Москвой проводила лето и наша семья. Точнее мама со мной и братом. С мамой объездили Золотое кольцо, подмосковные усадьбы, московские музеи и театры. Она, вообще, считала своим долгом мотаться с нами, где можно и нельзя. В 8-м классе впервые выехал с отцом в Питер. Он там повышал квалификацию, а я бродил по городу. Вместе с ним ходили в музеи. Правда, это было менее интересно, чем с мамой. Он рассказывал об осях симметрии, специфике мазка и прочей искусствоведческой дребедени. Правда, иногда очень интересно о судьбе картин и художников. В составе спортивной команды, лет в 14, ездил в Набережные Челны, Казань, Донецк и Палангу. Кажется, этим мое знакомство с Европой заканчивалось, если не считать книжек и альбомов с фотографиями.

В годы Вашей юности и ранней молодости рядом с Душанбе проходила афганская война. Как это сказывалось на жизни города, отражалось в повседневной жизни людей?

Первое время была массовая истерика. Официально подавалось, что «басмачи рвутся через границу». Поскольку значительное число людей из Душанбе бывали в Афганистане, любили эту страну, то от всего информационного шума голова шла кругом. Потом появились первые ребята с боевыми наградами, появились инвалиды. Слово «афганец», которое прежде обозначало только жителя этой страны, да один из видов песчаных бурь, типа хамсина, изменило смысл. Появились рассказы «оттуда». В вузах стали учиться студенты из Афганистана из семей – сторонников «шурави» (советских). Потом пошли «грузы 200». Появился материнский страх, что «ребенка заберут в Афганистан». Когда я призывался, то мама приложила все свое влияние, чтобы «только не туда».

Попал служить в Забайкалье. Больше война никак на семье не сказалась. Может быть, только одно воспоминание. Наш дом окнами выходил на дорогу, ведущую в южном направлении. Почти каждую ночь по дороге грохотали колонны танков и БТР, едущие на юг.

И еще мимо одного процесса мы не можем пройти. Вы так мягко заметили, что Ваш отец работал в Таджикистане до 1990-года. По-видимому, имеется в виду массовый отъезд русскоязычного населения из республики... Вообще, как это происходило, что это был за процесс? Я в те годы уже жил в Америке, и мне было не до российско-таджикских событий. Каковы причины этого отъезда (или бегства?). Какова «эжирность» направленности векторов отъезда еврейского населения в Россию и Израиль?

Напряжение нарастало очень постепенно. Вернувшись из армии в 1986-м году (рассвет Горбачева я встретил там), я увидел, что продуктов в сытом Душанбе стало намного меньше. Появились пустые полки и длинные очереди. Вместе с ними первые частные («кооперативные») магазины, кафе, бары. Но если в «русском» Душанбе это было проблемой, то в кишлаках в условиях демографического взрыва, произошедшего в 60-е – 70-е годы, это становилось катастрофой. Формировалась линия противостояния «столица – республика». Вторая линия противоречий шла по поводу «государственного языка», перевода делопроизводства на таджикский язык. Русскоязычным населением это воспринималось, как форма «выдавливания» их с государственных рабочих мест. Третья линия противоречия, самая острая, шла между «племенами». Основная масса этнических таджиков проживала и проживает в Узбекистане (Самаркандская и Бухарская области). Таджикистан – это исторически горные бекства, ну керы которых очень охотно ходили в походы на таджикские города. При создании Таджикской АССР, а затем и ССР в нее был включен узбекский Ходжент (Ленинабад). «Северяне» и были «правлящим классом» в республике. Южные кланы, оттесненные от власти, копили раздражение. И однажды оно взорвалось. Предлогом к началу всего и вся стали слухи, что в город прибыли беженцы из Баку, которым дадут квартиры, предназначенные для таджиков. Почему именно это, сказать не берусь. Но в начале февраля 1990-го года огромная толпа молодых людей собралась перед зданием ЦК КП Таджикистана. Вытесненные с площади, они пошли по городу, громя дома и избивая людей. В нашем районе погромов удалось избежать. Район был рабочий, традиционный. Почти сразу возникли отряды самообороны. В серии стычек получилось объяснить ребятам, что им здесь не тут. Потом в республике появилось огнестрельное оружие. Много оружия. Как-то, дежуря ночью, мы остановили машину, багажник которой был забит калашами. Автоматные очереди заменили ночных цикад. Введе-

ние войск на какой-то момент стабилизировало ситуацию. Но не вполне. В 1992-м страна взорвалась гражданской войной на почти десять лет. С 1990-го по 1992 годы и шел основной отток. Израиль организовывал даже спецрейсы для вывоза евреев из Таджикистана. Большая часть нашей семьи, всевозможные дяди и тети, включая родного брата, там. Немецкая община, представители которой еще с начала 80-х активно отбывали на историческую родину, отбыла почти полностью, захватив некоторое число евреев. Самый «жирный» поток шел в Россию. Первоначально лидировала идея сельских поселений. В Воронежской и Калужской области возникли деревни и районы в малых городах, где компактно проживали душанбинцы. Но конфликты с местными властями и населением, в конце концов, привели к гибели всех этих общин. Сегодня большая часть их представителей живет в Москве и Подмосковье, отчасти в городах близ Санкт-Петербурга. Почему мы поехали на Дальний, а не на Ближний Восток, сказать трудно. Наверное, вопрос языка, который в тот момент казался особенно болезненным. Почему именно в Хабаровск, сказать легче. Когда отец сообщил о таком варианте, я был в шоке. Память о светлых армейских годах была жива. Тогда он разложил карту СССР и сказал: «Видишь, как это далеко? Пока до туда докатится очередной российский маразм, или он сдуется, или против него найдут противоядие». Так мы стали дальневосточниками.

У Вас уже дважды в тексте появилась служба в армии? Я не понял, Вы служили до Университета, Вас оторвали от обучения или после получения высшего образования?

Я учился в тот замечательный период, когда факт принадлежности к студенчеству не обеспечивал отсрочки. В результате, после окончания второго курса я отправился отдавать долг родине. Надеюсь, что мы с ней в расчете. Служил в ЗабВО. После возвращения продолжил учиться. За год почти отвык публично использовать мат в качестве разговорного языка и пытаться выяснить истину с помощью потасовки. В целом, учитывая бегство и обустройство на новом месте, да и некоторые другие аспекты биографии, опыт был полезным.

Тогда вернемся к моменту завершения школы. Какой это был год? Какие планы на продолжение образования были? Были ли планы получить образование в Москве или Петербурге? Какой факультет Вы все же избрали?

Это был 1982-й год. Выбор был между филфаком и истфаком. Историю всю жизнь любил очень. Не стал поступать из страха, что туда идут жаждущие будущей чиновной или партийной карьеры. Этого не хотелось точно. Остался филфак. Про обучение в столицах думал и даже частично реализовал. Но, по разным биографическим причинам, пришлось вернуться домой. Как оказалось, филфак в Душанбе был на диво сильным, а учиться было интереснее и приятнее, чем в Москве. С нами «носились». Позвонить поздним вечером преподава-

телю, поскольку тебя осенила «гениальная идея», считалось почти нормой. Совместные капустники студентов и преподавателей, теоретические и творческие семинары – все это было обычным делом. В МГУ профессор не всегда даже вспоминал о том, что у него лекция.

С 3-го курса (после армии) мне дали свободное посещение и индивидуального наставника. Сначала я работал под руководством П.А. Клубкова, совершенно гениального лектора и потрясающе интересного собеседника. У него была шикарная домашняя библиотека, где я «пасся» постоянно. Причем, что в те годы было редкостью, множество книг на иностранных языках, редких переводов. Сам Павел Анатольевич заканчивал факультет математической лингвистики в ЛГУ. Писал диплом и защищал диссертацию у Льва Буланина, занимался в семинаре у Ю.М. Лотмана. Я, честно говоря, предпочитаю думать о себе, не как о «внуке» Библера, а как о «внуке Лотмана». Хотя наше профессиональное сотрудничество не сложилось, но теплое общение мы продолжали до последних дней его жизни.

Потом я работал под руководством О.Б. Кушлиной, сегодня более известной, как писатель и критик, издатель собрания сочинений своего супруга Виктора Кривулина. Собственно, более счастливых и ярких лет в жизни у меня не было. Нас не только учили. Мы постоянно выезжали в столицы на какие-то конференции, ездили на семинар к ЮрМиху Лотману в Тарту, на студенческие олимпиады в Краснодар. Проводили сами конференции. Последнюю проводили уже в условиях военного положения и комендантского часа. Это было захватывающее действо. В стиле – всем смертям назло.

Филфак: русское отделение или иностранные языки? Вас тянуло в журналистику? Писательство? Семиотику?

Русистика. Мне казалось (в школе), что там меня «научат писать стихи». Журналистика была формой быстрого заработка. Как работа не воспринималась. С иностранными языками не сложилось. До сих пор общаюсь на уровне «твоя моя не понимает». Читать проще. Про семиотику узнал уже в университете. То есть слово слышал от родителей, но, почему-то, не заинтересовался. Зато первую курсовую у Клубкова писал на тему «Семантика стихотворного размера. Четырехстопный хорей».

И что быстро поняли, что в университетах не учат писать стихи? В армии, наверно, Вас привлекали к работе в газете? И все же, какое образование Вы получили: по диплому и по сути?

Почти сразу стало понятно, что стихи меня писать не научат. В армии от стенгазет я был почти свободен, поскольку 2/3 службы следил за «спокойствием воздушных границ нашей Родины». Там или смена, или сон. В последние полгода что-то выпускали, но не отложилось. Образование по диплому у меня

«Филолог. Преподаватель». По сути сложнее. Даже затруднюсь сказать. Наверное, все же филологическое. Только с очень специфическим пониманием филологии. Клубков говорил: То, что штаны одевают через ноги, а не через голову, тоже имеет отношение к языку. Язык – единственная материя, в которой нам представлена реальность.

В армии Вам не предложили вступить в КПСС? Для работавших в журналистике это было крайне полезно...

Предложили. И я даже согласился. Только не вышло. Меня во время оно выгнали из комсомола. В результате я оказался комсоргом, не будучи комсомольцем. Просто об этом никто не спросил, а по умолчанию предполагалось, что все комсомольцы. В результате я под дембель получил хороший скандал. Но замяли и задним числом приняли меня в ВЛКСМ. Так что я – дважды комсомолец СССР!

И Вас распределили в школу или предложили аспирантуру?

И не то, и не другое. Меня распределили на кафедру общего языкознания. Предполагалось, что через пару лет я поеду в аспирантуру и защищусь. Правда, с третьего курса я подрабатывал в школе, поскольку скоропостижно женился, соорудил потомка. Следовательно, возникала необходимость кормить семью. Газетные же заработки были очень не регулярными. Но сим радужным планам было не суждено сбыться. Начинается война в Таджикистане и мы, благополучно, делаемся понечетными дальневосточниками. В результате аспирантура в моей жизни так и не случилась. Как-то совершенно набегу защитил обе диссертации. Даже обидно. Люди делятся перипетиями защиты, смешными случаями. А я этого акта почти и не помню.

Вот и повспоминаем... но сначала о переезде. Это когда произошло? Были ли какие-либо подъемные, оплачивались ли (Россией?) авиабилеты, предоставлялось ли переселенцам жилье, как Вы решали вопрос трудоустройства?

Переехали в августе 1990-го. У родителей был статус «приглашенных специалистов» (была в СССР такая формула). Приглашал хабаровский пединститут. Им почти сразу дали жилье. Я ехал на «птичьих правах». В качестве бесплатного приложения к приглашенным специалистам. Билеты никто не оплачивал. Дали работу и то счастье. Мы с женой и двумя уже детьми жили в общешитии. Я попал на кафедру литературы местного филфака. Папа возглавил кафедру мировой художественной культуры. Мама пошла работать на кафедру философии. Через какое-то время, немного очухавшись, я устроился преподавать русский язык китайцам. Начал халтурить по местным газетам. Как-то концы с концами сводили.

Когда на горизонте замаячила наука? Какая проблематика? С кем обсуждали?

Наука маячила всегда. Просто ничем другим я толком и не умею заниматься. В 1992-м попытался защитить филологическую диссертацию по русским переводам Шиллера. Не срослось. Защита должна была быть в Москве. Элементарно, не набрал денег, а оплата командировок в тот период становилась мистическим объектом. Пришлось срочно переориентироваться на местные советы. Еще в Душанбе я начал заниматься М.М. Бахтиным. Был в 1989-м году на конференции в Саранске. Опубликовал пару-тройку статей. Вот это и оформил в кандидатскую, уже по философии. На тот момент я работал уже в местном техническом университете (больше зарплата, лучше жилищные условия) на кафедре культурологии. Сдал экзамены, защитился. Была ли это наука, сказать не берусь. Решались самые меркантильные проблемы. У кандидата меньше нагрузка, больше зарплата. Ему легче найти приработку. Собственно, наукой я стал заниматься после защиты. Просто, как отдушиной, в достаточно гадкий период жизни. А потом появился батяка Сорос, Фонд Форда и другие хорошие люди, коим благодарен до сих пор.

И все же, почему Бахтин, а не скажем, Шолохов или Тьнянов? Что в творчестве Бахтина «зацепило»? На каком Совете и по каким наукам Вы защищались?

Честно говоря, как самый неконкретный из всех больших филологов-философов. Мутный классик очень удобен, чтобы начинающему автору приписать ему свои мысли. Собственно, меня всегда интересовало, как создаются и как разрушаются общие представления, то, что «все знают». А у Бахтина я смог вычитать теоретическую модель одного явления. «Найти классика» посоветовал отец. Думаю, правильно посоветовал. От «первого лица» оно, вероятно, сложнее бы прошло.

Мысль была проста до изжоги. У Бахтина есть термин «двугласое слово», т.е. речь, построенная, как комбинация пред найденных в культуре (языке) форм и смыслов. Но суть в том, что подобное «чужое слово» может обладать разной возможностью «фамильярного контакта», т.е. проверки на истинность и присвоения. Абсолютно дистанцированное и чужое слово (авторитарное слово по Бахтину) может существовать, пока существует в качестве сакральной породившая его институция. При малейшей десакрализации говорящий (сегодня я бы сказал «социальный агент») начинает стремиться к «фамильярному контакту», ороднению мира и речи, этот мир отражающей. Возникает «карнавал», как форма такого присвоения через десакрализацию авторитарности. Возникает внутренне-убедительное и чужое (не истинное) слово. Это – наиболее плодотворный период. Существует некое пространство авторитарности (общих и

взаимно разделяемых смыслов). Существуют Я, как носитель сомнения, и мое слово, как истина, существует коммуникация, как спор и «переламывание чужих интенций». Но начавшись, разъедание авторитарности неостановимо. В конечном итоге ее, т.е. общих смыслов, не остается. Коммуникация оказывается невозможной. Здесь, как говорит Бахтин, общение возможно только по поводу «последних вопросов» (жизни, смерти, трансценденции). На этом кандидатская заканчивалась. Докторская начиналась. В докторской меня интересовало, собственно, как происходит «общение по поводу “последних вопросов”», какие из них являются «последними». Как-то так.

Эта работа – филолого-философская. В Хабаровске была профессиональная среда, в которой эту тему можно было серьезно обсуждать, или Вы «выходили» со своими построениями и выводами на более широкую научную аудиторию?

Увы. В Хабаровске среды почти не было. Как сказал мой формальный научный руководитель: «Читал. Ничего не понял. Но парень ты не вредный. Защитим». Кстати, сейчас философская среда в городе гораздо интереснее. По диссеру общался, конечно, с родителями. Обсуждал с коллегами из Екатеринбурга. Очень важные советы дал во время оно А.Ф. Еремеев. Когда-то проговаривал зачатки идеи с Клубковым. Какое-то реальное обсуждение появилось году в 1996-м. Получилось проговорить подход и возможности его конкретизации на семинаре в Швейцарии. Позже в рамках образовательных программ, организованных фондом «Институт «Открытое общество» обсуждал с В.В. Радаевым, А.Ф. Филипповым, В.А. Ядовым, В.А. Подорогой, который на тот момент занимался близкой мне проблемой культурного ландшафта и превращением природного объекта в культурный знак. Это уже в году 97-98. Но это была уже следующая жизнь.

Поговорим и о следующей жизни, но сначала подведем итог этой. В 1998 году Вы защитили докторскую диссертацию по философии, это было исследование социального хаоса. Какой путь Вы прошли от анализа парадигматики М.М. Бахтина к проблематике социального хаоса? Каков генезис вашей темы и каковы основные выводы Вашей работы?

Путь был не долгим, поскольку, как я уже говорил, проблематика докторской непосредственно вытекала из кандидатской. Точнее, она начиналась там, где я поставил точку в первой работе. В докторской меня интересовало то, как осуществляется и как возможна коммуникация, когда общих смыслов у коммуникантов не оказывается. Т.е. в условиях разрушенной или потрясенной социальности. Но по дороге я пережил два увлечения, сказавшихся на тексте. Первое началось еще в ходе работы над кандидатской. Увлечение феноменологией. От Гуссерля я шел к Хайдеггеру и Сартру. Далее к Щюцу, Рикеру. Собственно,

бахтинские тексты тоже были связаны с этой традицией. Но в первый момент это было «чтение для себя», отдых. Только, когда я дошел до Щюца и современных его последователей, забрезжила перспектива практической работы. Дело в том, что в философии мне жутко мешала необходимость «чистого категориального анализа», необходимость обходиться без материала. Все же я филолог, эмпирик. У интеракционистов же достаточно высокие категории начинали соединяться с «землей», материалом. Вторым увлечением, проснувшимся где-то к 1995-му году, было увлечение качественными полевыми исследованиями. Я совершенно непонятным мне образом получил небольшой грант одного из первых фондов в РФ («Культурная инициатива»), в ходе которого пришлось провести небольшой опрос и организовать интервьюирование. Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова. От него перешел к Парсонсу и Мертону, Гирцу и Гарфинкелю. Читал запоем. Для меня это было очень необычно. В 1997-м году поехал на школу молодых социологов. Собственно, там сложился мой первый социологический проект. Потом они пошли косяком. Видимо, на нерест.

В результате диссертация на теоретическом уровне стала более исходить из хайдеггеровского *Dasein*. Бахтин был несколько потеснен. Сами же модели «поиска резонирующих сознаний», т.е. стремления человека обрести круг солидарности оказались связаны с вполне социологическим материалом. Общая картинка в первом варианте диссертации оказывалась вполне социологической, связанной с дальневосточным материалом. Диссертацию просматривал В.А. Ядов и предварительно «дал добро». Но судьба поднесла очередной кульбит. В силу болезни близкого человека я не мог надолго покинуть Хабаровск, что, практически, исключало вариант защиты в Москве. У нас же совета просто не было. Я уже вполне смирился с тем, что текст останется потомкам, но спасло ситуацию чудо – мой дядюшка-математик, точнее матбиолог. Есть счастливые люди, для которых любая жизненная проблема – только задача, имеющая решение. Заехав как-то в Хабаровск и узнав о ситуации, он спросил: а что нужно, чтобы кандидатский совет стал докторским? Еще три члена совета (на тот момент, сейчас сложнее). Они, в регионе есть? Да. Так давай сделаем совет. Он договорился с председателем совета по философии С.Е. Ячиным. Мы подготовили документы. Он открыл совет. В нем я и защитился. Впрочем, пришлось опять перелопатить всю работу. Усилить категориальную часть, убрать эмпирический материал (жалко было до слез). Институт социологии в лице Александра Филиппова и его отдела фундаментальной социологии выступил ведущей организацией. Все это было как-то суетливо и набегу. Было жутко жалко отрывать время от реальных исследований, которые мы проводили совместно с замечательным питерским социологом Эллой Панеях и новосибирским колле-

гой Антоном Карповым и другими прекрасными коллегами. Но было понятно, что в мире, где гамбургский счет не предусмотрен, формальный статус жизненно необходим. В самом деле, масса халтур в последующие годы сыпалась просто потому, что была степень. Саму защиту не помню. Единственное, почему-то осталось в памяти, как старичок-философ требовал, чтобы я признал себя субъективным идеалистом. Я признал, и он успокоился. Даже, кажется, проголосовал «за».

Красивая метаморфоза бахтинской концептуалистики. Действительно, похоже, что ядро такого видения социального хаоса у Вас возникло давно, но лучше все было развивать и подавать не от «первого лица». После защиты докторской прошло полтора десятилетия, что за эти годы было сделано в направлении уточнения и развития Вашего подхода?

Я попытался максимально «расфилософить» модель, сделать ее верифицируемой. Эмпирическим основанием здесь выступал, по большей части, материал, собранный на дальневосточной окраине России. Частично использовался материал, собранный в других регионах, другими участниками группы. Сферой исследования была неформальная экономика и, частично, миграция (заселение) Дальнего Востока. Мне показалось, что то, что происходило в бизнесе (силовые отношения, способы формирования доверия, механизмы обслуживания транзакций и т.д.) и находилось в зоне тех самых, бахтинских «последних вопросов». Работających институтов (во всяком случае, формализованных) еще не было. Они возникали «на глазах», выстраивались в ходе коммуникации и по модели «железной клетки» Пауэла (копирование удачного опыта). Я попытался понять механизм осуществления коммуникации в этих условиях, формирование «пространства доверия», как делового пространства. Здесь, конечно, сменился и круг «любимых авторов». Прежде всего, Э. де Сото и Дж. Скотт, М. Олсон и Д. Норт. Неоинституционализм в самом широком понимании. «Заразила» меня этим Э. Панеях. Но заражение оказалось продуктивным.

Еще интереснее было изучать «свой» регион, точнее его южную часть, поскольку в Якутии и на Колыме с Чукоткой ситуация несколько иная. Здесь возник (и был описан) очень интересный процесс. Территория не столько заселялась, сколько постоянно пребывала в режиме: заселение-отъезд. И так с 18-го века. В период «приливного цикла» число приезжих было в разы больше, чем число оставшихся местных. Причем, приезжие были из разных регионов с сильно различающимися социальными и культурными установками. Очень велик (до 10%) был процент приезжающих иностранцев. При этом, каких-либо конфликтов на этой почве не возникало. Меня интересовало: как осуществлялась коммуникация людьми с существенно различающимися «культурными кодами»? Как гасятся (гасились) конфликты? Механизм этот я назвал «проточной

культурой». Уточнение этого понятия привело к теме формирования солидарностей «в порах» и «помимо» государства. Собственно, проблема жизни людей «за пределами статистики» сегодня для меня основная.

Несколько побочным сюжетом оказалась для меня работа в области политической теории. Сюда меня затащил М.В. Ильин, в тот момент главный редактор журнала «Полис». Под его влиянием появилось несколько моих политико-философских, как говорят, работ, связанных с исследованием политической истории слов (деградация, революция). Но в чистой теории я чувствовал себя не особенно уютно. Почему-то она часто оборачивалась рассуждениями в духе «пикейных жилетов». Причем, совсем не только у меня. Видимо, такие рассуждения и есть суть отечественного «экспертного сообщества». Потому при первой же возможности я удрал туда, где есть какая-то опора на эмпирический (или исторический) материал. Здесь, как ни странно, меня поддержал Ю.С. Пивоваров, автор концепции «русской власти», которую я активно использовал при вполне эмпирических исследованиях.

Российская действительность 90-х и современности дает бесконечное множество «хаотических» полей. В каких областях прикладной социологии Вы преимущественно работаете?

Участвуя в проекте под руководством Вадима Волкова (Европейский университет в СПб), я впервые столкнулся с неформальной экономикой, точнее, с социологией российского бизнеса. Увлёкся невероятно. Потом лет десять подряд я собирал интервью с группой дальневосточных бизнесменов (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск, Биробиджан), активно коммуницирующих друг с другом. Это давало возможность не только увидеть срез, но проследить динамику, увидеть, как в «круг» включались государственные служащие, силовики. Сегодня имеется коллекция из 216 биографических интервью.

Другой сферой интереса было изучение миграции. Здесь нужно сказать «спасибо» замечательному иркутскому ученому В.И. Дятлову, который смог собрать научный коллектив от Польши до Приморья. Его проекты (это тоже почти 10 лет работы) позволили получить гигантский эмпирический массив, увидеть более или менее целостную картинку. Собственно, описание «проточной культуры» выросло оттуда.

В силу того, что бизнесмены – герои 90-х постепенно оттеснялись с социального олимпа чиновниками, мои интересы все больше смещались к этой группе, «политическому сословию» современной России. Так я, достаточно неожиданно для себя оказался «политологом». С 2002-го года было реализовано пять проектов, связанных с исследованием неформальных оснований поведения чиновников, логики их действий и т.д. По большей части, это тоже были неформализованные (частью экспертные, частью биографические) интервью и

личные наблюдения в ходе выборных баталий. В ходе исследования этой группы (сословия или как-то еще) возник интерес к теории организации.

Правда, в последние годы мне все больше интересно то, что находится за ее рамками. Благодаря поддержке фонда социальных исследований «Хамовники» удалось провести большое полевое исследование в малых городах Дальнего Востока. Неожиданно оказалось, что коллеги из института истории и этнографии ДВО РАН (Владивосток) проводят почти аналогичное исследование. При обмене данными получился вполне показательный массив для описания солидарности и практик выживания людей в условиях нарастающего давления государства. В результате возникла книжка, вышедшая недавно в издательстве «Европа» («Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток»). Книжка вышла не совсем научной. Но ... мне так хотелось.

Был еще один, достаточно случайный, но неожиданно получившийся проект. В бытность свою главным редактором журнала «Полис», я вывесил небольшое эссе на тему, что мы гораздо лучше знаем, что происходит в Брюсселе или Вашингтоне (во всяком случае, гораздо больше интересуемся), чем то, что происходит в бывших «союзных республиках», наших ближайших соседях. Отсюда неадекватность многих действий России в рамках СНГ, ОДКБ и др. Это был 2006-ой год. А через три месяца я получаю письмо от коллеги Андрея Большакова из Казани, что он нашел деньги на проведение большого семинара с приглашением участников из новых независимых государств. Почти год мы этот проект готовили и в 2007-м году реализовали. Был интереснейший сравнительный материал. Результаты его представлены в журнале «Полития» (из «Полиса» я к тому времени ушел) за 2008-ой год. К сожалению, проект этот продолжения не получил. Олигарх, поддержавший его, сменил место жительства и утратил интерес к проекту.

Где и в каком статусе Вы сейчас работаете? Как результаты Ваших исследований представлены в Ваших лекциях? Участвуют ли в Ваших проектах студенты, аспиранты?

Есть такая байка: «Вот разбогатею. Брошу все работы. Оставлю три любимые». Это мой случай. Основная работа (там, где лежит трудовая книжка) – заведующий кафедрой философии Тихоокеанского государственного университета. Параллельно преподаю еще в нескольких вузах в разных городах страны. Как правило, это спецкурсы. Редактирую совместно с С.И. Каспэ и Л.А. Галкиной журнал «Полития». То же самое делаю с университетским журналом «Вестник ТОГУ». Есть маленький частный НИИ, который мы некогда с коллегой И.Ф. Ярулиным создали под свои проекты и их возможное частное финансирование. Наверное, есть еще что-то, о чем не вспомнил. Студентов привлекаю только в качестве «чернорабочих». Отреферировать определенный круг

источников, пробежаться по маршруту с опросным листом. Иногда беру в помощники при интервьюировании и наблюдении. Но это «избранных». С аспирантами лучше. Часто приходят люди со «своим» материалом, который (с их согласия, конечно) использую в работе. Как правило, получаются совместные статьи. Впрочем, «работать вместе» у меня получается с очень ограниченным кругом людей. Аспиранты в него попадают не часто. Какие-то точки соприкосновения их и мои темы имеют, но в свою тему я приглашаю очень редко. Это не высокомерие. Просто так сложилось. Удачное исключение – Э.О. Леонтьева. На сегодня вполне себе профессор и заведующий кафедрой социологии. Но в 1999-м году я едва не пинками выпихивал ее на кандидатскую. В 2006-м вместе формулировали тему ее докторской. Здесь сотрудничество получается лучше. Есть куча совместных проектов, семинаров, конференций. Хотя публикуемся мы раздельно. Кажется, 2 или 3 совместные публикации были. Но это не правило.

Результаты исследований использую постоянно. Но, собственно, по материалам проектов читаю спецкурсы. Самый удачный спецкурс прочел в Иркутском госуниверситете в 2013-м году. Это было по материалам «поля» в малых городах. В родном вузе с этим сложнее. Социологов мы не готовим. Есть регионоведы, социальные работники и прочие «примкнувшие». Какие-то материалы в курс вплетаю. Но далеко не все. Веду у журналистов. Но здесь используется совсем другой опыт и совсем другие проекты.

Недавно я посмотрел серию видео – Ваш рассказ по истории Дальнего Востока. Это – эпизод в Вашей жизни или элемент постоянного сотрудничества с разными СМИ?

Трудно сказать. Наверное, это постоянно повторяющиеся эпизоды. Халтурил в СМИ я всегда. С какого-то момента стал появляться на местных экранах более или менее регулярно. Самое тесное сотрудничество со СМИ было в 2005 – 2007-м годах. В 2005-м году я впервые, начиная с 1997-го года, не получил поддержки своего проекта, потерял интерес к теме, которой занимался в тот момент. Был в постоянной депрессии. Самым сильным ударом был приезд в Хабаровск Вадима Волкова, с участия в проекте которого я начал вхождение в экономическую социологию. Приехал он в качестве продюсера ТВ канала. В застольной ситуации была рассказана «анти социологическая байка», оказавшаяся в тот момент для меня роковой. Социология – странная наука. Что-то вроде спортивной ходьбы. Ходить, в принципе, умеют все. Когда же людям нужно перемещаться быстро, они бегут. В результате возникает деятельность, осмысленная только в пространстве стадиона. Почему-то тогда это ударило очень сильно. Словом, классический кризис среднего возраста. При этом, я ходил по друзьям и ныл о том, что жизнь – сплошное коловращение воздушных шаров.

И вот один из них, возглавлявший в тот момент комитет по СМИ в краевой администрации, решив избавиться себя от моего нытья, запихал меня главным редактором (директором) краевой радиокomпании. На два года я получил кабинет, персональную машину, личного секретаря, круглосуточное вещание на весь регион и шестьдесят сотрудников в придачу. С упоением кинулся программировать эфир. Что-то даже получалось. Но, как оказалось, главная моя работа состояла в поиске рекламодателей, решении юридических и хозяйственных проблем и пр. Как только я «отпускал» это направление и полностью погружался в кайф творчества, у компании начинались финансовые сложности. Приходилось посылать творчество по общеизвестному адресу и очаровывать всяких не всегда приятных дядек и тетек на предмет вытягивания их денег. Словом, за два года я возненавидел кабинет, машину, секретаря и саму компанию. Понял, что я ни под каким соусом не хочу быть начальником. Сбежал назад в университет. Правда, проекты в СМИ продолжал. Работал «говорящей головой» на нескольких программах. Больше для души, а не для денег. То, что Вы видели, было одним из таких проектов. Но, пожалуй, самым выстрадавшим. Такое объяснение в любви земле, приютившей меня и ставшей родной.

Ваш отец, Ефим Давидович Бляхер (1931–1998), был весьма самостоятельным, сильным философом, эстетиком, культурологом. Пожалуйста, расскажите о его работах и о его влиянии на Вас.

Это даже не влияние. Мало кому так повезло с отцом, как мне. Он не ходил со мной в походы и не запускал бумажных змеев. Почему-то эту функцию брала на себя мама, тоже, кстати, совсем не слабый философ (Л.М. Волынская). В раннем детстве помню формулу: «папа работает». Это значит – нельзя шуметь, нельзя забегать в кабинет. А лучше всего вообще пойти побегать во дворе. Мама говорила, что дети становятся интересны папе с того момента, когда они учатся играть в шахматы и читать книги. Но с этого возраста папа был всем: справочником, открытым на нужной мне странице, консультантом по любой научной проблеме, самым лучшим и знающим рассказчиком, редактором моих первых писаний, просто другом. Он рассказывал безумно интересные штуки про художников и их произведения, про исторических персонажей и эпохи. Так просто и понятно, как он объяснял сложнейшие философские модели, не объяснял мне никто в жизни. Сам он писал всегда. Писал стихи, критические статьи, но более всего, конечно, статьи научные. Я не уверен, что смогу адекватно описать его творчество. Все же большую его часть я был слишком мал и глуп. Попробую. Первые (ранние) его работы были, как мы бы сейчас сказали по «мировой художественной культуре». Тогда это проходило под грифом «марксистско-ленинская эстетика». Папу более всего, судя по работам, интересовал механизм приписывания ценности (смысла) объекту, операция счи-

тивания этого смысла. Материалом для того была первобытная культура. В число мэтров он не вошел. Но его работы этого периода были оценены Ю.Н. Давыдовым, С.С. Аверинцевым, М.С. Каганом и другими классиками. Это были 60-е годы.

В 70-е – 80-е папа работал вместе с мамой в парадигме концепта «картина мира». В 76-м вышел их главный совместный продукт – книга «Картина мира и механизмы познания», посвященная, как определял папа, социологии научной картины мира. Это – не совсем моя проблема. Но читается, если опустить обязательные в тот период ссылки на Маркса, Энгельса, Ленина, вполне свежо и сегодня. Основной корпус их идей отражен на страницах журнала «Философские науки». Из них ключевой была мысль об «убегании» основания рефлексии в бесконечность. Они назвали это «парадоксом Мидаса»: все, что мыслящий субъект выбирает в качестве основания рефлексии над наличной реальностью, само превращается в предмет рефлексии.

В середине 80-х папа отходит от этой проблемы (мама продолжала ей заниматься до самого конца) и возвращается к культурной антропологии, а может и социологии культуры. Это я уже помню. До сих пор читаю и использую его блестящую работу «Культурный образец», опубликованную в свердловском сборнике «Марксистско-ленинская категория образа». Совершенно шикарный семантический анализ проведен в его статье «Парадокс Одиссея, или три стороны одной медали». Культурно-антропологическая направленность сохранялась до конца жизни. Последний учебник, «Философия культуры», он писал уже в онкологической больнице. Наверное, если подробно рассказывать о пачках идей, которые есть в его работах, нужно писать отдельную статью. К сожалению, папа был полностью лишен того, что называется научным честолюбием. Ему было важно, как он говорил, «выписаться». А как это будет воспринято – проблема воспринимающих. Может быть поэтому, постоянно находясь в кругу великих, он никогда сам в качестве такового себя не осознавал и не осознавался.

Не могу не отметить еще один, для меня важнейший момент – папин стиль. Писал он быстро и ярко, очень образно и, в то же время, логично. Долгое время я невольно копировал (в ухудшенном варианте) его стиль. Потом, не менее долгое время старательно писал «не как папа». Лишь лет десять, как я смог, как-то отойти от постоянного сопоставления своих и его текстов. Можно сказать, что мой стиль письма полностью сформирован под его влиянием. Даже наша постоянная ругань по поводу моих писаний была формой овладения тем, как писал он. Кстати, постфактум оказывалось, что почти всегда он был прав. Хотя форма порой была, мягко говоря, резковатой. Так, прочитав первый (рукописный) вариант моей кандидатской страницы до 90-ой, он вдруг схватил

пачку листов и порвал со словами: Мой сын с этим бредом на защиту не выйдет! Не разговаривали неделю. Потом я успокоился и сел переписывать. Понял, в чем бред. Интересно, что такие вспышки ярости адресовались, кажется, только мне. Считалось, что папа очень мягкий и лояльный научный руководитель.

Наверное, будет не правильным, не сказать об «общественной работе», которую постоянно вел папа. В 60-е годы он был одним из основателей интерната для художественно одаренных детей. Группа энтузиастов моталась по отдаленным кишлакам республики, выискивала талантливых детей, уговаривала родителей отдать их учиться. Большая часть творческой таджикской интеллигенции называла папу «вторым отцом». В республике папу называли «Большой муалим (учитель)», а министр культуры первым здоровался при встрече. При этом, каких либо особых барских замашек папа был лишен абсолютно. Во второй половине 80-х он был одним из инициаторов создания Всесоюзного общества деятелей эстетического воспитания. Это была такая почти истерическая попытка творческой интеллигенции создать «образ будущего» для СССР, без радикального разрушения всего и вся. Понятно, что попытка провалилась.

В Хабаровске, несмотря на полное крушение всей жизни, он продолжал или пытался продолжать заниматься облагораживанием Вселенной вокруг себя. Мне в 25 лет было тяжело приживаться на новом месте. Ему в 60 это давалось куда труднее. Но он не сдавался. Создал и легализовал рабочую группу при администрации края по разработке концепции «города образования». Думаю, что постоянные поиски приключений на филейные части тела у меня от него.

Теперь мне стал понятнее Ваш интерес к построениям Бахтина, раньше я не мог понять, как и почему душанбинскому «пареньку» приглянулся этот сложный писатель и философ. Но сразу возникает новый вопрос: «Почему после защиты кандидатской диссертации по Бахтину Вы не продолжили разрабатывать философско-филологическую проблематику, а сдвинулись в философско-социологическую?»

Трудно сказать. Много факторов. Хотелось писать «о жизни», а не о ее художественном образе. Попались тексты Щюца и Бергера, Лукмана, которыми «заболел» всерьез. Очень понравилось проводить полевые исследования. Но, наверное, самым важным был самый случайный фактор. С 1996-го по 1998-ой год я ездил на школы молодых социологов, проводимые под эгидой фонда Форда и фонда «Институт «Открытое общество». Попал туда первый раз совсем случайно. В газете «Поиск» прочел о конкурсе для участия в школе. В этот период я разрывался между детьми, больной супругой и отцом, десятками каких-то халтур и халтурок. Крыша ехала. По согласованию с мамой и коллегой, которые взялись заменить меня на пару недель, решил устроить себе «отпуск». Из предложенных в тот раз направлений экономика и юриспруденция

отпадали сразу. Ну, ни один раз я не юрист и не экономист. Политология не заинтересовала. Решил попробовать подать на социологию. Прошел. Там услышал лекции Вадима Волкова, Вадима Радаева, Л.Г. Ионина, В.А. Ядова, А.Ф. Филиппова и других разных, но вполне харизматичных людей. Главное, там сложился мой первый социологический коллектив. Молодые, веселые, яркие ребята. Просто хотелось быть в этой тусовке. По сути, это была первая стабильная научная среда в моей жизни. До того исследования были моим частным или, в лучшем случае, семейным делом. Потому свою проблему стал постепенно сдвигать в эту сторону, приспособливая филологию к социологии.

Леонид, почему я Вас с таким пристрастием «допрашиваю»? Уже около десяти лет в моих текстах проскальзывает положение о биографичности творчества социологов. Само по себе это положение не супероткрытие. Однако, поскольку до последнего времени ни у кого из историков нашей науки не было такого количества интервью с состоявшимися социологами, то особенно на эту тему и никто и не мог рассуждать. Применительно к писателям, особенно – поэтам, композиторам никто и не сомневается в биографичности творчества, но, по-моему мнению, любое творчество биографично, в нем отражена биография человека и даже, есть в моих построениях, такое понятие – предбиография. Другое дело, по-видимому, существуют разные виды (типы, формы...) биографичности. Так вот, мое пристрастие в извлечении из человека разных сведений и объясняется моей исследовательской установкой. Представим, я или кто-либо иной, тем более – через много лет, решил бы писать Вашу научную биографию. Можно ли понять и проанализировать Ваш путь в социологию, не имея Ваших ответов на два последних вопроса?

Что Вы как социолог, философ, филолог скажете по поводу биографичности творчества социологов?

Почти уверен в этом. Чтобы сказать «уверен», наверное, нужно иметь побольше материала. Кстати, Элла Панеях об этом очень откровенно пишет в предисловии к своей книге. Да и, в принципе, оценивать ее творчество без учета ее оппозиционной деятельности в позднем СССР, членства в ДС и других перипетий биографии очень трудно.

По существу, я (да и, видимо, не только я) решаю свои проблемы, вполне себе частные. Когда они «отрываются» от меня, начинают выглядеть совсем иначе. Скажем, в мою бытность главным редактором журнала «Полис» там, едва не в каждом номере выходили мои статьи. Но дело совсем не в том, что я использовал информационный ресурс для внедрения каких-то идей или переживал интеллектуальный взлет. Все проще. При установлении минимально высокой научной планки оказывается, что авторов, способных писать сколько-

нибудь прилично, совсем не много. И пишут они не по 8-10, а по одной - две статьи в год. А номера нужно чем-то заполнять. Каждая моя статья в журнале означала, что я не справился со своей работой, не нашел нужного количества статей и теперь заполняю пустующие «полосы» в журнале. Иногда это получалось лучше, иногда хуже. Но начальный толчок был именно с этой стороны. Да и сам дрейф в политическую социологию из социологии экономической имел еще и биографическую причину. К 2001-му году распалась наша научная группа. Большая ее часть уехала в США и Францию. Кто-то ушел в маркетинг и полит консультирование. А тут Михаил Васильевич Ильин (гл. редактор «Полиса» до 2005 года) пригласил участвовать в его проекте. Там тоже была замечательная тусовка и я, с радостью, принял это приглашение. Соответственно, начала «двигаться» и моя тема.

Есть ли в Вашем университете факультет или кафедра социологии? Ведете ли Вы там какие-либо курсы? Участвуете ли Вы в какой-либо программе сотрудничества российских и китайских социологов? Вообще, в какой степени дальневосточные социологи включены в изучение комплекса проблем, вызванных соседством с Китаем?

Кафедра, конечно же, есть. И какие-то курсы я там читаю. Чаще спецкурсы. Вот с социологами из КНР мы сотрудничаем не особенно плотно. Гораздо активнее с антропологами и философами. Оно не специально. Просто на кафедрах русистики в тех университетах Китая, с которыми мы сотрудничаем, более развиты эти направления. А вот российско-китайское приграничье изучается здесь очень плотно. Это – «местная фишка». По экспоненте растет число всяких конференций по проблемам трансграничного взаимодействия, по изучению и, отчасти, конструированию общей истории. На этом сидит Благовещенск (центр Амурской области). В Хабаровске и Владивостоке русско-китайскую тему приватизировали экономисты и, отчасти, историки. Социологи здесь отстают. Я во время оно изучал «челночное движение» 90-х годов и немножко миграцию из России в Китай последних лет. Здесь китайские коллеги, конечно, помогали. Но, честно, сказать, для меня это были немножко «побочные сюжеты». Хотя в марте занесло в Забайкалье для участия в российско-китайском проекте (антропологическом). Был в восторге. Думал всерьез этим заняться. Тема была по истории русско-китайской торговли и русским общинам в историческом и современном Китае. Окончательно эту мысль не бросил, но отодвинул. Пока много всего и разного. Сына надо выводить на защиту. Висит проведение аспирантского семинара. Да и крымский материал этого лета хотел оформить в статью.

Сын – тоже по социологии? Династия?

Да. Закончил Европейский университет. Сейчас будем организовывать защиту. Он занимается социологией университетов. Не совсем мое, но интерес к функционированию организаций у нас общий.

Не испытываете ли Вы чувства профессионального «отшельничества»? Мне оно знакомо... Все же Ваша профессиональная референтная группа расположена в большей степени в Москве и Питере...

Сейчас нет. Взрослый. Строго говоря, уже не очень нужно. Где публиковать статьи есть. А потребность в тусовке немного погасла. Раз-два в год езжу в столицы или за границу: людей посмотреть и послушать. Примерно с такой же регулярностью приглашаю кого-то из «референтной группы» в Хабаровск. Мне хватает. Постепенно дома сконструировал себе среду общения. Сначала было скучно, когда на меня смотрели, как на учителя. В этой роли я себя всегда ощущал немножко «подпоручиком Кижее». А сейчас они сами с усами. Вполне комфортное общение.

Леонид, в создаваемой мною типологии советских/российских социологов к пятому поколению относятся те, кто родился в период 1959-1970 годов. Те, кто родился в первой половине указанного временного интервала, наверняка входили в социологию еще в советский период нашей истории. С другой стороны, даже те, кто получил социологическое образование, хотя в моей коллекции интервью таких представителей этой когорты еще нет, работали в советской социологии крайне недолго. Тематика исследований представителей вашего поколения – принципиально инновативна, в советские годы социологи лишь робко занимались (или вообще не занимались) социальными проблемами хаоса, менеджериализмом, неформальной экономикой. В области методологии ваше поколение принципиально свободнее, чем в советские времена, когда все должны были клясться в приверженности к марксизму. Использование феноменологических методов не поощрялось. Обучение на Западе, подготовка Ph.D. – казались невозможными... фактически это все первым осваивало ваше поколение. Тогда мой вопрос: «В какой мере, как Вы думаете, ваше поколение продолжает работы советских социологов?»

Знаете, думаю, что продолжает. Хотя, конечно, в верности марксизму-ленинизму мы клянемся реже. Как бы то ни было, но «путевку в жизнь» В.В. Радаеву дала Т.И. Заславская. Думаю, что при другом родителе другим был бы и А.Ф. Филиппов. Наверное, можно найти «советских классиков», оказавших влияние и на других ярких представителей «пятого поколения». Что до меня, то «опорными» из отечественных исследователей были С.Г. Кордонский и Ю.С. Пивоваров. Много вынес из общения с В.М. Сергеевым, да и другими замечательными представителями предшествующего поколения. А полученное во

время оно одобрение моих потуг на социологию от В.А. Ядова и Т.А. Заславской были сильнейшими импульсами к творчеству. Просто выбирались не «основные» советские классики, а те, кто и в годы СССР исследовал реальность. Ведь они были. А то, что получилось дополнить их влияние классиками мировыми, это не наша заслуга. Так вышло.

Выше, рассказывая о влиянии на Вас творчества Вашего отца, Вы затронули крайне важную сегодня проблему стиля социологического повествования. Явно и латентно эта тема обозначена и в Вашей книге «Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток», с рукопись которой Вы любезно разрешили мне ознакомиться. Теперь я хотел бы спросить Вас – филолога, философа и социолога, - в чем Вы видите проблему стиля социологического текста, как меняется, если Вы это фиксируете стиль письма российских социологов?

Стиль – ключевая характеристика повествования. В том числе и научного текста. Почему-то во многих отечественных изданиях проблема стиля не фигурирует. Предполагается, что содержание самоценно. Но, думаю, что это не совсем так. Стиль – это не только показатель принадлежности к корпорации, но и та самая личностная составляющая, которая и делает текст авторским и неповторимым. Сегодня можно говорить, как мне кажется, о крайней полистилистичности российской социологии. Есть достаточно выраженная тенденция к герметичности (В. Вахштайн). Но есть не менее явно выраженная тяга современных авторов, особенно моего поколения и младше, к публицистичности, стремление обратиться к «почтенной публике», минуя корпорацию (К.Титаев). Собственно, конвенциональные характеристики стиля, увы, кажется, не сложились. Есть группы, которые пытаются это сделать. Но все остается внутри групп. Официальной же «речью», приветствуемой в ВАК и тому подобных легальных инстанциях, все чаще становится «чиновная социология», представляющая собой невероятную смесь классического стиля функционализма и «аппаратных» особенностей стиля российского политического класса.

Спасибо, Леонид, буду рад продолжению Вашего рассказа.

**ГРИГОРИЙ ГОВОРУХИН:
«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА УЖЕ В ЦЕЛОМ ОЧЕРЧЕНА...»**

Мне уже приходилось писать, что каждое из проведенных интервью для меня особое. Я помню самого первого моего респондента, первого среди тех, с кем до начала беседы не был лично знаком, первую из опрошенных женщин, первого не столичного (Москва и Петербург) социолога, помню, с кого начинал изучение представителей первых шести поколений советских/российских социологов.

Как я могу забыть это интервью? Оно – стало 80-м законченным интервью. Еще три-четыре года назад число «50» казалось мне мифическим, недостижимым, и поэтому какое-то странное чувство я испытывал, когда этот «порог» был достигнут, и как-то незаметно для себя я пошел дальше. 80-е интервью тоже не последнее, но мотивом к продолжению бесед является не стремление к увеличению массы биографического материала. Есть острое желание самому познакомиться с новыми коллегами и зримо представить, отразить многообразие нашего профессионального сообщества.

Мои беседы начались во второй половине 2004 года, но до конца 2010 года на моей «опросной карте» была представлена лишь Европейская часть России, причем доминировали Москва и Санкт-Петербург. В 2011 появилась Тюмень, и до лета 2014 года этот Западно-Сибирский город оставался самой восточной точкой осваиваемого социологического пространства. В июне того года появился Хабаровск, и к концу осени я добрался до Комсомольска-на-Амуре. Восточнее на континенте нет крупных социологических центров. Может быть, лишь на Сахалине.

Григорий Эдуардович Говорухин (1973 г. рождения) – коренной дальневосточник. Его дед по материнской линии приехал в эти места в 1936 году, когда Комсомольску-на-Амуре было четыре года, и неформально он назывался «Копай-городом». Родители отца – тоже дальневосточники, родились недалеко от Благовещенска. В кратком рассказе Говорухина о родительской семье отражены события, известные многим лишь по книгам: русско-японская война и канонерка «Кореец», партизанские движения в Спасске и бои на Волочаевской сопке. Увлечение прошлым города, семьи определило его интерес к истории и позже подвело к социологии.

В родных для Григория местах произошло и его профессиональное становление: исторический факультет университета в Комсомольске, аспирантура в Хабаровске, докторская диссертация по социологии (2011 г.), посвященная анализу процессов освоения пространства Дальнего Востока.

До самого последнего момента наше интервью развивалось подобно многим другим, в спокойном академическом духе. Мне хотелось, основываясь на материалах трех интервью: с профессором Говорухиным и двумя хабаровскими профессорами социологии Леонидом Бляхером и Илдусом Ярулиным, оценить, каковы перспективы развития социологии на Дальнем Востоке. Ведь в доперестроечные времена на социологической карте страны не было этого региона. Но Григорий Говорухин определил меня. Отвечая на мой очередной вопрос, он сказал: «Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока, если не в полной мере проявилась, то уж точно очерчена». Цель беседы оказалась достигнутой.

Борис Докторов

Григорий, Ваша биографическая справка, приведенная в книге «Социологи России», указывает, что вся Ваша жизнь связана с Комсомольском-на-Амуре. Можно сказать аналогичное и о Ваших родителях, дедушка и бабушках, когда Ваши предки появились, в тех краях?

Родители моей мамы были первостроителями города Комсомольска-на-Амуре. Город был заложен в 1932 году, дед по материнской линии, из того что я помню, приехал в город, который тогда имел неформальное название «Копай-город», в 1936 году. В общем, так скажем, он не из самых первых первостроителей, приехал он с Украины, долго жил до того времени в Киеве, после службы в Красной Армии, судя по всему, по комсомольскому призыву приезжает на Дальний Восток.

Бабушка оказалась в городе в 1934-35 году и уже здесь познакомилась с моим дедом. Затем в 1939 году уехала к родителям в Казань, чтобы родить мою маму и снова, уже с моей мамой, приехала в Комсомольск, кажется в 1940 году, после чего она уже никуда из города надолго не уезжала. Вообще семья бабушки активно дрейфовала на протяжении почти 50 лет, пока ее родителей, брата, сестру и их детей не разбросало по всей тогда еще царской России и СССР. Семья бабушки была с Белостока - это тот, что в Польше, переехали они первоначально в Пензу еще в начале века, когда конкретно сказать сейчас очень сложно, во всяком случае, к 1913 году они уже там были и войну встретили уже далеко от линии фронта. Где все свое детство бабушка провела, я точно не знаю, но помню ее рассказы о том, что она в подвале пережидала черносотенные погромы и, будучи, еврейкой польского происхождения скрывалась от погромщиков.

Полагаю, что для моего деда приезд в город был частью начинающейся партийной карьеры, и она у него активно пошла в гору именно в Комсомольске, для бабушки приезд был романтикой, неким интересным приключением, о ко-

тором она читала в книжках. При этом показательно, что когда уже в конце 50-х годов моя мама со всем классом в романтическом порыве попыталась уехать на целину, родители ее не отпустили и, между прочим, ни одного из учеников из класса их родители также на целину не пустили.

Родители отца были дальневосточниками, в том смысле, что родились на Дальнем Востоке недалеко от города Благовещенска. Со стороны бабушки ее родители были ссыльно-поселенцы и по преданию в 90-е годы XIX века были направлены подальше от центральных губерний. Вообще семья бабушки была достаточно активной. Принимала участие и в русско-японской войне. Один из родственников служил на канонерской лодке «Кореец» (та что была потоплена вместе с «Варягом»), попал в плен к японцам, за что и был расстрелян уже в 1937 году. По бабушкиной линии был и участник в битве на Шипке, получил крест от генерала Скобелева (потом этот крест долгое время передавался из поколения в поколение, но до меня уже не дошел). В общем, семья была боевая и видимо революционно настроенная. Со стороны дедушки по линии отца предки выехали на Дальний Восток добровольно. Ехали с Украины и ехали за земельными наделами. Собственно первый Говорухин на дальнем востоке был мой прапрадед, который плохо звучащую украинскую фамилию Говорухо, будучи волостным писарем, без проблем сменил на русско-произносимую Говорухин.

Родители отца были постарше родителей мамы и активно приняли участие в революционных событиях. Во всяком случае, дед был участником партизанских движений, воевал в Спасске, на Волочаевской сопке, был ранен. Впоследствии стал председателем колхоза, был арестован по политической статье в 1937 году потом попал под «бериевскую» амнистию и умер в 1945 году пару месяцев не дожив до окончания войны.

Отец переехал в Комсомольск-на-Амуре к своей старшей сестре, которая перебралась сюда вскоре после войны.

Ясно, здесь Ваши корни. Не уникальный случай, но очень несчастный. Чем занимались Ваши родители, надеюсь, они живы. Историю семьи Вы от них узнавали?

Случай, учитывая специфику Дальнего Востока, все-таки скорее уникальный. В этом видится вообще специфика дальневосточного региона. Несколько лет назад, в рамках наших с Леонидом Ефимовичем Бляхером исследований, где-то совместных, где-то индивидуальных, мы попытались обосновать идею того, что Дальний Восток – это территория «проточной культуры» или «проточного пространства». На протяжении многих десятков лет в составе России/СССР эта территория пополняется населением за счет миграционных волн. Работает своеобразный принцип переселения народов, когда одна волна при-

шла, другая схлынула. С учетом общей статистики остаться там, где корни на Дальнем Востоке, если не редкость, то уж точно не типично.

Да, теперь о родителях. Родители – это такие типичные представители технической интеллигенции из поколения шестидесятников, когда и получили высшее образование. К огромному моему несчастью они уже давно умерли. У обоих был рак...

И, мама, и отец были инженерами. Я бы сказал, инженерами-гуманитариями. Собственно интеллектуальный бэкграунд я получил именно из семьи и, конечно же, главным образом от родителей. Мама – инженер строитель, продвигавшаяся по партийной, если уж быть точным, по профсоюзной линии, а папа – начальник одного из бюро авиастроительного завода.

Об истории семьи отчасти конечно я знаю от родителей, но в семье сохранился огромный архив писем, из которого формируется классный кейс. Думаю, со временем сделать такой контент анализ переписки. Архив содержит материалы от начала 20 века и времен первой мировой войны до 70-х годов прошлого века.

Спасибо, Григорий, за очень искренний рассказ о семье... замечу, недавно тюменский социолог, профессор Юлия Беспалова издала очень интересную книгу о своей родительской семье на базе дневников и писем... не дайте пропасть архиву Вашей семьи.

Из рассказанного Вами можно допустить, что родители мягко вели, подталкивали Вас в «гуманитарную» сторону. Что Вас интересовало в школе? Особенно в старших классах?

Вам спасибо за присланную книгу, обязательно прочту и воспользуюсь Вашим предложением по поводу архива. История повседневности, как в историческом, так и в социологическом дискурсе, интересный продукт современной действительности. Вдобавок меня лично в последнее время начинает тянуть в сторону какого-то подведения предварительных итогов собственной жизни, и как следствие анализа семейных вех...

По поводу предварительных итогов, с большим интересом недавно прочитал Ваше интервью с А.Н. Алексеевым. В связи с чем стал пересматривать отношение к институциональным и не институциональным жизненным перспективам.

Да, извините, перехожу к Вашему вопросу. В отношении родительского «мягко вели» я думаю, что здесь сложно говорить о том, что они именно вели, пусть даже мягко. В полной мере речь идет о хабитусе, в терминологии классика. Была создана некая модель поведения, отказаться от которой мне было просто невозможно. Хотя, если именно это и означает мягко вести, то абсолютно с Вами согласен.

Разговоры с отцом, обсуждение книг и фильмов, ежегодные туристические поездки с родителями (главным образом с мамой), по городам, имеющим историю, а в детстве лет так до 12-13, мне казалось, что это любой город старше Комсомольска и имеющий дореволюционное прошлое, в конечном итоге сформировали у меня манию к собирательству всего, сколько-нибудь старого. Газеты, открытки, марки, в общем, все, что было или казалось продуктом той, еще не моей, эпохи. Моей, и тут можно в полной мере говорить, страстью стало какое-то накопительство. Позже, в старших классах это вылилось в коллекционирование российских монет. Нумизматика стала одним из главных интересов в жизни вплоть лет до 20. Да, а параллельно с ней (нумизматикой) начинается другая страсть или мания, тут как угодно, увлечения греческой мифологией. Сначала на уровне чтения и перечитывания Гомера, Вергилия, Аполлодора и греческих трагиков, а потом в формате околонучных исследований и аналитики нюансов мифологической эпистемы. В том или ином виде болезнь греческой мифологией переросла в любовь к истории античности и истории вообще.

Опять же подводя итоги, думаю, что могу с полной уверенностью сказать, что в процессе научной социализации я дрейфовал от культурологии, как области гуманитарного знания вообще в рамках семейного образования, до истории и получения высшего исторического образования, а затем к философии и защите кандидатской по специальности «социальная философия» до социологии.

Забавно, питерский социолог Владимир Ильин рассказывал мне о том, что историком его сделала старинная монета, которую он нашел в детстве... а чуть попозже я пришла Вам интервью тоже с питерским социологом, корни рода которого находятся в любимых Вами эллинских временах.

А Вы знаете, мой интерес к нумизматике и истории, в общем, то начался тоже с одной единственной монеты, до сих пор помню, это николаевский пятак 1837 года.

Судя по всему, это такой социальный фрейм рекрутирования в историческую науку.

После всего Вами сказанного естественно предположить, что Вы достаточно рано решили стать историком и с этой мыслью прошли через всю школу. Так это было?

В общем да, Борис Зусманович, в старших классах я уже точно для себя окончательно решил, что стану историком. Это было время переоценки ценностей, приоткрытие фактов советской эпохи, постоянного бурления идеологических мнений. Одним словом, мне казалось, что именно историк мог бы заглянуть в какие-то ямы и вытащить оттуда правду жизни. Вернее так: я эту правду знал, но чтобы не спорить до хрипоты со всеми, в том числе и с собственным

отцом, мне нужны были железные факты, которые я мог бы предъявить как весомый аргумент собственной непогрешимости.

За увлечением античностью в 10-11 классах появился интерес к истории дореволюционной России довоенного периода и времен репрессий советского времени, начиная с 1929 года. Затем я занялся изучением вторичных источников первой мировой войны. В общем и целом я укрепился в решимости пойти на истфак. Это был 1991 год. Я думал, что как историк я уже состоялся, осталось только институализировать свое, личное «думал» в общее, коллективное «знаю». Набор тогда на специальность был, что-то около 9-10 человек на место, а к экзаменам я готовился скверно и, конечно же, провалился. Это было мое первое крупное разочарование, от которого я вынес главную истину: «Не люблю проигрывать».

Когда Вы серьезно погружались в историю, у вас был какой-либо круг общения? Исторический кружок, общество, клуб? Вы стремились работать в архиве?

Извините за отступление, Борис Зусманович, множество раз брал интервью у других, брали интервью у меня, но только сейчас прочувствовал, что такое «сериальность» в Лумановской интерпретации новостных сюжетов. Ожидание вопросов и написание ответов уже само по себе приобретает форму самостоятельности нарратива. В общем, в ходе интервью испытываешь интересные ощущения.

Да, перехожу к вопросам. До тех пор пока я не поступил на истфак, определенного круга тематического общения у меня так и не сложилось (разве что постоянные дебаты с отцом). Причин этому несколько. Исторический факультет в Комсомольске появился в 1989 году, т.е. тогда, когда я начинал по-настоящему увлекаться историей. Только через два года после открытия факультета в город стали приезжать преподаватели, принадлежащие к определенным научным школам. В частности, Томской школе. Только в начале 90-х годов ими начинала привноситься в город цеховая сплоченность вокруг истории. И только тогда стал формироваться более или менее исторический узус, в рамках которого стали появляться кружки, да, что там просто общение.

Кроме того, любое профессиональное общение затруднялось отдаленностью города от научных центров.

При этом сказать, что я был уж совсем герметичен в своем интересе, нельзя. Я пытался списываться с авторами отдельных журнальных статей, но безрезультатно. Зато пока писал письма, честно готовился к полемике. Сам себе представлял визави, представлял себе его возражения мне. В общем, вот такая была отчасти шизофреническая игра.

Кроме того, я состоял в клубе нумизматов и там активно общался с профессиональными любителями, среди которых были, с моей точки зрения, очень приличные знатоки. Вообще гуманитарная составляющая до начала 90-х годов в Комсомольске-на-Амуре была очень условной. Комсомольск - это город промышленный, нацеленный на формирование технической интеллигенции, для которых гуманитарии были ни больше не меньше - способом расширения горизонтов, но не коллегами-учеными. Кстати и сегодня в городе не удается преодолеть стереотип прикладного характера гуманитарного знания.

«Не люблю проигрывать» - это некий личностно-этический вывод, а что в предметно-организационном плане? Вы сохранили преданность истории и решили сделать вторую попытку поступления на истфак или были сомнения в верности избранного пути?

Я повторил попытку на следующий год и уже тогда поступил. На самом деле я сомневался, нужно это или нет. По большому счету я не хотел быть историком. Меня тянуло к древностям (видимо, это отголоски любви к античности, но уж какая там античность на Дальнем Востоке), а как мне тогда казалось, удовлетворить эту тягу я мог только в археологии. Специальность «археология» была только где-то в Сибири, уже даже не помню где. А к моменту моего поступления стало понятно, что папа болен, сестра была далеко, оставлять родителей я не захотел. Ну и стал пробовать поступать на истфак повторно. Хотя Вы знаете, то, что написал, звучит уж больно эсхатологично. Конечно, меня закусало. Как же так могло быть, что бы *сам я* и не поступил. Поэтому в другой раз уже готовился к экзаменам как нужно. Конкурс, как помню, был человек 9-10 на место, тем сильнее у меня был задор.

Верные рассуждения, я бы даже сказал, по-американски протестантские. Семья – одна из базовых ценностей.

Итак, цель достигнута, Вы – студент истфака. Какую Вы там застали атмосферу? Какие временные, пространственные, предметные области науки Вас привлекали в первую очередь?

В момент моего поступления истфак, как упоминал выше, был в состоянии становления. Это состояние угадывалось в постоянной смене прописки деканата и кафедр, чехардой с расписанием, но в целом уже угадывалось нечто, что могло бы быть названо духом истфака. Такое, знаете, состояние интеллектуальной элитарности. Даже, наверное, снобизма. Высокий балл на конкурсе, большой отсев студентов (до 30% после первой сессии) позволял нам всем думать, что мы-то, как раз и есть интеллектуальная элита страны. К слову сказать, из более 50 поступивших до финала дошло что-то около 20, двое из которых стали докторами наук и один кандидатом.

Что касается учебы в целом, то, несмотря на то, что во время первых курсов практически пришлось переехать ночевать в библиотеку, мне было легко. Видимо дело в том, что я выбрал, что называется, свою дорогу. Дисциплинарно особый интерес был к истории античного мира и «отечке» (отечественной истории). Причем, здесь важны уже были даже не сами предметы, а семинары к ним. Вот именно там, в общей полемике, я получал удовольствие.

Наверное, такое отношение к учебе стало возможным еще и потому, что большинство преподавателей были старше нас лет на пять-семь и защищали свои диссертации уже на моей памяти. Пишу и вспоминаю, что это было время взаимного «запоя» агностикой. Мы спорили по любому вопросу, собственно интерес к спору и становился главной темой учения. Затем это увлечение заставило всех активно искать аргументы к спору, а значит самостоятельно искать информацию.

Спасибо, дух, атмосферу обучения Вы передали, чувствуется... какую тему Вы выбрали для дипломного проекта?

Название темы я сейчас уже не воспроизведу, но направление работы помню. Я занимался историей церкви, начиная с периода ее институализации никейских времен. Основной интерес заключался в определении взаимодействия институтов православной и католической церквей и института государства. Тема в те времена вполне популярная, но я занимался ею, потому что мне на самом деле было интересно.

Итак, обучение завершено. Что дальше?

А дальше встал вопрос работы. Так получилось, что на меня вышла заведующая кафедрой философии и социологии технического института Золотарева Лилия Николаевна и пригласила работать на кафедре ассистентом. Все предельно просто. Это был 1997 год. Зарплата была, прямо скажем, смешная и одним из способов не умереть с голоду самому и семье, а я уже был к этому моменту женат и у меня был сын, становится выбор академической карьеры. Выбор в том плане, что я решил, если уж работать в вузе, то нужно расти. И вопрос вставал даже не относительно науки, это и не обсуждалось, поскольку было для меня очевидным фактом, вопрос был именно о карьерном росте как таковом.

1998 год был для меня годом тяжелым. У меня умирает мама, вместе с тем я окончательно решил, несмотря на совершенно реальный голод, остаться в вузе. До этого были серьезные сомнения. В этом году меня проводят по кафедре ассистентом на 5 лет.

В 1999 году умирает сначала дед (чуть больше чем через полгода после смерти мамы), а потом и мой кот. Как бы странно это ни звучало, для меня это было равно порядковым кошмаром. Череда смертей моих близких привели ме-

ня к будущей теме исследования, чисто философского характера: «Социальное время в экзистенциальных пограничных ситуациях (проблема конструирования безвременья)». В сентябре 2000 года я поступил в аспирантуру к Леониду Ефимовичу Бляхеру с практически готовой идеей будущей диссертации, а в апреле 2002 года защитился.

Вообще нужно сказать, что Леонид Ефимович для меня становится реальным примером современного ученого, открытого для частного интеллектуального общения. Знаете, я только в общении с ним понял, что такое творческий порыв. Как-то вот сумел он мне это дать. При этом для меня важен был еще и чисто человеческий опыт общения с ним. Я приезжал к нему в Хабаровск, понятно денег особенно не было, а командировочные – что-то около 70 рублей – старался сохранить, чтобы привезти домой. И вот в таком прямо скажем, полуголодном состоянии приходил на консультацию к Леониду Ефимовичу, и во время наших обсуждений он ухитрялся мне подкладывать деньги в карман. Этот кейс был для меня почище всяких банальных нравоучений о бескорыстном служении науке.

Дальше, в финансовом плане пошло все много проще. При поступлении в аспирантуру я стал старшим преподавателем, а после защиты кандидатской мне дали внутреннего доцента. В общем, все обычно.

Вопрос исследований становится также менее сложным. У меня начался дрейф в сторону практической социологии. Вместе с коллегами я начинаю «раскручивать» социологию и социологические исследования в Комсомольске. А параллельно – выезжать на конференции, участвовать в исследовательских проектах. В 2006 году я перешел работать деканом в педагогический университет на свой родной факультет. В 2009 году, не без церемоний с ВАКом, защитился уже по социологии. В 2012 году благополучно ушел из деканов и теперь работаю профессором на кафедре родного вуза и одновременно в коммерческой фирме директором по персоналу и коммуникациям (пытаюсь применить свои теоретические знания властных взаимодействий из докторской диссертации).

За это время я успел развестись и снова жениться. Жена у меня кандидат филологических наук. В таком творческом порыве мы за 10 лет совместной жизни только в этом году написали совместную статью. Так, что вопрос науки для меня теперь становится уже где-то даже делом семейным.

Спасибо, Вы дали пространство для ряда новых вопросов. Прежде всего, о чем было Ваше кандидатское исследование?

Идея была такой. Все социальные институты встраивают человека в пространство социальных же взаимодействий. Поскольку жизненный цикл и самого общества и социальных институтов существенно больше жизненного цикла человека, в определённых ситуациях возникает перекося социальных паттернов

человека и его личностных установок. Общество ориентирует человека на условную вечность: «тебе это нужно потому, что будет завтра». Практически это выглядит следующим образом: человек всеми социальными конвенциями ориентирован на то, что у него есть будущее, ради которого необходимо что-то предпринимать. Учиться потому что завтра это пригодится в работе, рожать детей потому, что завтра можно гордиться тем, что они вот такие и так далее. Эта формула работает до того момента, пока человеку не объявляют о том, что у него будущего нет потому что он, например, умирает. Физически он еще дееспособен, а вот социально оказывается в состоянии безвременья. Все привычные социальные установки перестают действовать, и встает вопрос о формировании в конце жизни новых установок. Описание входа и выхода в «безвременье» меня и интересовало в работе. Это в двух словах о кандидатской.

Вы указали на свои контакты с Л.Е. Бляхером. А с какими либо московскими, петербургскими, сибирскими социологами Вам приходилось контактировать, участвовать в общих проектах?

Да, конечно. Удаленность пространства, безусловно, ограничивает общение, но не останавливает его абсолютно. Прямо и косвенно осуществлялось и осуществляется общение с коллегами за пределами Дальневосточного региона. Например, были совместные проекты с В.В. Радаевым. Поскольку моя докторская была связана с изучением власти и властных отношений, моим оппонентом стал В.Г. Ледяев, в рамках докторской диссертации также активно взаимодействовал с А.И. Ковалевой (за что ей огромное спасибо), В. Луковым и Вл. Луковым, были совместные проекты с К. Титаевым. Контактывал, как Вы говорите, с А. Олейником, Э. Панеях, А.Ф. Филипповым, В.И. Дятловым. В общем да, с кем-то знаком лично и по работе, с кем-то – в рамках работы заочно.

К вопросу (вопросам) о докторской диссертации мы перейдем ниже, а сейчас к тому, что впрямую навеяно Вашими словами: «Удаленность пространства, безусловно, ограничивает общение...». Поступает ли в Ваши края (библиотеки, магазины) современная российская, зарубежная социологическая литература или удастся приобрести ее лишь будучи в командировках, участвуя в различных конференциях...?

Совершенно определенно с литературой очень трудная ситуация. Наиболее существенным источником информации является интернет. Печатные тексты, а я сейчас говорю даже не о книгах, но и о журналах также, практически не доходят. Канал доставки литературы, правда, несколько шире, чем только личное приобретение, но очень ограничен.

Григорий, пожалуйста, разверните ваш ответ... совсем не понимаю, как можно без новой литературы?... в Интернете книг, заведомо, мало...

покупаете ли вы книги по Интернету, есть ли у вас сетевой доступ в какие-либо онлайн-библиотеки... Есть ли межбиблиотечная сеть?

Да, Вы правы, схожие формы заказа книг есть и у меня, видимо я, не правильно понял вопрос. Конечно, я заказываю книги, конечно, по-прежнему есть межбиблиотечный абонемент (МБА), опять же есть возможность в инете поискать электронный вариант книги. Но, и мы с Вами столкнулись уже с этим, на примере книги «Социологи России». Ограниченный тираж, либо сугубо дефицитная книга чаще всего, в случае, заказа по МБА будет идти очень долго, либо вовсе не придет. Старые книги могут быть вообще не перенесены на электронный носитель, и тогда остается надежда купить их, если будут и если повезет, только на электронных аукционах типа «Молоток» и ему подобные.

Конечно, как я объясняю своим студентам, кто хочет – тот сможет. Найти при желании можно все и в наших краях. Очень остро только встает вопрос оперативности получения информации.

Теперь, пожалуйста, расскажите о работе над докторской диссертацией: В чем проблема? Кем разрабатывалась ли эта тематика раньше? Что Вам удалось показать?

Да, работа, в силу своей привязанности к социологии чисто региональная. Хотя, уверен, что фреймы с рассматриваемой проблемы можно снимать везде. Работа посвящена осваиваемому пространству, полагаю, в американском формате она в большей степени подходила бы под антропологическое исследование. По крайней мере, пару лет назад с одной из моих коллег, которая только вернулась из Кембриджа, Натальей Рыжовой, мы спорили по поводу институциональной прописки отдельных исследований, и я пришел к выводу, что антропологический сюжет темы вполне себе очевиден.

Осваиваемое пространство, о котором я говорю, это, конечно, пространство Дальнего Востока. Освоение пространства идет, как смею надеяться, мне и удалось показать, по определенному принципу маркировки территории. Сначала формируется ядро поселения (например, типичный советский город таким ядром назначает промышленное предприятие – одно или несколько), затем, как эффект кругов на воде, от ядра начинают распространяться социальные объекты, обслуживающие его предприятия жилые районы, в общем все, что становится впоследствии частью единого города, округа, региона и пр.

Показательно, что разрушение инструментальных основ поселения приводит к сокращению маркировок в пространстве и сужению самой обжитой территории, в связи с чем возникают социальные пространственные лакуны. Это те территории, которые в сознании населения, респондентов, фигурируют как «а что, у нас есть еще и такой район?» Такие лакуны расширяются по мере сокращения контроля над территорией. В этой связи мне было интересно оценить

роль власти и властных взаимодействий как по существу чуть ли не единственного индикатора контроля распадающегося социального пространства.

Вообще Дальний Восток, как впрочем, и ряд схожих фронтальных территорий, обладает специфическими особенностями, укладывающимися в понятие «проточного пространства». В таком пространстве вход миграционных потоков определяется неким социальным или политическим заказом общества и государства, а вот выход является естественным процессом окончания социального заказа и уже по существу стихийен. В случае, когда таких заказов нет, регион начинает медленно, но верно терять население. Это и становится причиной появления социальных пространственных лакун.

Вопросами освоения территории напрямую и опосредованно занимались, как известно многие исследователи, в том числе конечно, и классики. Думаю, с полной уверенностью могу сказать, что интеллектуальными генераторами идеи для меня стали Л.Е. Бляхер, А.Ф. Филиппов, В.Л. Цымбурский. Идея «схлопывания» пространства Игоря Дмитриевича Саначева, который шел параллельным курсом в исследованиях (скорее философских, чем социологических) утвердила меня во мнении, что, в общем-то, принципы сокращения социального пространства есть продукт не только и не столько региональный, сколько онтологический. Это в некоторой степени развернуло работу в сторону методологии и поиска методов обнаружения признаков лакун, а также методов исследования маркировки пространства.

А Вам не кажется, что сейчас просто существует «мода» определенного типа исследования (я не понимаю часто, какого) называть антропологическими, тогда как проще и естественнее «подвигать» границы, содержание самой социологии? Ведь она не дана нам как нечто сформировавшееся раз и навсегда? На чем основано решение об антропологичности Вашей трактовки освоения пространства Дальнего Востока?

Мне кажется, Вы попали вопросом прямо в десятку. Диссертация, как любое институциональное исследование, зажато в железобетонные границы шифра. Думаю, все кто занимается наукой в рамках статусных границ написания диссертации, отчета по проекту и пр. прочувствовал на себе железные тиски конвенции жестких парадигм. В строгом смысле слова социология может быть вот такой антропологичной, историчной и философичной, и в рамках своих личных исследовательских границ я могу раздвигать горизонты социологии на любые расстояния. Более того, эти расстояния будут всегда вполне приемлемыми в условиях научного сообщества как такового, где работает принцип интересно/ неинтересно. Вот в рамках научной прописки, адресации исследования приходится придерживаться принципа условно приемлемых границ социологии. В этом случае, если бы Макс Вебер сегодня попытался бы защититься по

социологии, в нашей стране к нему было бы много вопросов по дисциплинарной принадлежности, в особенности в отдельных региональных советах.

Вообще мне в этом смысле несказанно повезло. Советы, в которых я защищал работу, не страдали узко конфессиональной ограниченностью. С докторской диссертацией встал вопрос о том, к какому направлению она была бы ближе. Даже при наличии эмпирических данных поля мне все-таки казалось, что работа ближе к социальной философии (отсюда условно ее антропологический характер). Приехал в диссертационный совет по философии во Владивосток. Прошел представление на кафедре мне были назначены эксперты. И вот тут началось странное... Эксперты стали болеть, председатель совета куда-то уехал. Отказа по работе не было, но и постановления на защиту не последовало. В общем, неопределенность продлилась что-то около года. Потом я, понимая, что нужно любое дело доводить до конца, поехал в Хабаровск в социологический совет к Ярулину Илдусу Файзрахмановичу.

Вот тут, если позволите, схожу в рефлексии. Региональное научное сообщество, не знаю насколько можно всерьез говорить о региональности научного сообщества, как и самой науки, имеет свою заданность. На Дальнем Востоке есть большое количество, с моей точки зрения, прекрасных социологов. Причем социологов сподвижников, если социология как наука получила легитимную прописку в России только с конца 80-х начала 90-х годов с момента открытия первых советов и появления первых фондов, то на Дальний Восток она пришла в это время лишь номинально.

Раскручиванием интереса к социологии в регионе начали заниматься лишь в конце 90-х-начале 2000-х годов. И.Ф. Ярулин, Л.Е. Бляхер, Н.М. Байков, И.Д. Саначев, Е. Ли - это те люди, которые стали, каждый на своем уровне, готовить общество и власть к тому, что есть возможность получить достоверные данные об обществе. При этом каждый из этих людей – это определенное направление в социологии, зачастую слабо пересекающееся (направление) конвенционально. В этом смысле каждый из них выступая локомотивом направления, возглавляет узкий круг единомышленников, что, в общем, нормально и логично, но, к сожалению, этот круг еще не в полной мере может быть назван научной школой. В нем нет того что можно было бы назвать научным гумусом. В этом смысле эти разные люди с разными научными целевыми установками вынуждены организовываться на едином поле конференции, диссертационного совета, Совета при губернаторе и т.д. Получается эклектика.

Все, выхожу из рефлексии. Вот в такой совет я и пришел. И именно в таком совете я защищался. Когда через год я проходил защиту в диссертационном совете МОСГУ у А.И. Ковалевой, где на тот момент, как бы вычурно это ни звучало, еще чувствовалось присутствие А.А.Зиновьева, у меня возникло

ощущение, знаете, некоего научного и интеллектуального единства членов совета (там от В. А. Лукова я и услышал идею о широте социологии). Я потом встречался и работал с коллегами, с которыми тогда познакомился, и укрепился во мнении, что, несмотря на всю разность этих людей, их всех объединяет общее понимание того, какой должна быть социология. Благодаря разности подходов к пониманию социологии членов совета, которых удалось собрать И.Ф. Ярулину, сам совет оказался ориентирован на научность, а не на жесткую парадигмальность.

Само собой разность в понимании возможностей социологии во всем пространстве Дальнего Востока усиливает рефлексию на жесткость границ социологии.

Хотя, я абсолютно с Вами согласен, что можно и нужно раздвигать границы наук. Неслучайно открытия в науки делаются маргиналами, т. е. людьми, находящимися за пределами заданных форм. В этом смысле меня мало беспокоила условная антропологичность моей работы. Я лишь констатировал факт прописки исследования. Работа построена на массиве исторических фактов, поскольку тема работы «Символизация осваиваемого пространства», в ней значительная доля философской рефлексии. Взвесить «проточность» пространства иным способом не получалось.

Не могу удержаться от слов благодарности, похоже, благодаря «рефлексивности», Вы сделали чудесную заявку на очерк о становлении социологии на Дальнем Востоке. Это надо делать сейчас, пока все живы и активны... если у Вас нет времени или душа не лежит, нагрузите этой темой нового аспиранта...

Спасибо за поддержку. Нужно подумать, как это развернуть. Возможно, это можно будет сделать даже в виде такого элективного курса как история науки... ну, это я продолжаю рефлексировать. Спасибо, действительно подумаю.

Вы рассматривали лишь советский и постсоветский периоды освоения Дальнего Востока или с начала его освоения российскими казаками?

Я начал рассматривать пространство Дальнего Востока с периода XIX века, его официальной регистрации как Российской территории. В строгом смысле слова это период царской России, куда входили так называемые сплавы с последующей организацией полувоенных поселений – это часть, основанная на истории. Конечно, я цеплял советскую и постсоветскую историю, где в качестве данных использовался материал социологического поля.

Не предпринимали попытку сопоставления механизмов освоения Дальнего Востока и, скажем, Запада США: Калифорнии, Техаса?

Вы знаете, для ряда конференций я готовил материал, о символической идентичности механизмов освоения Комсомольска-на-Амуре и Лас Вегаса. Это были тематические конференции, и там это было интересно, но не более того. Сказать, что я предпринимал серьезную работу по этому поводу, я не могу, хотя вынашиваю в планах проделать серьезный анализ освоенных территорий, но тут мне было бы интереснее зацепить Китай, Австралию.

Вот фрагмент из моего интервью с социологом и демографом Владимиром Мукомелем: «А при выборе темы диплома я взбрыкнул и сменил как географию, так и акценты: дипломная работа была посвящена экономико-демографическому развитию Австралии. Самым парадоксальным образом именно эта тема помогла мне осознать значимость миграции не только для экономического и демографического, но и социального развития территорий...». И было это в начале 70-х.

Да, интересно. К вопросу о том, что могло бы повлиять или подтолкнуть к теме... Как ни странно общие повороты моей темы были концептуально сформулированы в игровой реальности. У моего старшего сына были стратегические компьютерные игрушки, в которые мы резались и вместе, и по отдельности... Несмотря на общую заданность алгоритмов развития предлагаемых сценариев, эти игры стали для меня симуляторами реальности. Я от многих своих коллег и тех, что младше меня, и тех, что старше слышал, что компьютерные игры могут выступать катализаторами идеи. Так что, наверное, это и не странно вовсе. Такое яблоко Ньютона масмедийного пространства. В целом, полагаю, непринципиально, при каких обстоятельствах пришла идея. Современные технологии позволяют создать матричные модели социальных процессов, а уж на что они выводят исследователя, является личным творческим процессом ученого.

В каком году Вы защитили докторскую и по каким направлениям работаете с тех пор?

В 2009 году. Сегодня отчасти ухожу от темы, а скорее всего не ухожу, а копаю вглубь объектов, рассматриваемых ранее только вскользь. Мне интересна повседневность в социальной, политической рефлексии. Вот именно в такой последовательности. Политика и социум рефлексиирует на повседневные процессы, что вызывает особенно отчетливое противоречие между государственным и социальным. Отсюда оценка символики интеракций, отсюда – рассмотрение процессов, которые в некоторых случаях могут обозначаться как социальная метафизика.

После защиты стал больше заниматься исследовательскими проектами, стала интересна методология. Вообще, как будто стало больше времени для того, что интересно, может это потому, что ушел из деканов.

Насколько активно Вы работаете в сфере прикладных социологических исследований?

Последние два года особенно активно. И тут несколько причин: во-первых подготовлено само исследовательское поле. За это время обучились более или менее профессиональные прикладники, которые могут осуществлять методологически простейшие операции в рамках социологического поля. Но этого мало. Сформировался интерес общественности к социологическим данным. Кстати, в этом году в городе был первый набор бакалавров-социологов, удалось открыть (с большими трудностями, вообще сейчас это делается все труднее), магистратуру по социологии.

Сам процесс подготовки социологического поля занял около 10 лет. Сейчас нельзя говорить о том, что социология как прикладная наука «на ура» принимается населением, но это уже явно радикальный сдвиг от экзотической науки в сторону ее прагматической целесообразности. Как результат, сегодня отдельные городские СМИ с удовольствием пользуются перепечатками отчетов по проводимым omnibusам, используют данные, полученные нами в ходе разных замеров. В общем, процесс популяризации прикладной социологии привел к тому, что заказчиков прикладных исследований становится с каждым годом все больше. Во-вторых, я это говорю "без ура патриотизма, просто личное наблюдение в отношении количества поддержанных прикладных проектов, усилился интерес государства к самому Дальнему Востоку, как следствие – больше поддержки собственным проектам и увеличение числа западных проектов, ориентированных на дальневосточный регион и Комсомольск-на-Амуре.

В этой связи найти деньги на проведение исследований становится значительно легче, чем когда бы то ни было, ну, и работы становится больше, тьфу, тьфу...

Да, я прочитал о Ваших планах закольцевать страну интервью с социологами из Калининграда. Предлагаю личный кейс. У меня был период в жизни, когда жил в Калининграде, в общей сложности я провел в нем несколько месяцев. Вот там социология в полной мере определила судьбу одного из ведущих вузов. Университет имени Канта стал федеральным именно благодаря тому, что в нем проводились социологические исследования. Ректору вуза удалось убедить местного губернатора в том, что университет может быть полезен власти своими трансграничными исследованиями, на основании чего губернатор продал новый статус вуза.

Нечто подобное возникает сейчас и на Дальнем Востоке, с меньшим резонансом правда, но похоже с большей последовательностью, чем в Калининграде. По моим личным наблюдениям социология Дальнего Востока обладает большей самостоятельностью. Я могу не советоваться с ректором вуза о том,

какими исследованиями мне заниматься. Больше того, у меня могут быть и личные политические предпочтения, которые я буду с профессиональной точки зрения поддерживать. Все это в полной мере относится и к моим коллегам из Хабаровска. На другом конце страны, как я успел понять, вся тематика исследований должна была проходить определенную цензуру. Хотя возможно, это особенность только Балтийского Федерального университета.

Григорий, во время перерыва нашего интервью я нашел одного Калининградского социолога-полстера, и мы начали нашу беседу. Так что через пару месяцев я, возможно, как Вы говорите, «закольцую страну».

А теперь, пожалуйста расскажите об исследованиях общественного мнения на Дальнем Востоке: когда Вы начали проводить опросы, тематика, технология сбора данных...

Первые массовые исследования начинались в конце 90-х годов, я тогда еще не принимал в них активного участия, но, так или иначе, знаком с их тематикой. Это были количественные опросы по определению имиджа, сегрегационной стратегии и молодежи (отношения молодежи к власти, выборам и пр.) городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

Исследования, из тех, что проводились мной лично, начались в годах 2003-2004. Это были квотированные по полу и возрасту «квартирники». Заказчиками их на протяжении нескольких лет выступала краевая администрация. По существу, они были по своей цели электоральными, но в них, как это традиционно встречается, задавались параметры личного экономического статуса жителей. Вопросы «Как изменилось Ваше благосостояние за последний год» или «Сколько денег у Вас уходит на еду и квартирную плату» впоследствии стали отправными точками для оценки динамики благосостояния городов.

Где-то в это же время запускается серия опросов по оценке трудовых ресурсов Хабаровского края. Заказчиком выступал Центр занятости населения. Целью таких опросов становилось определение количества вынужденных безработных в поселениях края. В ходе таких опросов, для меня лично стала показательной тенденция к вымиранию Дальнего Востока. Из личного моего кейса помню, как в 2006-2007 я повез студентов своего факультета для исследования «уровня безработицы» в Солнечный район – это шахтерский район в 60 км. от Комсомольска. Сам Комсомольск в то время производил впечатление умирающего поселения с локальным благоустройством, но для моих студентов, которые за редким исключением могли тогда попасть, в лучшем случае, в самую дальнюю часть на карте – Владивосток, Комсомольск был крупным населенным пунктом. И вот, приезжаем мы в поселок Солнечный – районный центр, где выбиты стекла в домах на центральной улице, где на 30 тыс. человек населения действовало три-четыре магазина. Мои ребята начинают фыркать

что-то вроде: «Вот это дыра». А дальше мы поехали по поселкам. И, вот тут у них всякое фирканье прекратилось, потому что началась тихая депрессия.

Я работал со списочным составом безработных района. Согласно полученным спискам, более 80% населения имели статус безработных. В общем, это было правдой, потому что практически во всех населенных пунктах мы увидели развалившиеся здания ГОКов (горно-обогатительные комбинаты), закрытые магазины, опустевшие пятиэтажки. Особенно, что произвело впечатление на меня – это пустые улицы (было часа три дня) и, натурально, стаи кошек. Все поселения района, кроме самого Солнечного, который уже выглядел в глазах моих студентов подлинным столпом «столичности», напоминали руины после бомбежек.

В 2006 году я начал проводить исследования, которые получили общее название «оценка социального самочувствия населения». Это псевдо-панельные поквартирные исследования с гнездовой выборкой (в качестве гнезд выбираются одни и те же улицы, районы), проходящие 2 раза в год. Целью исследований было определение отношения населения к своему уровню жизни и местным органам власти. Сегодня по требованию федералов проводятся схожие по цели исследования: «Уровень удовлетворённости населения качеством предоставляемых муниципальных услуг». Это масштабные исследования с общей тематикой вопросов по всем крупным населенным пунктам страны.

Параллельно при поддержке фонда Форда где-то в том же году я начал проводить большое исследование по символизации социального пространства города Комсомольска-на-Амуре. В основу этого проекта была положена оценка общественного мнения горожан с уличным опросом в местах остановок общественного транспорта. Данные количественного опроса закреплялись глубинными полужурналистскими интервью и фокус-группами, собранными с учетом возрастных квот. В ходе этого проекта была сделана попытка выявления прозрачности пространства, исходя из его социально-экономической составляющей. На основе этого исследования и были обозначены выводы о социальных лакунах городского пространства, когда при «снятии фреймов» интервью в сознании жителей практически всех возрастных групп экономически слабо развитые территории отсутствуют.

После 2006 года исследования по оценке общественного мнения стали регулярными, но все они за редким исключением, носили, что называется, рамочный характер.

Последние несколько я провожу исследования по отношению к экологической ситуации в крае. Это преимущественно «уличники» в части количественных исследований и заданные экспертные интервью в части качественных. Квотирование по таким опросам преимущественно строится исходя из террито-

риального расположения экологически неблагополучных предприятий города и края.

По исследованиям общественного мнения, пожалуй, все.

А по-моему, это лишь начало. Григорий, своим ответом на последний вопрос Вы принципиально обновили, обогатили свой образ. Обидно, если бы эта Ваша деятельность не была бы отражена в интервью.

У Вас есть постоянная структура (Группа, Центр) для проведения опросов? Вы контактируете с другими сибирскими и европейскими организациями по изучению общественного мнения? Разрабатывается ли тематика общественного мнения студентами, аспирантами?

Я являюсь руководителем Центра изучения общественного мнения и рынка в аббревиации ОМир. Центр является институализированной структурой для проведения самостоятельных исследований и получения заказов на проведение исследований от коллег. Сегодня Центр проводит порядка 15-20 исследований в год, что конечно немного, но с учетом небольшого штата, вполне хватает для того чтобы закрыть потребность в опросах городов Дальнего Востока. ОМир – это структура, существующая в большей степени на, так называемых, хоздоговорных темах. Помимо этого есть еще и Дальневосточный институт социально политических исследований (ДВИСПИ) – это более широкая площадка, включающая в себя еще и хабаровских коллег. Я вхожу в институт на правах исследователя, который берет на себя отдельные участки работ связанные, как правило, с чисто научной тематикой, результатами которой становятся диссертации. И, сразу отвечаю на Ваш вопрос о тематике: разрабатывается часть таких тематик, в том числе и по общественному мнению, моими младшими коллегами студентами и аспирантами.

Так вот навскидку наиболее активно рассматриваемыми темами обеих структур (ОМир и ДВИСПИ) сегодня являются миграция – по профессиональным и возрастным кластерам, - экология, лидерство в общественных и политических движениях. Направление, которое мы сейчас в рамках Центра начинаем поднимать – профессиональные группы дальневосточных бюджетных и коммерческих предприятий. Пока рано говорить о каких-то уникальных вещах в границах этих предприятий в сопоставлении с «западными», но очевидно, что они выявятся.

Что касается контактов с другими организациями, то треть из тех исследований, что мы проводим, делаются по заявке наших коллег из западной части России. Если честно, я сегодня уже затрудняюсь сказать, кто из них сегодня представляет какой регион. Чаще всего, эти исследования идут на основаниях личных контактов с людьми, которые сегодня могут иметь отношение к одной организации, а завтра к другой. Есть правда более или менее стабильные орга-

низации-партнеры ИС РАН, Вышка, в рамках отдельных своих структур, частные заказчики. Недавно был совместный проект с московским Лонг-медиа. В общем, конечно, думаю, можно с уверенностью говорить о том, что я и те группы, к которым я имею отношение, входят в некоторую социологическую сеть страны.

Очевидно так же, что при увеличении работы меня будет ждать управленческий кризис. Возникнет потребность в расширении штата и по оформлению его на иных отношениях, но тут нужен будет еще и постоянный источник финансирования, а с этим пока многое не ясно.

Судя по российским СМИ, Дальний Восток становится важнейшей зоной внимания правительства. Это обусловлено многими обстоятельствами, и одно из них – рост экономической и политической мощи Китая и значительной миграцией китайского бизнеса и населения в районы Камчатки и материковой части Дальнего Востока. Как общественное мнение высказывается по всему этому комплексу вопросов?

Если позволите, я начну отвечать с конца. По поводу Камчатки у меня нет данных о сколько-нибудь серьезных опросах по трансграничной тематике, а вот, как Вы говорите, по материковой части такие исследования проводились и данные были. Такие исследования шли относительно регулярно последние 10-15 лет. Очень часто инициаторами таких исследований становились не исследовательские группы, хотя и такие тоже были, а чиновники, и интересовало это их преимущественно, потому что культивировалась идея некой внешней угрозы на Дальнем Востоке. В рамках той же идеи проводился экологический мониторинг загрязнения Амура, защиты животных, вывоза ценностей и пр. Идея так себе, но в условиях удаленности и заброшенности всего региона в то время такая идея могла стать идеологическим основанием для консолидации россиян на дальних рубежах. В этом контексте, кстати, шло осознание строительства новых маркеров в регионе. И чаще всего классическими маркерами становились и на территории Приморского края, и на территории Хабаровского и, отчасти Амурской области, православные храмы. В 90-е годы власти этих территорий начали вновь столбить и «метить» пространство, прописывая его в привычном культурно-символическом коридоре «а ля-рус». Так вот в русле «идеологичности» мы (это и я в том числе) стали запускать большие опросы общественного мнения, в теле которых были обязательные вопросы об отношении жителей регионов к внешней угрозе. Добавлю, что была череда не только количественных, но и качественных исследований.

На основании подавляющего большинства проводимых исследований становилось понятным, что проблема «захвата территорий Дальнего Востока» у местных жителей стоит на уровне 6-10 строчки. Традиционно после ЖКХ, зар-

плат, преступности, страха потери работы (кстати, в последнее время такой проблемы уже так же нет) и пр. В этом случае даже 6-8% численности китайской диаспоры от общего населения Владивостока, что отмечалось в нулевых годах нашего века, для населения не было критичным. Исключение составляла, пожалуй, Амурская область и город Благовещенск, где на территории города стали строиться китайские коммерческие центры только для китайцев. Но и даже там коннотации общественного мнения в отношении соседей были в их пользу.

В настоящее время, вот буквально меньше месяца назад, прошел еще один опрос на эту тему. Проводил не я, но с отдельными результатами исследования я знаком. Наибольшую национальную угрозу население Дальнего Востока видит в... цыганах. Образ жителя Китая дрейфует от скорее нейтрального к скорее положительному. В значительной степени население беспокоят украинское переселение, но и то только в той части, что им обещают большие экономические преференции, чем местным жителям.

Вопрос населения на Дальнем Востоке – это вообще больной вопрос. Людей, из тех, кто хотел бы остаться, больше беспокоит факт, что людей мало, а не то, какой они национальности. Хотя, здесь, как чуть выше попытался показать, тоже не все однозначно.

Но это все, так скажем, социальная проблематика вопроса. Экономическая же сторона вопроса рассматривается населением исключительно положительно. Дело в том, что большая часть товаров – это касается и промышленных, и продовольственных, имеют китайское происхождение. И здесь, даже неважно завозится это или нет. Выехать в Китай рядовому дальневосточнику очень просто и по времени, и по деньгам. Поэтому китайских товаров в избытке. При этом, конечно, качество этих товаров очень невысокое. В отдельных регионах ДВ более 70% так называемого средне бюджетного населения традиционно считало, что отечественный производитель или товары из других стран более предпочтительны, чем товары из Китая. Правда, если говорить о промышленных товарах, то на российском ДВ сформировалась когорта и предпринимателей, и потребителей, которые четко обозначают разницу между промышленным производством китайских товаров и кустарным. Очевидно, что промышленный пользуется большим спросом. Тем не менее, китайское в большинстве случаев всегда относилось к категории второго сорта.

Когда я жил в Калининграде, мы с женой зашли в какой-то магазин посмотреть куртки. На мой вопрос это у вас что-то турецкое? (а для ДВ это как бы класс повыше, хотя тоже условно). Продавщица не без гордости нам ответила «Что вы, настоящий Китай». Вот для нас это было основанием ничего не покупать в этом магазине.

Сегодня после введения обоюдных санкций против России, отношение к качеству товаров китайского производства не изменилось, но изменилось отношение к оценке стабильности. И, если раньше на вопрос: «Как Вы оцениваете качество жизни в регионе?» Можно было услышать: «Ужасное, поскольку мы едим нитратные продукты из Китая, и вынуждены мыть руки водой, загрязненной там же». Сегодня люди начинают говорить о том, что качество жизни сносное. Потому что в результате санкций китайские товары: а) все равно не исчезнут и б) в цене не подрастут.

Политический вопрос более неоднозначен. Опрошенные в подавляющем большинстве считают, что дружба с Китаем – это факт положительный, но когда вдруг летом этого года стала гулять информационная утка о том, что крупные заводы с ДВ из-за своей убыточности могут быть выведены в Китай, население единодушно отреагировало негативно. То же самое недовольство возникло, когда Китаю была передана часть территории Хабаровского края. В этом смысле риторика такова: мы готовы дружить, но не за наш счет. При этом мои коллеги отмечают, что сам нарратив политических дискуссий людей возрос, что отражается в разговорах людей в магазинах, на улицах в общественных учреждениях. Мы и китайцы братья навек – таков общий слоган сегодняшнего обывателя. Но вот эта тема требует дополнительного исследования.

Что касается общего внимания к Дальнему Востоку со стороны правительства – тут вообще сложно. Во-первых, Дальний Восток большой и территориально очень растянут. В глазах стороннего наблюдателя политические и экономические вложения в территорию ДВ выглядят шагом позитивным, а житель ДВ начинает задавать вопрос, а куда конкретно пойдут деньги. В последнее время большой интерес правительства страны идет к приморскому краю. Туда стягиваются ресурсы, там же формируется властный аппарат ДВ, там же идет строительство ДФУ (Дальневосточного федерального университета), там же идет модернизация городской (Владивостокской) инфраструктуры. С другой стороны, в результате ликвидации последствий потопа, деньги направлялись локально, что, в общем-то, и понятно, только в определенные территории. Отсюда, все это общее материально-политическое благо так размазано по территории трех Франций, семи Бельгий и двух Германий – это собственно то, в чем традиционно меряется территория ДВ, что практически незаметно среднестатистическому дальневосточнику. Во-вторых, новые предложения по общей экономической ситуации, в числе таких предложений – идея с ТОРами (территориями опережающего развития) населением воспринимаются сдержанно: а уж больно не понятно, что это такое. В целом, конечно, такое внимание к себе людьми отмечается как факт положительный, но главное, то, ради чего это все задумывалось (если не брать чисто политический аспект) – сохранение и при-

умножение численности населения – пока не «стреляет». Миграционный отток не изменился. Кажется, на все ответил.

Надеюсь, что вскоре у меня будет четыре интервью с дальневосточными социологами: уже завершено и опубликовано интервью с Л. Бляхером, идут беседы с Э. Леонтьевой и И. Ярулиным, и вот – наше. Как в целом организована социологическая жизнь в вашем регионе? Есть ли журнал, проводятся ли регулярные встречи, представлен ли «голос социологов» в СМИ и т.д.?

Прежде всего, эта жизнь худо-бедно организована. Существует некий профессиональный клуб, разношерстный в своей тематике, методологии, научных интересах, о чем мы ранее уже говорили, но это уже вполне самостоятельное сообщество людей, говорящих на понятном им языке. Площадкой для того, чтобы поговорить на этом языке становится диссертационный совет. Есть и специализированный журнал «Власть и управление на Дальнем Востоке» он больше гуманитарный, чем социологический, но достаточно много публикует социологов, есть вестник одного из вузов, который с регулярной периодичностью публикует результаты социологических исследований касающихся региона. Нечасто, но все же запускаются общие проекты, которые задействуют социологические сети региона. С Э. Леонтьевой, например, относительно недавно, приняли участие в оценке миграционных настроений студентов региона... При этом профессиональная жизнь, даже в формате условного единения, локализуется в Хабаровске, отчасти Владивостоке, совсем фрагментарно в Благовещенске и Комсомольске. Понятно, что для меня быть частью социологической сети сопряжено с большими, хотя и не смертельными, сложностями, связанными с переездами (Комсомольск находится в 400 км от Хабаровска). Дистанционный формат, с моей точки зрения, менее результативен, но он регулярен.

Что касается, СМИ... как-то так получилось, возможно, это связано как раз с тем, что я оказался единственным прикладником в Комсомольске и по комсомольской ветке, последние два года к моим социологическим работам появляется определённый интерес. Понятно, что в СМИ идет наукопоп, но, во всяком случае, возникает ощущение востребованности и тебя самого, и исследований, которые проводишь. Периодически читаю не только в журналах, но и в медийных источниках своих коллег. Есть правда, тенденция... читаю только одних и тех же. Видимо у журналистов сложился устойчивый ассоциативный ряд по поводу того, кто может являться экспертом социологом/ политологом. Думаю, несмотря на такую ангажированность отдельных исследователей, все это конечно влияет на популяризацию нашей науки.

Еще один формат социологии становится доступен, организован или близок к организации: Совет при губернаторе. Совет о-о-очень совещательный, в него отказались войти ряд моих коллег, но уже тот факт, что он возникает, становится индикатором интереса власти к социологии. В условиях популяризации социологии сегодня в регионе все больше становятся востребованными именно профессиональные исследования, а не примитивные PR-проекты. Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока, если не в полной мере проявилась, то уж точно очерчена.

Григорий, очень оптимистичный вывод... здесь и закончим нашу беседу. Большое спасибо.

**КОНСТАНТИН ГРИГОРИЧЕВ:
«НЕ СКАЖУ, ЧТО ГОД РАБОТЫ В РОЛИ
“МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО” БЫЛ СОВСЕМ БЕСПОЛЕЗЕН»**

Константин, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти – для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры...

Ваша фамилия, похоже, - нечастая производная от имени Григорий. Что Вы знаете о ее происхождении? Насколько Вы вообще знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

К сожалению, сведения об истории фамилии у меня скорее отрывочные: в семье крайне редко поднималась тема ее истории дальше, чем поколение родителей моих родителей. О происхождении фамилии нередко говорит мой отец Вадим Владимирович: «Наша цыганская фамилия». Несколько раз упоминался его дед, который «был таборным цыганом и до самой смерти подписывался крестиками». Имени прадеда достоверно я не знаю, могу только предполагать по имени деда (папиного отца), которого звали Владимир Владимирович. Над моими цыганскими корнями часто посмеиваются (сероглазый блондин плохо вписывается в образ цыганского табора), но младший брат отца – Алексей, в молодости был совершенно цыганского вида: крупные смоляные кудри, темные глаза, бесшабашный характер. Так что цыганское происхождение фамилии мне кажется вполне реальным. Особенно если учесть вспыльчивость и некоторую суровость нрава моего папы и деда...

Родителей отца я знаю не очень хорошо: наша семья довольно рано уехала из родного города папы (и моего) – Челябинска, когда мне было два или три года. По распределению после окончания Челябинского политехнического папу отправили в город Воткинск в Удмуртии, где он работал на заводе Минсредмаша. Там в Воткинске родился мой младший брат. Позже наша семья переехала в Павлодар (Северный Казахстан). Как следствие, в Челябинске мы оказывались не часто, а позднее, когда мои родители разошлись, контакты совсем ослабели. Помню, что дед Владимир Владимирович после войны (по рассказам отца, он воевал в морской авиации в Северном флоте) до самой старости работал на Челябинском трубопрокатном заводе простым рабочим. Дед частенько грубовато проходил по «белым каскам» и подчеркивал свое рабочее происхождение. Хорошо помню едва ли не единственный совместный с родителями отца Новый год, когда дед Володя с некоторым пренебрежением сказал, что «празд-

ник надо встречать в спецовке». Папина мама – Римма Григорьевна, напротив, работала как раз инженером и очень славилась виртуозными чертежами. У отца была просто невероятной красоты готовальня, доставшаяся ему от бабушки. В детстве я часто рассматривал находившиеся в ней циркули и рейсфедеры как произведение чистого искусства, плохо понимая их назначение. Насколько я знаю, бабушка жива, но контактов у меня с ней нет...

Родителей моей мамы – Маргариты Николаевны, я знал чуточку лучше, поскольку с 78 года до начала 90-х они также жили в Павлодаре. Мамин отец – Николай Дмитриевич Губин, по коротким рассказам бабушки, происходил из «вятских поповичей». Сам дед Николай о своей семье никогда не говорил. Бабушка – мамина мама – Лидия Андреевна происходила из рода Мартыновых (тех самых, один из которых вошел в историю русской литературы). Однако ее отец, как рассказывала бабушка, довольно рано ушел из семьи «по убеждениям», работал инженером-путейцем где-то в Закавказье и Средней Азии. Бабушка не очень любила говорить о прошлом своей семьи. Думаю, это связано с опытом 30-40-х, когда вспоминать о дворянском происхождении было небезопасно. Да и сама она была убежденной большевичкой. Едва ли не самые ранние мои воспоминания о ней связаны с ее «колыбельной» песней: «Там вдали за рекой». Лишь однажды она попыталась рассказать мне о своих родителях, но в силу подростковой неразумности я не проявил должного интереса и внимания. Теперь же, увы, восстановить эту историю, наверное, почти не реально.

С дедушкой бабушка Лида познакомилась на фронте. О подробностях они оба почти не говорили, но, вероятно, это произошло в 43-м. Дед Николай, после окончания «пехотного училища» (именно так он его называл) в должности командира пулеметного расчета оказался на Курской дуге, где в первом же бою был тяжело контужен и война для него закончилась. Бабушка же, воевавшая, если я правильно помню, с 42 года (санинструктор, долго была на переднем крае, затем медсестрой в полевых госпиталях), вынесла его из боя. Как сложились их отношения в семью, они оба практически не рассказывали. В 46-м у них родился старший брат мамы – дядя Юра, а в 52-м – моя мама. Вскоре мамина семья переехала в Иркутскую область в строящийся тогда город Ангарск, где прожила до конца 70-х. Сейчас никого из родственников в Иркутской области не осталось, и то, что я оказался здесь – такая замысловатая петля.

Очень у вас интересная история, в ней многие важнейшие страницы постреволюционной и даже глубже истории страны. В школу, похоже, Вы пошли в Павлодаре, и там проучились все годы? Чем запомнились школьные годы? Были ли гуманитарные интересы, которые позже привели Вас в социологию? Или все было не так однозначно?

Восприятие октябрятско-пионерской составляющей детства у меня было, наверное, очень типичным. Прием в октябрята помню почти как вчера: поздняя осень, темное утро, несколько классов взволнованных, накрахмаленных ребятшек, суетящиеся учителя и многозначительные пионеры, поглядывающие на нас свысока. Жуткое волнение, ощущение чего-то невероятно значительного, какой-то магии... Чуть позднее одним из волнующих и отчасти травматических «октябрятских» сюжетов стало мое не участие в «параде октябрятских войск». К нему я не смог выполнить ответственное задание – написать лозунг «Родина мать – умей ее защищать» (даже странно, как прочно помнится), а потому был с позором исключен из числа марширующих... Прием в пионеры был не менее волнующим, но уже менее торжественным, не магическим событием. Возможно потому мне не хотелось быть в числе пионерских лидеров, а комната под вывеской «Пионерская» таинственной дверкой в каморке папы Карло не воспринималась. Сходив пару раз на занятия горнистов, интересоваться пионерскими делами я практически перестал. Хотя галстук носил с удовольствием – просто нравился он мне как единственная стильная вещь во всей школьной форме. «Мы не были шпаной, мы галстук пионерский, сжимали в кулаке от гордости смеясь...» – очень точно узнал себя, когда услышал много лет позднее Ивасей.

В это же время (году в 86-м кажется) я начал заниматься туризмом и спортивным ориентированием. Сначала это были школьные соревнования, потом все стало заметно серьезнее, пошли разряды, походы. Туризм дал возможность побегов из города и другой – не пионерской романтики, дал новые слова, песни, отношения. Именно у костров, а не в литературных кружках впервые услышал песни Окуджавы, Галича, практически весь набор из «политехнического». Ночами слушал рассуждения старших товарищей о «шестидесятых» (в основном в литературном и бардовском контексте). Эти разговоры хорошо ложились на восторженное отношение к Высоцкому, песни которого очень любит отец. Стихи и прозу Высоцкого, с которыми я познакомился классе в седьмом из рукописной отцовской тетради, я не столько понимал, сколько принимал как откровение. Интересно, что запомнившиеся тогда строки («мы тоже дети страшных лет России...») позже не ушли, как многое другое, что казалось важным, значимым в подростковые годы, а много раз возвращалось. Словом, размышления о жизни, как она устроена и почему люди такие, а не иные у меня появились скорее в связи с литературой и поэзией, и специфическим пластом творчества «золотого» времени бардов.

Комсомол стал уже не рациональным, а скорее «приличным» поступком. Образ Павки Корчагина, яркий и значимый для меня классе в пятом-шестом, стал скорее образом литературным, и вне литературы почти не воспринимае-

мым. Ни как долг, ни как призвание, ни даже как инструмент карьеры вступление в комсомол я не воспринимал. Показательно, что из всего торжественного приема в комсомольцы, хорошо помню только комичную сцену чтения «Стихов о советском паспорте» однокашником: жутко стесняясь, краснея на огромной сцене (билеты вручали в одном из больших городских ДК) в широченных брюках-«бананах», Иван, запинаясь и смущаясь, как будто объясняясь в любви, с паузами с трудом произносит: «Я... достаю... из широких штанин...» В двух рядах от меня смеялся, складываясь почти пополам, третий секретарь райкома комсомола. И вот этот образы краснеющего на сцене однокашника и смеющегося на торжественном мероприятии комсомольского вожака напрочь перебили весь оставшийся у меня к тому моменту пиетет.

Буквально через полгода стало ясно, что в комсомоле мне делать нечего от слова «совсем». Весной девятого класса, чтобы вовлечь меня в комсомольскую жизнь (я даже взносы в 2 копейки платил крайне не аккуратно), моя хорошая приятельница по туристической секции, и по совместительству – секретарь комсомольской организации школы, попросила заменить ее «на секретарстве» на пару месяцев, пока она лежит в больнице. За неполных два месяца я напрочь развалил комсомольскую работу: кабинет комитета комсомола стал «вольнодумствующей курьёвкой», где во время прогуливаемых уроков обсуждались походы, стихи, история, но месту «политической и комсомольской работе» не находилось вовсе. Это скорее было «игрой в комсомол», легким стебом, и в таком качестве и осталось. Узнавая в последствие о политических и бизнес-карьерах комсомольских работников я, вопреки фактам, испытывал иррациональное недоверие: как могут строиться столь серьезные стратегии на подобном несерьезном фундаменте? Популярный тогда фильм «ЧП районного масштаба» казался основанным на возможно реальных, но, безусловно, не здешних событиях.

Не могу сказать, что в школе меня сильно тянуло к гуманитарным наукам. Как многие сверстники лет в 9-10 зачитывался «историческим» томом детской энциклопедии, но больше ее «археологической» частью. Где-то в это же время прочитал ефремовское «Лезвие бритвы». Вообще очень любил читать – Жюль Верн, потом Лондон, постепенно перечитал почти все, что было в доме, включая советскую «классику». Был записан разом в несколько библиотек и везде стоял в очередях на ту или иную книгу. Пожалуй, это самое сильное воспоминание о школьном детстве – безудержное какое-то чтение. Времени на него оставалось немного – помимо школы у меня была музыкальная студия по классу фортепиано (никогда после не жалел об этих семи с половиной годах мучений, но тогда было до соплей обидно мучиться с музыкальным домашним заданием, когда сверстники гуляют), различные спортивные секции, занятия у ма-

мы в ансамбле (она у меня хореограф). Поэтому при каждой возможности хватался за книгу: за едой (если был один), одеваясь, делая вид, что учу уроки... Мама со смехом вспоминает, как находила книги, спрятанные мною в самых неожиданных местах для того, чтобы можно было ночью незаметно читать (отец строго следил за нашим режимом дня).

Но серьезного увлечения именно гуманитарными науками не было. Лет в 13, кажется, я твердо решил стать врачом-хирургом, пошел в научное общество школьников при Дворце пионеров и несколько лет прилежно его посещал. Мне очень нравились и теоретические занятия, и своего рода «практика» в больницах (нас водили и на операции, и на дежурствах бывали, и даже ассистировали на простых манипуляциях). Много из того, чему научился тогда, до сих пор очень пригождается. Но мечта рухнула, когда стало очевидно, что химия навсегда останется для меня самой загадочной и непостижимой наукой. Не наукой даже, а какой-то магией, таинством. Поскольку, не смотря на весь юношеский задор, мне иногда (но не часто!) удавалось трезво оценивать свои возможности, с мечтой о «меде» пришлось расстаться.

Вялая попытка закончить подготовительные курсы в Павлодарском индустриальном институте убедила и меня, и маму в том, что техническое образование – «не мое». Хотя до восьмого класса с точными науками у меня отношения складывались успешно, тригонометрия и логарифмы с интегралами мне не покорились. И, наверное, главное – мне становилось все более скучно с «железками»: самой сложной техникой, которую я понимал и всегда мог наладить, был велосипед. А обычные подростково-юношеские разговоры об авто, появившихся тогда первых компьютерах, особого интереса у меня не вызывали. Научившись писать простые программы на программируемом калькуляторе и не получив ожидаемого чуда (казалось, что должно получиться нечто эдакое), интерес к новинкам техники почти потерял. Позже, когда стали доступны персональные компьютеры, интерес к ним вернулся, но это было уже много позднее.

Понимание того, что медицина мне не доступна, а техника и естественно-научные сферы – не интересны, совпали по времени с брожением умов в конце 80-х. Как-то неожиданно для меня и, кажется, сверстников, оказалось можно говорить о самых разных вещах. Суть именно в этом «можно»: разумеется, мы в своем кругу говорили на самые разные темы, но вдруг из частного пространства они оказались вынесены в публичное. И не только не пресекались, но и активно поддерживались частью учителей. Пришло ощущение драйва, какого-то не всегда рационального увлечения темами недавней истории и современного общества, даже какой-то погруженности в эту сферу. Стремительная переоценка пионерско-комсомольских ценностей (в комсомол я успел

приняться) «удачно» совпало с юношеским бунтарством. В последнем классе я перешел в другую школу и после едва ли не первого сочинения поссорился с учителем литературы. Эпиграфом к своим рассуждениям о романе Горького «Мать» я поставил короткий отзыв о романе, как-то походя почерпнутым из дневников Толстого: «Скучно». Двойка (наверное, совершенно справедливая) стояла сразу после эпиграфа, даже без прочтения моих пространных рассуждений о романе и его несоответствии моим представлениям о предсоветской России. И как-то и дальше отношения с учителем не сложились. Наверное, поэтому потребность обсуждать прошлое и настоящее не реализовалась в литературной сфере, хотя было очень увлекательно говорить о том или ином вопросе, отталкиваясь от текста. И естественным образом мне все больше стали интересны уроки обществоведения, которые тогда воспринимались как довесок к «истории».

Слова «социология» при этом вообще не употреблялось. Думаю, я даже не знал о нем (хотя не поручусь). Почти все наши рассуждения об обществе, так или иначе, вытекали из исторических сюжетов, и, пожалуй, я искренне воспринимал «общественную» проблематику как раздел истории. Поэтому к окончанию школы в силу наклонностей и интересов я все больше склонялся к поступлению на исторический: писал письма в институты и университеты, интересовался конкурсом, условиями поступления. Было очевидно, что придется уезжать из дома, поскольку в Павлодарском педагогическом (единственная местная альтернатива «Индусу») исторического факультета не было.

Спасибо, Вам удалось показать движение. Не скучно. Чем же завершились Ваши поиски?

Поиски завершились историческим факультетом Барнаульского педагогического. Совсем не потому, что хотелось быть учителем, скорее так сложилось. С первого захода я не поступил. Мне срезали балл на экзамене по истории на вопросе, который я до сих пор с удовольствием задаю коллегам-историкам и ответа пока не получил: «Назовите немарксистские рабочие партии в революции 1905 года». Несколько месяцев я проработал грузчиком в родном городе, а затем поступил на рабфак все-того же Барнаульского педа. Совершенно не жалею об этом, казалось бы потерянном годе. С одной стороны, это была жесткая, но нужная школа жизни: общежитие вместе с физкультурным факультетом, голодный 91-й и прочие прелести. С другой стороны – на рабфак преподавать историю пришла молодая преподавательница института, незадолго до этого защитившая кандидатскую – Татьяна Кирилловна Щеглова. Она стала, по выражению Виктора Иннокентьевича Дятлова, моей научной мамой. Фактически с нее началось развитие этнографии некоренного населения и устной истории на Алтае, и мне повезло учиться и работать с ней. Человек строгий и волевой, она, тем не

менее, давала мне большую свободу в определении интересных тем, подходов, взглядов. Каждое лето, начиная с 92 и до 2002, я ездил в полевые экспедиции по районам Алтайского края, где основным методом работы были интервью. Видимо, тогда и сложились мои предпочтения в исследовательской работе: до сих пор мне более интересны качественные методы. Знаю, что эти экспедиции продолжаются до сих пор, и каждое лето Татьяна Кирилловна едет со студентами в «поле», иногда тянет присоединиться, но пока не получается...

Студенческие годы, кроме, разумеется, веселой жизни, стали возможностью войти в научную среду. Как раз с начала 90-х на истфаке создается лаборатория исторического краеведения, где я работал сначала на общественных началах, а потом и на ставке лаборанта. Там мне довелось познакомиться поближе с «внутренним миром» научного коллектива, появилось ощущение приобщения к нему, повстречаться со множеством интереснейших людей. На четвертом курсе вышла первая публикация (небольшие тезисы), ощущения от которой, наверное, знакомы всем, кто пишет. Думаю, работа в лаборатории заменила мне увлечение КВНом или иной самодеятельностью и другими традиционными студенческими занятиями. Разумеется, это никак не отменяло участие в разного рода вечеринках («ботаником» в полном смысле я не был), но вносило в жизнь какой-то дополнительный стержень, который постепенно становился основным.

Уже ко второму-третьему курсу мне все более интересными стали темы, связанные не столько с этнографической проблематикой, сколько с развитием населения. Диплом был посвящен миграционным процессам середины XX века на Алтае в связи с основными событиями советской истории этого времени. Как-то незаметно возник интерес и к историко-демографическим исследованиям (причем более демографическим, чем историческим), что определило и тематику кандидатской. В аспирантуру я поступил там же в педагогическом университете по отечественной истории. Несмотря на все бытовые сложности, аспирантура прошла гладко и вполне результативно: закончил в октябре 2000-го с текстом и через месяц защитился в Алтайском госуниверситете.

Складывается такое ощущение, что в университете Вы с утра до вечера и на протяжении всей недели были на лекциях, в библиотеке и экспедициях. Возможно, конечно, но скорее всего были и другие стороны студенческой жизни. Пожалуйста, поделитесь своими воспоминаниями о них...

Описанный выше опыт политической активности в школе, возможно, стал мощной прививкой от любой партийной деятельности. Уже в студенчестве мне было не интересна и скучна любая около партийная активность: региональными отделениям возникавших тогда партий и движений я интересовался примерно также, как и разного рода религиозными конфессиями, также массово

появлявшихся в первой половине 90-х. Знакомство, один-два визита на мероприятия (будь то партийное собрание или чтение религиозной литературы) и расставание навсегда. С юмором и ноткой пустой гордости на вопросы о «партийных» пристрастиях отвечаю, что единственной партией, в которую я вступил осмысленно и по зову сердца, была студенческая «партия анархистов-гедонистов». «Партия» эта была создана на пятом курсе «на троих», и главным ее постулатом значилось: «гедонизм одного человека, заканчивается там, где начинается анархизм другого». При всем смехе, идея не хуже многих.

Почти все студенческие годы я прожил в общагах. Общежитие – особый мир, по крайней мере, у меня осталось такое послевкусие от в общей сложности шести лет, прожитых в нескольких студенческих общежитиях. Даже странно, что этот сюжет – общаги начала девяностых – не попал в фокус социологических работ до сих пор, насколько я знаю. Мне встречались интересные зарисовки из сегодняшних общежитий, но девяностые, кажется, прошли бесследно. Начало девяностых везде было временем болезненных родов новых отношений, но в общежитии этот интимный процесс был открыт обозрению всех живших там. Здесь хорошо было видно, как мои сверстники вписывались в новую систему жизни, пытались осваивать ниши, возникавшие или становившиеся доступными тогда, в том числе и криминальные и около криминальные. Не скажу, что я тогда всерьез анализировал происходящее с окружающими людьми и со мной, скорее интуитивно что-то принимал, что-то отторгал – самых разных примеров было множество. Однокурсник, с которым я довольно близко приятельствовал, торговал на рынке поддельными сертификатами и прочими документами, которые были нужны для торговли. Короткая история его «коммерческого» взлета и падения прошла у меня перед глазами буквально за несколько месяцев: шальные, безумные просто по студенческим меркам деньги, абсолютная неготовность к ним, бездумные покупки, кутежи – и милый деревенский парень превратился в «синяка» с потухшими глазами. Среда, в которую он попытался встроиться, лихо его переварила и выбросила. Такие типажи потом легко узнавались по отстраненным взглядам, поношенным лицам, обиженной безразличности к жизни. Такие иллюстрации неуспеха...

Другой вариант «неуспеха» – знакомый «военрук» Витька, с которым мы вместе ходили тренироваться в универовский спортзал. Он с самого начала нашего знакомства не скрывал, что для подработки ходит «постоять» (обозначить силовое присутствие на «стрелках»). Позднее как-то рассказывал о том, что делается это под прикрытием «корочек» отряда по содействию милиции, была тогда подобная структура. Несколько раз «обламывал» гостей, приходивших посмотреть на наших тренировки (рукопашный бой) и желавших со мной

познакомиться. Смысл этого я понял, когда Виктор на одном из «постоять» получил тяжелое ранение... До сих пор вспоминается, как проход по краешку...

Интересно было видеть, как по-разному выстраивали стратегии выживания деревенские и городские ребята, жившие в общежитии – местные, барнаульские были мало вхожи в мир общаги, только гостями. Большая адаптированность к городским условиям студентов из городов, компенсировалось у «деревенских» визитами родителей с «передачками» и наличием родственников в городе (Барнаул до сих пор очень деревенский город). Для «деревенских» вообще были мало характерны рискованные стратегии, которые диктовались необходимостью выживания – всегда можно было уехать домой «подкормиться». У приезжих из городов шансов на это почти не было – отсюда рискованные авантюры (мне самому случалось наниматься на срочную ночную разгрузку фуры, явно пригнанной не по месту назначения), иногда реальный голод. Возможность всегда прокормиться в общежитии – это все-таки в значительной мере миф, или точнее – стереотип, не всегда работавший в начале девяностых.

По вечерам весной и ранней осенью, когда можно было «торчать» в окнах, мы сначала с интересом, а потом скорее безразлично рассматривали соседнее общежитие, где жила наша педовская элита – «иняз». Это общежитие, в отличие от нашего и прочих, которые я знал, жило по совершенно особому графику: ближе к 9-10 вечера к подъезду стягивались редкие тогда еще иномарки, в которые стайками слетались «иностранки», чтобы к утру, «усталыми, но довольными» вернуться обратно и успеть к 8 на занятия. Интересно, что этот сюжет не воспринимался тогда живой иллюстрацией к «Интердевочке», а был вполне нормальной частью повседневности. То, что раньше и позднее резало глаз, в тот момент было органично – крутятся девочки, кто как может, никто не осудит.

Отдельная история – студенты физкультурного факультета – «спортачи». Они разительно изменились за мои студенческие годы. На рабфаке (это осень 1990 весна 1991) я застал еще последние наборы «военруков» (совмещенная специальность «учитель физкультуры – НВП»), которые были людьми суровыми, тяжелыми, казавшимися намного старше нас (на самом деле – лет на 5-6 максимум), но имевших более или менее понятные правила жизни и отношений. Неписанные эти правила вряд ли были хорошими или плохими, гуманными или жестокими, но они были. Поняв их ценой довольно болезненных (в прямом смысле) ошибок можно было вполне сносно с «военруками» сосуществовать, а иногда и приятельствовать. Отмена НВП как школьного предмета, как теперь понимаю, не только стала символом демилитаризации школы и причиной исчезновения «пенсионных» рабочих мест для отставных офицеров. Изменились и требования к поступающим на физкультурный, что «удачно» легло

в тренд криминализации жизни... Уже через год-два в составе «спортачей» произошёл какой-то качественный слом: в подавляющей своей массе они стали выглядеть и вести себя откровенно мелко уголовно... Ощущение от этой перемены я очень точно узнал в прочитанных где-то в это же время бунинских «Днях окаянных»: «Как-будто самые отвратительные хитровские типы, стократно умножившись...». Самое тяжелое было понимать, что выпускники и даже старшие курсы «спортачей» делились примерно поровну: на тех, кто будет сажать, и тех, кого будут ловить. В общаге между ними особой разницы не было, и предпосылок к ее возникновению не ощущалось. Не часто, к счастью, сталкиваясь впоследствии с милицией/полицией убеждался, что таких предпосылок и не появилось... Эти сюжеты мне приходили на память и при чтении Волковского «Силовое предпринимательства», и при интервьюировании следователей в рамках небольшого проекта с питерским европейским университетом. Но в общаге об этом почти не думалось, это было «реальностью, данной нам в ощущениях»: два перелома носа я заработал как раз там.

Мои научные занятия в этот момент стали таким вариантом эскапизма. Часы, проведенные архиве, библиотеке, в лаборатории на факультете давали ощущение другой реальности, в которой голова – это не просто место, в которое едят. Это стало компенсацией тем «побегам» из города, которые давал туризм в школе, поскольку ресурсов для походной юности не было... Формировался другой круг общения, лишь частью пересекающийся со студенческим кругом, живущий по своим, более понятным и близким мне правилам. Мои научные и околonaучные занятия однокурсниками сначала не замечались, потом воспринимались как чудачество, к пятому курсу стали некой «достопримечательностью» (с моего курса в науку, насколько я знаю, пошел только я). Хорошо помню фразу однокурсника, сказанную кому-то постороннему обо мне: «Он не ботаник, он умный». Синий диплом с двумя «тройками», но рейтингом в первой десятке на курсе хорошо укладывался в эту формулировку, сильно льстившей тогда моему самолюбию.

Окончив университет, Вы начали работать или продолжили обучение в аспирантуре?

К пятому курсу как-то самой собой сложилось твердое представление о том, что после университета я из него не уйду, а буду заниматься наукой. Это не было каким-то единовременным, тщательно обдуманым и взвешенным решением. Просто незаметно перестали восприниматься как устраивающие меня все другие варианты развития событий: милиция или ФСБ (довольно много моих однокурсников оказались в этих структурах), школа, работа не по специальности... Весной 96-го на одном из заседаний лаборатории, где я работал,

всплыла тема моего предстоящего ухода в связи с окончанием университета. Хорошо помню внутреннее мое возмущение – куда это я уйду? Поскольку место в аспирантуре ежегодно выделялось только одно, и под него уже планировался другой человек, возникла проблема конкурса и договоренностей о приеме в аспирантуру (не секрет, что при ограниченном числе мест конкурс часто становился пустой формальностью). Вопрос решился довольно просто – на год меня отправили в «магистратуру». Таковой тогда, разумеется, не было. Под этим названием работали годовые курсы повышения квалификации, куда зачисляли по несколько человек с каждого факультета. Фактически, это был год на подготовку к аспирантуре, набор материала, подготовку и сдачу кандидатских экзаменов по философии и иностранному. Плюс необременительные (хотя местами весьма интересные) занятия по психологии управления, системам организации управления и т.д. Можно сказать, что нам давался базовый набор знаний и практик по управлению школой – весьма полезный, как впоследствии оказалось, багаж. Летом 97-го я получил «советский» диплом о переподготовке, по которому оказался «менеджером в сфере образования». Такое вот несоветское содержание в советской форме. Вопрос о поступлении в аспирантуру был решен, и уже в июле этого года я мог уверенно сказать, что с октября буду аспирантом.

Аспирантура стала временем не только возвращения в «нормальный» мир – отец купил нам тогда дом на окраине Барнаула, но и началом вхождения в преподавательскую среду. Не скажу, что меня туда сильно влекло – работа в архивах, библиотеках и с полевыми материалами доставляли гораздо большее удовольствие. Но реалии аспирантской семьи, рождение дочери возможности для других вариантов заработка почти не давали. Преподавать пришлось довольно много и это стало хорошим тренингом, хотя всерьез учительское ремесло и «педагогику как искусство» я так и не полюбил. Сейчас я, разумеется, преподаю, но поскольку совместитель, то имею возможность преподавать только те курсы, которые мне близки и интересны. Правда, уже на втором году аспирантуры выяснилось, что головой можно зарабатывать не только в аудитории: выигранная муниципальная стипендия, первый соросовский грант... Хотя по нынешним представлениям, эти удачи свалились на меня довольно поздно, но они удачно совпали с моим взрослением и дали понимание, что можно даже занимаясь наукой кормить семью. Даже кризис 98-го был пережит на подъеме именно за счет соросовского счастья: получая чуть меньше двухсот долларов в месяц в дополнение к двойной (основная плюс муниципальная) аспирантской стипендии и половине ставки преподавателя я чувствовал себя если не богатым, то обеспеченным человеком. Это очень пригодились впоследствии, поскольку ориентировало искать заработок не физическим трудом (хотя и он случался

позже), а на работы, так или иначе связанные с тем, что я умею и люблю делать.

Что удалось показать в диссертации? Прошло полтора десятилетия после ее защиты, время подтвердило Ваши выводы? А что пошло не так, как Вы думали, предполагали?

Диссертация была связана с реконструкцией демографических процессов в Алтайском крае, и главной задачей было восстановить их характер и привязать к ключевым событиям в стране. Конечно, многое в той работе сейчас я бы сделал иначе, многое, как теперь понимаю, было довольно поверхностно, куча сюжетов осталась просто не замеченными. Но были, как мне кажется, и важные находки. Одним из самых интересных для меня стал сюжет о послевоенном голоде и его отражением в демографических процессах конца сороковых – эта тема, насколько я представляю, до сих пор остается практически неизученной. Большим открытием для самого себя стал анализ миграционных процессов в связи с освоением целины: неожиданно выяснилось, что долгосрочное влияние этих процессов на численность и структуру населения оказалось заметно меньшим, чем следовало из стереотипной картины послевоенной истории...

Главное, что выяснилось уже по ходу написания, что мне в большей степени интересны современные миграционные процессы, нежели исторические реконструкции. Защита, как казалось тогда, «развязывала руки» в выборе того, чем заниматься в науке. Думаю, тут сыграли роль и масштабный приток мигрантов на Алтай в девяностые (да и мои родители перебрались сюда в это время), со многими мне довелось пересекаться в экспедициях и первые интервью с мигрантами у меня появляются в это время... Это оказалось безумно интересно, поскольку события, которые находились в фокусе разговора, стали буквально живыми, а не реконструируемыми собеседниками или мною, как исследователем. Интересы добавляло и то, что кроме «процессов» и «структур» в исследовании вдруг появились живые люди. Это было и приятным открытием, и проблемой одновременно, поскольку сюжет «конкретной личности», «биографии» воспринимался как что-то мелкое, «нерепрезентативное», «частный случай». Видимо это стало следствием позитивистской парадигмы истории, в которой, преимущественно, шла у нас подготовка учителей истории. Переживание и рациональное осмысление этого «противоречия» затянулось у меня на несколько лет. Пожалуй, только с середины «нулевых», когда мне повезло начать работать с Виктором Иннокентьевичем Дятловым, этот вопрос для меня разрешился.

Но в 2000-2001 у меня была довольно сложная развилка: продолжить историко-демографическую линию, которая оказалась новой и востребованной,

или заняться собственно демографическими исследованиями. Социологические и антропологические сюжеты пока были на периферии, и как серьезное направление я их, наверное, даже не рассматривал. Тогда большую роль для меня сыграли две школы: зимняя по устной истории в Европейском университете в Питере и летняя по демографии в Усть-Каменогорске. Последняя меня увлекла больше, и выбор оказался в пользу современных демографических сюжетов.

Пожалуйста, расскажите немного о Викторе Иннокентьевиче Дятлове, большинству социологов его работы не известны. Складывается представление, что как историк он подошел к исследованиям в парадигматике исторической социологии.

Виктор Иннокентьевич, думаю, очень хорошо известен всем российским исследователям миграционных процессов и диаспор. Историк-арабист по образованию и значительной части научных интересов, он с начала девяностых вместе с небольшим тогда коллективом учеников и коллег начал исследования этномиграционных процессов на востоке России. Одним из первых в России Виктор Иннокентьевич начал дискуссию о содержании термина «диаспора» на страницах одноименного российского журнала, одним из учредителей которого он является. Его усилиями, фактически, сложилась школа изучения взаимодействия трансграничных мигрантов и принимающих сообществ, прежде всего в условиях гетерогенного переселенческого общества Сибири и Дальнего Востока. Под его формальным и неформальным руководством выполнено множество больших межрегиональных проектов по миграционной и диаспоральной проблематике, сложилась и работает, наверное, крупнейшая исследовательская сеть к востоку от Урала, включающая больше сорока коллег – историков, социологов, экономистов, антропологов. Именно в этих проектах мы познакомились с Леонидом Бляхером, Натальей Рыжковой, в ряде проектов принимал участие Владимир Изявич Мукомель, Сергей Алексеевич Панарин, Бхавна Даве, Сергей Рязанцев, Андрей Коробков...

Но и, на мой взгляд, и по мнению коллег (возьму на себя смелость говорить от их имени), пожалуй главное – это удивительные человеческие качества Виктора Иннокентьевича. Его умение создать невероятно душевную и одновременно очень продуктивную систему отношений в исследовательском коллективе. Это особенно сложно в рамках сетевой работы, когда нет постоянного контакта. Но вот уже много лет друзья и коллеги всегда с воодушевлением относятся к любому предложению работать с ним. Мне крайне сложно проговорить все то, что связано с Виктором Иннокентьевичем, «уважаемым и обожаемым» по словам его учениц.

Вы написали портрет очень интересного ученого и человека, более того, обозначили корни целого научного направления. Замечу, интервью с Леонидом Бляхером уже проведено, с Владимиром Мукомелем – успешно идет.

Похоже, Барнаул становился Вам тесен? Вы все же оставались там или думали о смене места работы?

Тесен становился не столько Барнаул, сколько альма-матер – хотелось уйти с очевидной траектории: ассистент, читающий «что дали», затем доцент со «своими» базовыми курсами, а в далекой и не очевидной перспективе – докторская и возможное профессорство. Дело не в длительности процесса, а в его основном содержании и предписанной на годы вперед размерности заданного средой ритма. Хотелось большое заниматься наукой, делать что-то новое – такое плохо оформленное, но чрезвычайно мощное желание. Вместе с тем, возникло и более точное понимание неких неперенных для меня условий: категорически не хотелось «под погон». За пару недель до защиты кандидатской мне предложили место заместителя начальника научной части в недавно созданном в Барнауле юридическом институте МВД. При всей близости этой должности к интересующему меня роду занятий и заманчивому в провинции статусу офицера милиции («сразу дадут лейтенанта, диплом из ВАКа придет – «старшего», а там лет через 5 до майора дорастешь»), отказался я от этого предложения без особо тяжелых раздумий. Для меня всегда было важно иметь возможность жестко не согласиться с начальством, а «погоны» таковую исключают чуть больше, чем совсем...

Спустя пару лет мне предложили перейти в Алтайский госуниверситет, обещая минимальную преподавательскую нагрузку и широкие возможности для занятий наукой. Я согласился практически не раздумывая, но долго сотрудничества не получилось по разным причинам.

В 2001 году мне повезло попасть на летнюю школу, которую проводил в Усть-Каменогорске HESP. Три безумно интересные недели, масса знакомств и увлечений привели к тому, что я стал быстро вливаться в работу молодых казахстанских ученых и преподавателей, работавших в сфере социально-демографических исследований. Эта деятельность активно поддерживалась известным чешским демографом Томашем Кучерой в партнерстве с моим хорошим другом и замечательным ученым-демографом Сашей Алексеенко. Несколько раз бывал в казахстанских городах как участник конференций, семинаров и у меня невольно складывалась образ продвинутой страны, где университетские и научные сообщества быстро развиваются по европейской модели. Справедливости ради скажу, что такой образ складывался не только у меня.

Летом 2003-го я уволился из Алтайского госуниверситета и уехал в Караганду. Лето прошло в увлекательных хлопотах, связанных еще и с участием в

новой HESP'овской школе по миграции, которую проводила в Смоленске Ирина Молодикова. Именно там я познакомился с Владимиром Изявичем Мукомелем, Галиной Сигизмундовной Витковской, еще несколькими замечательными людьми. А ближе к сентябрю начались типичные эмигрантские хлопоты: мой российский диплом кандидата был никому не интересен, меня даже официально не принимали на работу, хотя лекции я уже полным ходом читал. Только после прямого вмешательства ректора меня, наконец, оформили на работу в должности не остепененного старшего преподавателя. Кандидатский диплом удалось ностарифицировать только через полгода и лишь при неофициальной поддержке завкафедрой, симпатизировавшей мне. У нее была подруга в казахстанском ВАКе, которой то ли с третьей, то ли с четвертой попытки удалось завершить эту вполне абсурдную процедуру. Процесс этот оставил ощущение бытового сюрса: диплом не подтверждали, поскольку процедура защиты в России в 2000 году не соответствовала действовавшей в Казахстане в 2003 году. Содержание работы не интересовало никого, а вот оформление реферата стало камнем преткновения. Пришлось «переиздать» автореферат, включив в него резюме на английском и казахском. До сих пор не знаю точно, что было написано в резюме на казахском...

Вхождение в коллектив кафедры всемирной истории и международных отношений было связано с несколькими составляющими культурного шока. Прежде всего, языковой: кафедра, как и большинство в казахстанских вузах, была двуязычной, и при обсуждении какого-либо вопроса часть коллег могла внезапно перейти на казахский. Оставшаяся часть присутствующих оказывалась изолированной, включая заведующую кафедрой... Это был острейшим шоком, поскольку по тональности разговора, жестам, взглядам часто было видно, что речь идет, в том числе и о вопросах, касающихся тебя. Стимулом, однако, для изучения языка это не становилось, поскольку и профессиональное, и бытовое общение шло на русском.

Большинство коллег, либо уже много лет работали на кафедре, либо были выпускниками КарГУ – коллектив был давно и прочно знакомый, многопоколенный. Моя «чужеродность», однако, была не только проблемой, но и важным ресурсом: меня никто не знал как студента или аспиранта, и в коллектив я пришел вполне взрослым человеком, с какой-никакой репутацией. Это избавляло, с одной стороны, от отношения в стиле «мой мальчик», с которым часто сталкиваются выросшие и работающие на «своем факультете», а с другой – от дополнительной работы, которую время от времени «в порядке шефской помощи молодому преподавателю» свешивали на молодых ребят старшие коллеги...

Знакомство с «научной сферой» факультета было для меня несколько неожиданным: ближе к новому году попросили сдать отчет о публикациях за прошедший год. Как просили, принес перечень своих 8 или 9 публикаций, вышедших за тот год, и получил уточнение: нужно только за один год, а не все ваши публикации. После того, как «недопонимание» разъяснилось, кафедра стала лидером «по науке» на факультете. Казалось бы, должно работать только в плюс. Но позже друзья мне шутливо пояснили, что это «неприлично»: нужно было спросить, сколько нужно, есть же еще и аксакалы. Доля шутки в этой шутке, конечно, была...

Тем не менее, участие в нескольких научных проектах и пусть шапочное, но знакомство с известными авторами, дало инструмент для закрепления своих позиций. Приходилось осваивать правила игры и волей-неволей включаться в нее: упомянутые в разговоре несколько имен позволяли успешно выпадать из локальной иерархии, позволять себе безнаказанно нарушать неофициальный дресс-код и правила поведения, курить в туалете и совершать прочие «мелкие пакости». Иногда делал это не только по внутренней убежденности, но и по велению шила в известном месте. Всегда читал лекции и вел семинары в свободной манере, не считая неприличным присесть верхом на парту или делать лирические отступления в рамках предмета... Однажды меня застал в таком виде один из факультетских начальников: я что-то рассказывал студентам, сидя верхом на парте, и по привычке был одет в джинсы и свитер. Вызвав коридор, он укорил меня, апеллируя к статусу «Вы же доцент!». Ответил я ему в классическом стиле – «И что?» и не получив ответа вернулся к студентам.

Вообще приоритет внешнего при зачастую совершенно пустом содержании был, как мне показалось, одной из ярких черт тогдашнего казахстанского вуза. Дресс-код, подчеркну – совершенно неофициальный – очень сильно меня тогда резанул. Для молодежи деловой костюм был буквально «строевым мундиром»: символом одновременно и принадлежности к цеху, и успеха, и потенциала... Молодые ребята, принятые ассистентами после магистратуры, первым делом покупали костюм, нередко стоимостью в несколько своих зарплат... Галстук и пиджак считались неременными атрибутами «серьезного» преподавателя, безотносительно содержания его занятий. Примат внешнего, стиль «важно казаться, а не обязательно быть» остался для меня одной из главных примет того времени и места... Разумеется, это не означает, что среди моих казахстанских коллег не было серьезных преподавателей и исследователей. Но самые интересные из них постоянно выбывали: кто – в более перспективные казахстанские университеты, кто в Россию. Хотя несколько моих знакомых, к которым я

отношусь с большим уважением, до сих пор, насколько я знаю, работают в КарГУ.

Другое впечатление от работы в карагандинском универе – это ощущение участия в постановке провинциального театра абсурда. Стремительно меняющиеся не только планы и стандарты, но и системы работы со студентами. Начав работать осенью 2003-го, я сразу столкнулся с совершенно абсурдной системой организации учебного процесса, которую метко называли «9 с половиной недель» с отсылкой к тематике широко известного фильма. Учебный год делился не на семестры, а на четыре блока длиной те самые пресловутые 9,5 недель. В каждом блоке полагалось строго определенное количество часов лекционных и практических занятий, экзаменов и зачетов. Учебные курсы разбивались как бог на душу положит в центральном аппарате университета, где содержанием предмета не сильно озадачивались. Наиболее абсурдный пример такой разбивки, с которым я столкнулся, предполагал проведение в первом (сентябрь-октябрь) блоке всех семинаров, во втором (до нового года) аудиторных часов не было, но стоял экзамен по этому курсу, в третьем блоке предполагался зачет по курсу, ну а в четвертом оставалось время для лекций. Вместе с завкафедрой приходилось придумывать такие замысловатые схемы решения этих головоломок, что куда там Великому комбинатору... Все это украшалось сверху, как торт кремовой розочкой, невероятным количеством отчетной документации. Как преподаватель, я должен был вести три(!) журнала текущей(!) отчетности, в которые заносить подробную информацию о каждом занятии. Разумеется, большинство коллег (и я в их числе) не делало этого регулярно – это было и невозможно. В результате непременно атрибутом завершения каждого блока становилось общекафедральное действо – «заполнение журналов»: надо было видеть преподавателей, обложившихся календарями, собственными конспектами, калькуляторами (количество часов должно было сходиться по вертикали, горизонтали и кажется даже по каким-то еще кривым). А поскольку нередко занятия приходилось переносить (из-за блочной системы – нельзя же принять экзамен, не прочитав ни одной лекции), заполнение журналов априорно становилось нарушением трудовой дисциплины... Сейчас, когда у нас в вузах стремительно растет система отчетности, у меня все более крепнет уверенность, что мы идем по неверному пути Паниковского. А статьи об эффектах гиперрегулирования и в том числе и в системе образования Леонида Бляхера, Эллы Панеях, других авторов все более укрепляют в этой мысли...

При всей бешеной аудиторной нагрузке (по количеству «горловых» часов казахстанские вузы уже тогда сильно опережали российские) и невообразимо длинном перечне читаемых курсов (они менялись едва ли не ежегодно) это был

интересный, полезный и местами приятный опыт. До сих пор помню, как меня раздражало, когда узнал, что заочники, пропуская две предыдущие пары других преподавателей, специально приезжали ко мне, потому как «интересно». Пожалуй, только там впервые я почувствовал некий отклик на свои преподавательские усилия и научился получать от этого какое-то удовольствие.

В Казахстане не очень много удавалось писать, но несколько интересных сюжетов все же, как мне кажется, получились. Одной из острых тем была проблема миграционного потенциала русскоязычного населения, системы его мотивов к отъезду и условий реализации этого потенциала. Было очень интересно смотреть, как меняется восприятие России, Союза, возможности эмиграции и адаптации в Казахстане в разных поколениях. В этом смысле очень показательным для меня стало исследование путей и инструментов рекрутинга абитуриентов из Казахстана в российские вузы: в центре внимания оказалось поколение, социализировавшееся уже вне союзного контекста, ориентирующееся на новые ценности и жизненные стратегии. Кстати, наверное, здесь я впервые в полной мере почувствовал возможности инструментов качественного исследования – в серии интервью «всплыли» ответы на множество вопросов, «не поднимавшихся» в массовых опросах.

Работая в Казахстане, я в первый, и очень надеюсь, в последний раз, столкнулся с отголоском советской традиции цитирования «классиков марксизма-ленинизма». Только место «великой троицы» и решений очередного съезда КПСС заняли цитаты президента страны... Не то, чтобы это было обязательным... но публикация без такой ссылки была несколько не комильфо, на что мне несколько раз ненавязчиво указывали. Сейчас не слежу за публикациями, выходящими в Казахстане (только очень выборочно, по именам), но еще 7-8 лет назад это было нормой.

Важнейшим для меня опытом, почерпнутым в Казахстане, стала работа с алмаатинским бюро УВКБ ООН. Дело затевалось на интересе содержательном и прагматическом: с одной стороны, было увлекательно поработать в новой сфере, связанной с видами миграции, которые, как правило, оставались в стороне от моих интересов, с другой – банальный поиск дополнительных ресурсов. Написал письмо на официальный адрес, попросил помочь в разработке спецкурса по проблемам беженцев. На мое письмо очень быстро откликнулись, прислали огромную бандероль с книгами, журналами, разного рода материалами и пригласили на учебный семинар. Довольно быстро созрела идея учебно-методического центра для партнеров казахстанского бюро УВКБ: образовательная и издательская деятельность. В течение двух лет проводили учебные семинары, издали учебное пособие по правовому статусу беженцев, несколько сборников документов, издавали бюллетень... Работа и сама по себе очень ин-

тересная, но еще и давала возможность встреч с самыми разными людьми: переселенцами из Чечни (после второй войны их очень много оказалось в Казахстане), таджикским и афганскими беженцами, уйгурами... Правда, после отъезда из Казахстана мои связи с УВКБ довольно быстро потерялись, а тематика ушла.

Вы сказали об отъезде из Казахстана, когда это произошло и куда Вы отправились?

В самом начале декабря 2006-го я переехал в Иркутск – новый для меня город, где я к тому времени знал всего несколько человек. Попытка устроиться в университет на переформатировавшуюся тогда кафедру современной отечественной истории не увенчалась успехом: доцент со стороны был менее привлекателен, чем вчерашние аспиранты, но свои. Расстраивался, конечно, серьезно: репатриация оказалась немногим проще эмиграции. Но все к лучшему, ближе к новому году меня согласились взять на работу в мэрию Иркутска на должность начальника отдела стратегического планирования в только что созданное управление стратегического планирования и инновационной деятельности. Надо сказать, мне снова повезло: управление это создавалось по инициативе вице-мера Игоря Вячеславовича Бычкова, ненадолго тогда пришедшего в мэрию из Института динамики систем и теории управления СО РАН. Доктор физмат наук, член-корр, сейчас он возглавляет Иркутский научный центр и все тот же Институт. Насколько я понимаю, созданное управление было попыткой как-то систематизировать, привести в понятную логику работу администрации города, жившую тогда своей особой логикой, не всегда доступной человеку не из бюрократической среды.

Перед управлением (а в нем поначалу нас работало всего два человека – начальник управления Николай Потороченко и я) было поставлено три основные задачи. Прежде всего, координирование работы по подготовке программ развития города на ближайшие 5 лет (до 2012 года). Энтузиазм, с которым я поначалу взялся за работу, быстро проходил: подходы, порядок работы, отношение к ней совершенно не совпадали с привычными мне. Одна только посылка «надо написать текст, а цели и задачи выработаются позднее» сформулированная представителем генерального подрядчика, стала для меня немаленьким потрясением. Нет, я знал такой подход в студенческих курсовых, но чтоб вот так определять программный документ немаленького города... Нам тогда удалось включить в программу несколько ключевых для развития города проблем, ранее вообще не попадавших в поле зрения городских властей: характер миграции, перспективы изменения структуры населения. Не знаю, насколько это помогло развитию города, но причастность к усилиям сделать его лучше греет до сих пор.

Другой задачей, которую мы пытались решать, была координация муниципальных программ. Знаете, именно тогда я убедился, что анекдоты рождаются не на пустом месте, а то и сами формируют действительность. «Мэрские» ведомства – комитеты – жили в параллельных реальностях: планы одного никак не стыковались с другим. После первого анализа мой начальник делал доклад на ВАКе (высшей административной комиссии – своего рода надстройка над всеми структурами администрации) и зачитывал список улиц города, по которым предполагалось положить асфальт, а через год – водопровод. Говорят, тогдашний мэр орал так, что было слышно двумя этажами ниже. Самое забавное и грустное было в том, что обе программы были взаимно согласованы профильными комитетами. Таких примеров было довольно много, даже удивительно, как Иркутск при таком подходе довольно спокойно пережил 90-е – в городе не было ни веерных отключений, ни серьезных коммунальных аварий. Но попытки выстроить систему согласований и координации успешно провалились: по наивности и неопытности в административных играх мы предложили логичную, как нам казалось, схему. Все профильные программы передавать нашему управлению для согласования с уже действующими и перспективными планами. И никак не могли понять, почему практически все структуры мэрии принимали это предложение в штыки. Мысль о том, что нас воспринимают, как конкурентов пришла сильно не сразу...

Самой масштабной, наверное, задачей была разработка программы празднования 350-летия Иркутска. Дело было, конечно, не в празднике, а работавшей тогда схеме получения прямого федерального финансирования на развитие города. Самым сложным было разобрать и как-то систематизировать идеи депутатов городской думы, представляющие собой тогда пару пачек бумаги, высотой около полуметра каждая. Взявшись их разбирать, я погрузился в красочный и пугающий своим буйством мир депутатских фантазий. Чего там только не было! Одна идея строительства сети «обзорных вышек, соединенных между собой фуникулерами», для того чтобы «иркутяне и гости города обзревали Иркутск с высоты птичьего полета»... Как мы только не комментировали возможность полюбоваться на город из замерзшей напроць гондолы фуникулера при скромных для Иркутска минус 25 градусах... А строительство зоопарка с «экзотическими африканскими животными»! Были, конечно, и здравые идеи, многие из которых в последние 2-3 года реализуются уже совсем другим составом иркутской администрации. Но больше двух месяцев я то плакал, то смеялся... К лету седьмого года программа была готова, сверстаны годовые планы, предложения о бюджете программы, но все закончилось ничем: конфликт между мэром и губернатором застопорил продвижение программы в Москву. К идее

юбилея вернулись лишь пару лет спустя, когда и времени, и ресурсов оказалось заметно меньше, чем могло бы быть.

Вообще, взаимодействие с «депутатским корпусом» было отдельной и крайне невеселой песней. Отношение администрации и думы априорно выстраивались обеими сторонами как затяжная позиционная война, раскрашивавшаяся время от времени показательными стычками. Иного смысла, кроме демонстрации деятельности, большинство таких стычек не имели. Самым сложным для меня было выстраивание диалога с депутатами, упрекавшими администрацию города в выполнении решений, которые они же сами и принимали не далее как несколько месяцев назад.

Работать в администрации становилось все сложнее психологически. При вполне нормальных человеческих отношениях с коллегами крайне угнетала бессмысленность выполняемой работы. Привычка «подбивать бабки» за неделю или месяц показывала, что несмотря на реально высокую нагрузку и постоянную занятость сухой остаток деятельности был мало заметен... Не скажу, однако, что год работы в роли «муниципального служащего» был совсем бесполезен. За несколько месяцев пришло понимание процессуальности работы администрации – должен идти процесс, *show must go on*, а его результат – дело даже не третьестепенное. С этой позиции бюрократическая логика – единственно верная: на любую бумагу главное дать ответ в «установленный» срок почти безотносительно содержания. Главное – держать мяч в воздухе... Полезный опыт оказался – сейчас понимание этой процессуальной логики и навыки письма на канцелярите до сих пор часто помогают при «письменном» общении с разного рода административными инстанциями.

Отработав год в мэрии, я вместе с Николаем Потороченко перешел работать Фонд регионального развития Иркутской области. Такие внебюрократические структуры тогда, кажется, возникали во многих регионах, и позволяли губернаторам решать вопросы не разрешимые в рамках правительства. Здесь разрабатывались планы развития проблемных территорий области, с привлечением серьезных экспертов готовилась концепция развития Иркутской агломерации (часть работ делал Центр стратегических разработок «Северо-Запад» Княгинина, Центр стратегических исследований ПФО Сергея Градиrowsкого, привлекались серьезные демографы и географы Никита Мкртчян и Сергей Артоболевский и многие другие). Главное, что здесь нашел для себя – это попытка увидеть реальность и проектировать развитие на ее основе. Интересное было время и работа, но подкравшийся летом 2008-го мировой экономический и региональный политический кризисы привели к постепенному сворачиванию работы Фонда. Помимо знакомств с интереснейшими людьми, здесь начало формироваться представление о жизни власти в двух реальностях: су-

ществующей в отчетах и складывающейся на самом деле. Было и трудно, и интересно наблюдать, как серьезные люди во властных структурах пытались разрешить это вполне шизофреническое сочетание объективных процессов и соцреализма в ждановской его трактовке (писать не о том, что есть, а о том, как должно быть). Как постепенно нарастает это разрыв и исчезает само понимание его наличия. Признаком последнего стал постепенное исчезновение заказа на объективную информацию. Если еще в 2008 году просили написать «как надо» и отдельно «как на самом деле», то уже спустя пару лет второй вариант был почти не востребован.

Для меня, однако, кризис прошел мягко и почти незаметно: в мае 2008 года меня пригласили работать административным директором в Межрегиональный институт общественных наук (МИОН) при Иркутском университете. Это был проект ИНО-Центра, финансирующийся на паях Минобрнауки, Фондом Мак-Артуров, Институтом Вильсона и еще несколькими организациям. Подобных институций было создано девять – от Калининграда до Владивостока, призванных развивать социально-гуманитарные исследования и образование. Тематикой Иркутского МИОНа стала Сибирь и ее место в России и мире. К моменту моего прихода в МИОН его работа шла уже больше пяти лет, сформировалась несколько направлений. Постепенно центр активности сместился в сферу миграционных и диаспоральных процессов, было выиграно несколько больших грантов от Министерства, удалось провести целый ряд больших межрегиональных проектов, о которых я чуть раньше говорил. Это был один из самых полезных для меня периодов – была масса времени (администрирование проектов МИОНа не предполагало включения в университетскую иерархию с вытекавшими из нее обременительными обязанностями), быстро расширялись контакты, интересы, было ощущение важного внутреннего роста.

Два года назад мне предложили работу в университетской администрации – заведование научно-исследовательской частью. Так что теперь я в составе той самой «вузовской бюрократии», которую так жестко и нередко справедливо клянут коллеги по университету. Но и тут есть другая сторона медали. Если коллеги-преподаватели зачастую обвиняют «университетских чинуш» в увеличении вала ненужных бумаг, видят их как еще одного паразита на теле общества, то я часто ощущаю себя буквально на баррикадах, ограждающих университет от атак из-вне: со стороны министерства, регионального правительства, массы контролирующих органов всех мастей. Пытались подсчитать с коллегой количество только ключевых «мониторингов» и «информаций», которые подает университет в течение года – перевалило за сотню. Масса распоряжений и рекомендаций, прямо или косвенно подталкивающих университет к невыгод-

ным ему решениям, нередко противоречивые указания дают ощущение неуправляемого процесса, машины пошедшей вразнос...

В этой ситуации наука остается отдушиной и формой эскапизма, который в том или ином виде был мне нужен всегда. Это, конечно, не в полной мере бегство от реальности, скорее возможность отключиться от текучки, попытаться мыслить, а не думать над очередным запросом из министерства. Заниматься наукой в таком режиме, наверное, не самый продуктивный вариант, но счастье, что такая возможность есть.

Можно допустить, что Ваш интерес к миграционным процессам постепенно трансформировался в исследовательскую программу, реализация которой позволила Вам подготовить докторскую диссертацию, которую Вы успешно защитили в октябре этого года. Если это так, пожалуйста, расскажите обо всем поподробнее.

Да, так и получилось. Около шести лет назад я проводил анализ миграционных процессов в пригородном районе Иркутска. Специального интереса именно к пригороду тогда не было – просто небольшой заказ от районной администрации на определение специфики развития мелких муниципальных образований. Помимо анализа статистики там предполагалась серия интервью с работниками муниципальных администраций о развитии поселений. Пользуясь случаем, я добавил в гайд несколько пунктов о присутствии иностранных мигрантов. И вдруг выявились совершенно неожиданные вещи: привычная картинка мигрантов как исключенной, даже стигматизируемой группы не складывалась. Напротив, мигранты (как из постсоветской Центральной Азии, так и из Китая) выглядели хорошо интегрированными, довольно тесно включенными в жизнь локальных сообществ. Выявились устойчивые практики неформального найма мигрантов администрациями, и наоборот – найма местных жителей на работу к мигрантам. Последние случаи оказались довольно широко распространенными в пригородных поселениях, сложились устойчивые речевые обороты, не только фиксирующие такие практики, но маркирующие статус нанимающихся... Словом, оказалось, что отношения мигрантов и принимающих сообществ в пригороде серьезно отличаются от устоявшихся взглядов, описываемых в основном на «городском» материале.

Попытка понять, из чего и почему складываются эти особенности, привела к неожиданному открытию: оказалось, что при формальном отсутствии пригорода у Иркутска (как и у других российских городов), на границе города и сельского района стремительно разрастается очень интересное пространство – не сельское и не городское. В первых же интервью, которые я попытался взять у жителей пригородных поселков, всплыли интереснейшие определения своего места жительства: «ни к селу, ни к городу», «село городского типа», «не город-

ской «спальник» города». Да и визуально пригородные поселки заметно выбивались из привычной «колхозной пасторали», не повторяя при этом ни «частного сектора» городских районов, ни краснокирпичных коттеджных поселков «новорусского периода». Главным ресурсом их роста оказались вовсе не мигранты из сельских районов, а горожане, перебирающиеся сюда на постоянное место жительства. Это совершенно не вписывалось в образ пригорода, как «аэродрома подскока» для сельских жителей, стремящихся в крупный город. Невольно стали всплывать образы «страны пригородов», которые на первый взгляд плохо совмещались с сибирскими реалиями.

Закономерно появилось желание понять, что же это такое – современный пригород? Феномен это Иркутска или более масштабное явление? Как возникают и чем живут пригородные сообщества? Постепенно стала складываться картина особого социального пространства, находящегося «в тени»: отсутствующего де-юре, формирующегося и функционирующего, преимущественно, на основе неформальных практик (экономических, властных), и, как правило, невидимого для государства. Интервью с «муниципалами», сопоставление полевых наблюдений и статистики сложились в картину двойной реальности у властных структур («по отчетности» и «по факту»)… «Другая реальность» обнаружилась и при попытке анализа пригородной тематики в местном медийном пространстве: хотя пригород стал привычной повседневностью иркутян, в региональных изданиях пригорода, фактически, не было.

Мне показалось, что за частным случаем, который я наблюдаю в Иркутске, присутствует масса интересных процессов и проблем. Затем, наверное, как в любом исследовании: чем дальше, тем больше вопросов, новых поворотов. Да и само противоречие, когда существующее по факту явление формально полностью отсутствует, оказалось весьма интригующим. Встреченные же в публикациях маститых географов и урбанистов утверждения, что предпосылок, почвы для развития субурбанизации в России пока нет, еще более подогрели мой интерес.

Удачно сложились и возможности для «поля»: в администрации пригородного района оказались хорошие знакомые, с которыми мне довелось работать раньше. Это позволило войти в «поле» не только на земле, но и «сверху»: получилось выстроить целую серию интервью с одними и теми же людьми «во власти» на протяжении нескольких лет. Такой лонгитюд оказался и полезен, и увлекателен – крайне интересно наблюдать, как меняется представление управленцев об объекте управления, как рефлексиируют по поводу необходимости втискивать реальную картину в прокрустово ложе «форм», «справок», «информаций», буквально конструировать иную реальность. Вообще то, что формирование пригорода – динамично развивающийся процесс, на мой вкус, добавляет

интереса, вносит какую-то важную интригу, дает ощущение очевидца событий. Это очень добавляет драйва, без которого я плохо представляю науку.

Так, проблематика обозначилась. К каким теоретическим выводам Вы пришли относительно форм, многообразия пригородных зон Сибири? Есть ли специфика рассмотренного Вами процесса в Европейском и Дальневосточном регионах? Каково будущее пригородных зон? Можно ли и как этим процессом управлять?

Честно говоря, я не пытаюсь построить всеохватной типологии пригородов. И мне крайне сложно сравнивать пригороды восточной и европейской части страны – круг публикаций по пригородной тематике у нас пока невелик, а возможности для «поля» серьезно ограничены. Потому пока я ограничился пригородами сибирскими, сравнивая формирующиеся за счет сельско-городской миграции (яркий пример – пригороды Улан-Удэ, центра Бурятии), дачные пригороды советского времени и пригороды, формирующиеся за счет субурбанизационной миграции.

Я попытался сосредоточиться на новой модели пригорода, связанной с движением горожан за пределы города. Мне представляется продуктивным взглянуть на формирующиеся на основе такого движения пригороды как на сообщества транслокальные, складывающиеся и живущие за счет эксплуатации границы между городом и сельском как главного ресурса. Ресурс этот, как мне кажется, чрезвычайно масштабен и многообразен, и далеко не исчерпывается разницей тарифов, уровнем цен и доходов. Едва ли не более важным, чем эти различия, становится включение во взаимодействие с локальной (номинально – сельской) властью «городских» социальных сетей, использование в построении пригородной системы отношений «городских» статусов. Значительная часть локальных бизнес-схем строится на основе городского опыта, сформированных ранее практик, связей, отношений. Вместе с тем, это и не простое расширение города: пригород вписывается в систему социальной организации, номинированной и структурой административно-территориального деления, и системой управления, и организацией физического пространства. В результате, формируется пространство, тесно связанное как с городом, так и сельским пространством, но не тождественно ни одному из них.

Маргинальность этого транслокального пространства, однако, не означает его временность, не предполагает абсорбацию пригорода городом в обозримой перспективе. Напротив, мне кажется, что существующая в России жесткая система структурирования регионального пространства, в том числе и через организацию властного поля, обеспечивает сохранение ресурса для развития подобных пригородных сообществ. Мне представляется, что развитие подобного типа пригородов может в значительной мере компенсировать бедность россий-

ской урбанизированной среды, стать в какой-то мере альтернативой малым городам, заполнить лакуну в поселенческой структуре.

Но здесь важно еще одно обстоятельство: подобный пригород и его сообщество возникает и динамично развиваются в условиях, когда государство «не видит» их. Пока новый феномен вписывается властью в устоявшийся и номинированный образ, без учета объективных процессов, две «карты» пространства – сложившаяся «благими намерениями государства», и формирующаяся реально, «снизу» успешно сосуществуют. Не случайно в большинстве сфер повседневности пригорода преобладают неформальные практики. Попытка «увидеть» пригород, так или иначе выделив его из дихотомии город-село, приведет, как мне кажется, к исчезновению главного ресурса существования пригорода.

С этим связаны, на мой взгляд, возможности и ограничения управления этим процессом. Эффективными могут быть только косвенные меры, а более привычное российском властному менеджменту прямое вмешательство будет мало эффективным...

Как бы Вы могли описать людей, заселяющих пригороды? Что это за социальная общность, из кого она формируется? Как там вырабатываются правила, механизмы самоуправления?

Люди, заселяющие пригороды, наверное, самая интересная для меня тема. Во-первых, это очень неоднородная группа. Если в Штатах, например, пригороды долгое время (особенно в период формирования) были в значительной мере социально однородны, то в нашем случае переселенцы в пригород – очень разнообразны. Здесь и бизнес (мелкий и средний), и преуспевающие представители «свободных профессий», интеллигенция, квалифицированные рабочие и т.д. Поскольку построить дом в пригороде зачастую оказывается заметно дешевле, чем купить квартиру в городе, в пригородные поселения перебираются и семьи с относительно небольшими доходами, даже неполные семьи... В результате складывается своеобразная группа жителей пригородов («пригорожан»), аналога которой в современной России, как мне кажется, найти довольно сложно. Высоко гетерогенная, она довольно быстро консолидируется, формирует представление о себе как о «горожанах, сбежавших из города», обособляя себя как от города, так и сельского «мира». Интересно складывается и система отношений внутри этой группы и на ее границах. С одной стороны, в противовес традиционным для сельской местности неформальным кланово-родственными отношениями, взаимодействие заметно формализуется: в повседневность входят практики официальных запросов к властным структурам, «подключение» разного рода контролирующих инстанций для «решения» тех или иных проблем. С другой стороны, привычные для горожан дистанции здесь стремительно сокращаются. Переселенцы из города открывают для себя сосе-

дей – не в качестве малознакомых «вредителей из-за стенки», но как членов одного сообщества. Мне представляется важным и достаточная открытость таких сообществ: в них достаточно легко инкорпорируются представители новых групп и сообществ, те же трансграничные мигранты, например. Быстро актуализируются и развиваются сетевые отношения, включающие помимо собственно «пригорожан» жителей города и прилегающих к пригороду «традиционных» сельских поселений.

Особенно динамично это процесс идет в небольших пригородных поселках, где производство такого соседства рефлексивируется самими его участниками: с этой целью создаются специальные общественные пространства (например, пруд с зоной отдыха, куда могут попасть только жители поселка), организуются совместные работы и праздники. Это в прямом смысле конструирование сообщества, причем это очень динамичный процесс, который можно отследить в начальных этапах до каких-то результатов на протяжении нескольких лет. Здесь очень рельефно проявляется формирование «альтернативной власти», представляющей собой, как мне кажется, подлинное местное самоуправление. Будучи формально включено в вертикаль муниципальных администраций, фактически такое сообщество действует через неформальных лидеров, не обладающих зачастую формализованными статусами.

Дать обобщенный портрет жителей пригородов поэтому довольно сложно. Но, как мне кажется, их общей характеристикой может быть несколько не социологический термин – «человек фронта». Такое описание, на мой взгляд, очень емко характеризует специфику отношений, складывающихся здесь, включая ориентацию на неформальные практики, открытость, предприимчивость и многое другое. Конечно, применительно к современной России термин «фронт» звучит несколько непривычно, тем более для социолога, но в американской традиции исследований субурбии, насколько я понимаю, он вполне принят... Да и других направлениях социологических исследований он появляется все чаще – взгляд Сильвии Сассен на мегаполис как фронт, например.

Вы родились в 1973 году, менее месяца назад защитили докторскую диссертацию по социологии, т.е. многое сделано. А какими Вам видятся Ваши ближайшие годы? Есть ли желание сменить тематику исследований, хотелось бы провести несколько лет в европейских или американских университетах?

Не могу сказать, что у меня есть точный план на будущее. Скорее оно определяется сложившимися и новыми научными интересами, выстраиваемым партнерством с коллегами. Безусловно, пригород останется одним из центральных сюжетов для меня. Сейчас, например, начинаю очередной такт работ, связанный с повседневностью пригорода. Есть задумки по более глубо-

кому анализу неформальной пригородной экономики. Одновременно приходят новые темы, связанные с миграционной тематикой. Вместе с Виктором Иннокентьевичем Дятловым и несколькими коллегами летом – осенью этого года сделали пока небольшой проект по изучению механизмов этнизации городского пространства, прежде всего, через «этнические» рынки. Подготовили по его результатам специальный номер университетского журнала, который должен выйти из печати к новому году. И, думается, у этого проекта будет продолжение. Есть масса интересных сюжетов по социологии Иркутска, прежде всего, о развитии сообщества городского района, сложившегося как поселок при авиазаводе, своего рода – город в городе, постепенно открывающийся городу и миру...

Очень много спонтанных тем, которые рождаются случайно, внепланово. Осенью так внезапно родилась совместная статья с Леонидом Бляхером о границе и ее приходе в сообщества, живущие далеко от рубежей страны. Множество полу-авантюрных идей и проектов рождаются в кулуарах конференций и семинаров, а, как известно, часто самые авантюрные идеи дают самые интересные результаты. Вообще, чем дальше, тем больше захватывает дух такого доброкачественного авантюризма, который не понятно куда вынесет.

Несколько лет в зарубежных университетах – это, конечно, очень заманчиво. Конечно, хотелось бы. Возможности таких стажировок как-то прошли мимо меня в девяностые – начале нулевых. Но несколько поездок в Карлов университет в Праге, Центрально-Европейский университет, к коллегам в Японию дали вкус к таким визитам, да и с практической точки зрения – это был хороший толчок в работе. Хотя, честно говоря, специально этим вопросом я пока не озадачивался – последний год-полтора было не до масштабных планов на будущее.

Да, это понятно. А не могли бы Вы кратко описать Иркутскую социологическую жизнь? Есть ли в городе другие социологические кафедры? Есть ли кандидатские, докторский Совет? Какие возможности с публикациями? К каким городам региона Вы тяготеете?

Социологическая жизнь в Иркутске, конечно, есть, но она очень разная и разрозненная. На мой взгляд, более или менее консолидированного сообщества, даже просто «тусовки», не сложилось. Есть скорее несколько более или менее локальных социологических сообществ, выстраивающих свои профессиональные связи с другими городами и странами самостоятельно. Наверное, старейшей социологической структурой города является кафедра социологии и социальной работы Байкальского университета экономики и права (бывший институт народного хозяйства). Здесь еще, если не ошибаюсь, во второй половине 60-х – начале 70-х была создана социологическая лаборатория, на базе которой

проводились первые исследования «рабочих кадров». Где-то на рубеже 80-90 появляется и кафедра, аспирантура. Основной тематикой здесь остается рынок труда, потому исследования проводятся преимущественно эконом-социологические с явным преобладанием экономики. В моем университете работает институт социальных наук, появившийся в середине девяностых. Здесь самые интересные работы, как мне кажется, делает Олег Кармадонов и его ученики по проблемам социологии символа, социокультурной солидарности... Есть кафедра социологии и социальной работы в технического университета, но с ее коллективом я почти не знаком.

Пожалуй, самые интересные персоналии и организации, работающие в социологической сфере, в Иркутске сложились вне вузов и академических центров. Одним из первых появился Исследовательский центр «Внутренняя Азия», созданный Виктором Иннокентьевичем Дятловым, в начале двухтысячных. Центр занимался региональными исследованиями в сфере этнокультурных и этномиграционных процессов, делал большие проекты при поддержке Фонда Форда в Сибири, Казахстане, Киргизии, Монголии. Сейчас Центр, фактически, перешел в университет.

Из проектов Дятлова того же времени выросла еще одна, успешно работающая до сих пор, организация – Центр независимых социологических исследований и образования. В 2000-2002 под руководством Виктора Иннокентьевича в ИГУ выполнялся грант Форда «Этнополитическая ситуация в Восточной Сибири: мониторинг и анализ». Из одного из направлений этого проекта и коллектива, работавшего над ним, в 2002 г. появляется названный центр, которым руководит Михаил Рожанский. Насколько я знаю, ЦНСИО тесно связан с Центром Виктора Воронкова, поддерживает тесные связи с французскими социологами, демографами, историками, массой коллег из других регионов и стран. За последние 5-7 лет они провели много интересных работ, сделали несколько очень интересных книг по проблемам малых моногородов, современным университетским сообществам. В последние несколько лет очень интересным направлением стали работы Рожанского и его коллег в сфере исторической памяти. Но, наверное, самая большая работа Михаила Яковлевича – это неформальное социологическое образование. ЦНСИО постоянно делает самые разные образовательные проекты: от летних школ до «воскресного лектория», проходящего по субботам. Я бы сказал, что если университетские центры серьезно дистанцированы друг от друга, то ЦНСИО – едва ли не единственная площадка, где встречаются коллеги из самых разных структур. Нельзя, конечно, сказать, что все работающие в социологической и «около социологической» сфере, связаны с ЦНСИО. Но его важнейшая роль в социологической в широком смысле жизни региона несомненна.

Возвращаясь к формальной стороне дела: аспирантура по социологии есть, кажется, во всех крупных вузах города. Исключение, наверное, только медицинский. А вот советов в городе по социологии нет. Одно время работал совет по социальной философии в нашем университете, но он прекратил работу еще до моего прихода в ИГУ. Защиты каждый вуз выстраивает по своим наработанным схемам, что во многом определяет характер диссертаций и подходы. Университетские диссертации по социологии, как правило, защищаются в Улан-Удэ, где привычны очень формализованные количественные исследования. В других вузах существуют другие наработанные схемы, «намоленные места» для защит. Так же и с публикациями: разумеется, есть несколько иркутских изданий, входящих в пресловутый ваковский список (правда, к лету следующего года этот список, видимо сильно сократится в связи с новыми требованиями), где публикуются аспиранты и коллеги. Публикации за пределами региона довольно сложны и нередко дороги. Центральные журналы – особая проблема не в силу даже качества текстов (хотя и это то же большой вопрос), но часто в силу отсутствия «выходов» на редакции. При самой независимой и непредвзятой позиции редакций рекомендации и знакомства продолжают быть значимым фактором...

Это создает серьезную, как мне кажется проблему и характеристику региональной социологии (по крайней мере, у нас). Университетская наука требует формализации статусов и значит защит. Неширокий и в последние пару лет быстро сокращающийся спектр советов, с которым налажены связи, заставляет выстраивать работу «под требования» советов. Диссоветы же в нынешней свистопляске министерских оптимизаций стараются не выходить за пределы устоявшихся и работающих шаблонов, и, едва ли не главным становится пунктуальное, если не больше, соблюдение формальных требований к диссертациям. В этом смысле мне сильно повезло (похоже, я вообще довольно везучий человек) защищаться в хабаровском совете, где мои «качественные» разработки нашли понимание. Да и в целом, выход за пределы устоявшихся вузовских связей чаще и легче всего происходит за пределами вузовской науки, на личных связях и отношениях. Я бы сказал, что вообще все самое интересное в нашей науке получается на неформальных человеческих связях и отношениях. Эта составляющая «провинциальной» науки – как раз то, что выпадает из известной схемы «аборигенной и туземной науки» Михаила Соколова и Кирилла Титаева. И именно эта составляющая, как мне кажется, является более значимой, нежели формализованная «научная жизнь» провинции. Если можно так выразиться, только за пределами этой «формы» и идет настоящая жизнь...

Мне кажется, что пока мы обошли вниманием Вашу преподавательскую деятельность. Прежде всего, в целом, какова сейчас Ваша учебная нагрузка? какие курсы Вы в последние годы разрабатывали и вели?

И второе, что Вы могли бы сказать о Ваших сегодняшних студентах? Что их интересует в социологии? Каковы их перспективы найти работу по специальности?

Нагрузка у меня не велика – поскольку я совместитель, то всего три курса в год, и есть возможность читать то, что самому интересно и нравится. Это четыре занятия в неделю в осеннем семестре, и по два – в весеннем. После казахстанского опыта – просто праздник какой-то. Поскольку преподаю я на отделении политологии, то и все мои курсы, так или иначе, привязываются к политологической тематике: два курса связанные демографией региона и один – политическая регионалистика. Первые два связаны с моими интересами в демографической проблематике, и я их сам предлагал, когда формировался учебный план по политологии. Последний (регионалистика) появился у меня скорее по просьбе заведующего кафедрой – нужно было срочно «подхватить» курс и поначалу не особенно нравился мне, был в советском смысле «нагрузкой». Но постепенно получилось развернуть курс от классического политологического содержания в сторону социологического взгляда на регион. Поскольку читаю регионалистику на первом курсе, то едва ли не главной задачей ставлю «ломку шаблона» у ребят. Иногда это и вправду становится ломкой, когда приходит понимание, что нет данности, что регион – это во многом конструктор, подвижная такая сущность. Плюс много читать приходится им, поскольку неизбежно подключается и социологическая литература.

Студентам, конечно, бывает сложно, поскольку параллельно идут другие курсы, где все те стереотипы, которые я пытаюсь преодолеть, используются как базовые понятия, такой раздрай получается. Все-таки совместить идеи, например, Скотта с учебниками политологии (особенно «региональными») бывает не просто... Но мне думается, что лучше сразу, на первом курсе дать понимание не шаблонности жизни, представление о том, что реальность далеко не всегда совпадает с формулировками из учебников и данными официальных документов... Это наверное как раз из моего «мэрского» опыта вырастает, какое-то подспудное желание если не ликвидировать эту немного шизофреническую картину мира во власти, то хотя бы подтолкнуть к пониманию наличия проблемы как таковой...

И, конечно, это возможность самому размышлять. Что мне нравится в работе со студентами – возможность размышлять в диалоге, пусть даже в режиме учебной аудитории. Поскольку моя научная проблематика хорошо укладывается в учебные курсы, довольно часто получается обкатывать какие-то идеи, про-

говаривать их, пробовать на зуб аргументацию. Бывает именно со студентами интересно проговорить свежую идею – приходится максимально точно формулировать, объяснять несколько раз и с разных стороны. И по анекдоту: даже если студенты с третьего объяснения не поняли, то хотя бы сам понимать начал...

В это смысле, я не разделяю частого скепсиса коллег в отношении нынешних студентов и особенно студентов-политологов. Конечно, есть влияние специфики отбора, часто самые интересные и одаренные ребята уезжают «в столицы». Сказывается и конъюнктурные моменты – чиновничество как профессия (именно так его нередко определяют студенты) весьма и весьма привлекательно. Но часто приходят очень интересные ребята: думающие, открытые к небанальным подходам и идеям. Правда к третьему-четвертому курсу многие из них встраиваются в основное русло нашего политологического образования и часто уже говорят на канцелярите. Поэтому очень рад, что встречаюсь со студентами на первом курсе, когда есть возможность сразу их «отравить» возможность думать иначе. Когда к нам в Иркутск приезжают коллеги, почти всегда «эксплуатируем» их в формате лекций или ходя бы неформальных встреч, и всегда стараюсь привести на эти встречи первокурсников. Пару лет назад у нас прочитал недельный курс Леонид Бляхер и нынешние мои третье- и четверокурсники до сих пор помнят его, кое-кто пробует использовать идеи в курсовых, дипломных. Думаю, что без встречи с ним и той ломки, которая случилась на первом курсе, вряд ли бы они эти идеи восприняли.

Кстати, большой проблемой при работе со студентами-политологами (а по отзывам коллег – и социологами) оказывается внеисторичность их образования и мышления. Это довольно странно: профильный экзамен по истории присутствует на обеих специальностях. И дело даже не в объеме исторических фактов – часто этот багаж довольно большой – а понимания преемственности процессов и событий. Любой анализ региональной ситуации, будь то в политологической или демографической плоскости, они почти интуитивно выстраивают по принципу «здесь и сейчас», «раньше ничего не было». Возможно, это режет мне глаз потому, что «в девичестве» я историк, но думается, что причины все же глубже, в том числе и в большом поколенческом разрыве с родителями, возможно, стремительного изменения мира, оставившего мало работающих связей с прошлым... В этом смысле показательна часто встречающаяся у моих студентов ностальгия по «советскому» - полностью новому конструкту, никак не связанному ни с опытом родителей, ни с советскими образами (хотя бы кино- или литературными).

Но самое сложное для меня в работе со студентами – это довольно часто встречающаяся боязнь самостоятельно думать. Отсюда и желание не понять, а угадать правильный ответ, и шок от того, что правильного, единственно верно-

го, ответа может не быть, и готовность легко принять плоскую картину мира. Но все же это, как мне кажется, не поколенческая черта, скорее проблема среды. Есть и другая проблема для меня как для преподавателя – ставшая популярной модель самопиара, активность ради заметности, узнаваемости. Для меня всегда важно соотношение формы и содержание, и форма, не наполненная осмысленным содержанием, меня как-то не вдохновляет. Для ребят же часто красивая форма, возможность ярко выступить, показать себя (даже не сказав ничего содержательного) оказывается важной сама по себе. Попытка обсудить смысл подобной активности, ее инструментальность, понять «зачем?», часто оказывается диалогом эскимоса и папуаса... Понятно, что за этим есть более или менее осмысленная стратегия, в той или иной степени рефлекслируемая, но смысл и ценность организации того или иного «ивента», от меня иногда ускользает как оттенки снега в определении эскимоса от жителя южных морей.

Но все-равно со студентами мне интересно. Интересно потому, что разные, потому, что другие, потому, что уже есть дистанция, но она еще не в два поколения. Да и просто нравится мне приходить к ним. Особенно если не по четыре лекции каждый день.

Спасибо, Константин, Ваш рассказ очень содержателен.

ЭЛЬВИРА ЛЕОНТЬЕВА:

«ОЩУЩЕНИЕ РАДОСТИ ОТ ХОРОШО ПРОВЕДЁННОГО ЗАНЯТИЯ – ЭТО МОЁ САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ В ПРОФЕССИИ»

Эльвира, в последнее время я чаще всего начинаю беседу с вопросов о родительской семье моего собеседника, по ходу нашей беседы я поясню причину такого развития хода интервью. В книге «Социологи России», из которой я узнал Вас, сказано, что Вы родились в Комсомольске-на-Амуре. Ваши родители – первые в Вашем роду Дальневосточники, или они тоже родились там? У Вас очень редкое отчество – Октавьевна. Вы не знаете историю происхождения имени Вашего отца? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым Вашей семьи?

Увы, не могу сказать, что глубоко знаю историю своей семьи. О бабушках и дедушках имею только отрывочные сведения, жалею, что не успела расспросить. Мои родители из Нижегородской (отец) и Кировской (мать) областей родом, приехали на Дальний Восток в начале 1960-х. Они ещё неженаты были, отца призвали в 1961-м армию в Комсомольск, а мама приехала к нему. Ждала, пока он отслужит, а потом решили остаться. Понравилось им там – леса, рыба, грибы-ягоды, романтика и пр. Поженились в 1963-м, там же, в Комсомольске, и всю совместную жизнь прожили в этом городе. После того как отец умер в 1999-м, мама переехала ко мне в Хабаровск.

Почему отца так называли, я точно не знаю, хотя спрашивала бабушку, когда ещё школьницей была. Я переживала страшно, что у меня такое дикое отчество, мне тогда казалось: это катастрофа – как я буду жить с таким отчеством? Отец и сам по молодости стеснялся своего имени. Бабушка мне тогда ответила туманно, что, мол, в то время (отец родился в 1938-м) детей часто называли необычными именами. Но у нас с моей тётёй - сестрой отца, по этому поводу сложилась своя версия. Мой дед был учителем химии и биологии и директором школы в селе. Это очень и очень уважаемый человек, авторитет у него был огромный, больше чем у председателя сельсовета. А бабушка – учитель начальных классов. И когда в такой семье родился сын, то видимо родители решили, что его имя должно было как-то отразить особо интеллигентный статус семьи. Кстати, сестру моего отца, которая родилась через 4 года после него, назвали Эльвирой – тоже очень редкое для русской деревни имя. На младшенькую, любимую мою тётю, фантазии уже не хватило, она стала Надеждой.

Мои родители - простые советские люди, честные и порядочные труженики. У них не было высшего образования, оба закончили техникумы, поэтому формально я интеллигент в первом поколении. Но в действительности по обра-

зу жизни, отношению к людям и работе, вся их жизнь наполнена таким смыслом, мудростью и интеллигентностью, которых не имеет множество людей с университетскими дипломами. Отец был очень талантливым человеком, он не закончил институт исключительно по «идейным» соображениям. Бросил его на 6 курсе вечернего отделения, заявив маме, что знания он получил, это главное, а диплом ему не нужен. Я помню, как он сидел ночами над задачами и контрольными, помогал мне делать математику и физику, которые я ненавидела. Для него решение задач – любых: математических, технических – было делом особого азарта. Он не мог ничего делать пока не решит, всё время думал, думал и всегда решал. Он работал мастером – монтером электрооборудования на судостроительном заводе, был специалистом экстра-класса. Когда завод сдавал военные заказы, отец уходил в плаванье вместе со сдаточной командой. Это были командировки по три-четыре месяца, иногда до полугода. Большинство заказов были секретные, поэтому он никогда ничего не рассказывал. Только тогда, когда уже всё развалилось, и он остался не у дел, немножко пробалтывался – где он только не был, все северные моря исколесил. Были даже случаи, когда на кораблях что-то случалось, никто не мог сделать, тогда за ним из Приморья, где была база, присылали спецрейсы. Он всегда всё мог сделать. У нас дома никогда не было сломанной техники. А также у наших родственников, друзей, соседей – ему несли всё от утюга и чайника до автомобиля. И для него это не было заработком, это был образ жизни, азарт – смогу ли я решить эту очередную задачку. Это потом, когда надо было как-то выживать, он стал работать по заказам, но это уже очень грустная история.

Маме сейчас 77 лет, это человек неиссякаемой энергии. Всю жизнь проработала в строительстве. Приехала в Комсомольск после техникума, и её сразу же отправили мастером на строительство дороги Комсомольск-Солнечный, это большой посёлок к северу от Комсомольска, центр одного из районов Хабаровского края. И она, совсем ещё девчонка, тянула эту дорогу среди дремучей тайги, командуя двумя бригадами взрослых мужчин. Эта дорога сейчас – наша гордость, символ вклада моей мамочки в дело процветания человечества. Настоящего вклада, реального, какого у меня никогда не будет. Потом она работала в крупнейшем на Дальнем Востоке стройтресте, и, несмотря на отсутствие высшего образования, занимала инженерные должности. Сейчас, вспоминая своё детство, не устаю удивляться и недоумевать, как мама могла, работая с 9 утра до 6 вечера (а часто, когда сдавался объект, и до 8 -9) содержать в идеальном порядке квартиру и нас, троих детей. У нас всегда были чистые и наглаженные вещи, горячий завтрак перед школой, обед из трёх блюд в холодильнике, вкусный ужин, чистота в квартире. Загадка советских женщин. Она и

сейчас очень много делает для моей семьи, взяв на себя заботу о ней во время моих отъездов и вечных дедлайнов.

Мои родители очень тяжело пережили слом эпох и я, находясь тогда ещё только в самом начале пути, ничем не могла им помочь. Отец не успел даже мной погордиться, когда он умер, я ещё училась в аспирантуре. Сейчас для меня мама – мой энерджайзер и живой пример как надо жить, отдавая и ничего не требуя взамен, и только тогда у тебя будет что-то действительно хорошее.

А не могли бы Вы пояснить слова: «очень тяжело пережили слом эпох»? Вы понимаете, Эльвира, время летит стремительно, уже выросло поколение социологов, которое не понимает, о каком сломе идет речь, в чем оно выразилось. А что говорить о следующих поколениях?

Я имею в виду конец советской эпохи. Наверное звучит немного пафосно, мы этого, конечно, в таких терминах не осознавали. Это сейчас мы знаем, что в глобальном смысле был конец биполярного мира. А в обычном смысле, в повседневной жизни это был конец привычного и понятного мира. Причём резкий и очень болезненный. Так получилось, что в нашей семье не было ни обласканных властью, ни обиженных ей – мы были обычные. Я думаю, что именно таким было особенно плохо тогда, в 90-е, они были в абсолютном проигрыше: всё, чем они жили, что строили и в чём видели смысл, рухнуло за несколько лет. Завод, на котором работал отец, перестал получать заказы, а люди зарплату. Мудрая мама ушла на пенсию сама ровно в 50 лет, за пару лет до того, как из трёста, где она работала, всех уволили, а сам трест разделили на несколько строительных компаний и всё приватизировали. Люди, отдавшие свои жизни этим предприятиям, были просто «вынесены за скобки» как ненужный отработанный материал.

Похоже, что Вы закончили школу накануне перестройки, чем Вам запомнились школьные годы? Повезло ли Вам с учителями, особенно в старших классах? Как шло учение? Кем хотели стать?

Школа у меня была тоже самая обыкновенная – в шаговой доступности от дома. Потом, когда я училась в 8 классе, мы переехали, но школу менять не захотелось. Если коротко отвечать на Ваш вопрос, могу сказать, что с учителями мне не повезло, но учение шло хорошо! Мне всегда всё легко давалось в учёбе, и было даже как-то весело, что особо-то и учиться не надо. Мама сейчас моим детям рассказывает, что когда я приходила из школы, то сразу делала уроки. Я это помню только про начальную школу, а потом их делать особо не надо было. В последних классах мы подолгу после уроков оставались в классе – убирались, там же и делали уроки, готовили какие-то номера для вечеров – это было, пожалуй, самое замечательное время за всю школьную жизнь. Моё общее впечат-

ление о школе, если коротко – легко, но на уроках ужасно скучноооо!!! А самое интересное – то, что происходит после уроков.

Кроме того, в эту же школу ходил мой старший брат, доставивший много проблем учителям из-за увлечения Битлами, длинных волос и нежелания слушать политинформации – представляете, и у нас в Комсомольске такое тоже было. Поэтому учителя ко мне относились как бы сквозь призму их отношения к брату. Если мои учителя сейчас живы, то им очень-очень много лет, и я не могу их в чём-то упрекнуть. Он жили так, как считали правильным. Единственная, кого должна вспомнить с пиететом – учитель химии Золотарёва Людмила Тимофеевна. Это и правда Учитель. Я не связала свою жизнь с этой наукой – никогда не лежала душа, но в её изложении химия была так понятна, логична и прекрасна, что даже странно как это я смогла её не полюбить. И делала она всё это без всякой назидательности, фальши и идеологии, чем доставали все учителя – благо в химии это было легче, чем в истории или литературе.

Я помню всех учителей, про каждого могу рассказать, но никого не вспоминаю с благодарностью за вклад в мою личность, как бы ужасно это ни звучало. Никому не надо было растить из нас мыслящих, читающих, думающих людей – надо было только зубрить и отвечать как положено. Немного нравился английский, даже занималась дополнительно и участвовала в олимпиадах. Но пользы это не принесло. Говорить нас не учили, что только усугубило языковой барьер, который мучительно преодолеваю до сих пор. Школу запомнила не учёбой. До 9 класса было как-то вообще не интересно, и про этот период мало что помню, если честно – уроки и всё. А вот в 9-м и 10-м (у нас была 10-летка) началась просто другая жизнь. Из трёх восьмых классов сделали один девятый из 40 человек – 32 девочки и 8 мальчиков. И почему-то нам было очень комфортно и весело вместе. Нравилось просто быть в школе, проводить время, общаться. А учёба шла как бы сама собой. Именно поэтому я не была отличницей – то есть я была отличницей до 7 класса, - потом стало просто скучно, и в старших классах стало интересно ходить не на уроки, а в школу. Школу я закончила не блестяще, просто хорошо – 4 «четвёрки» в аттестате.

Но был один момент, очень важный для меня, который чуть не повлиял на мой выбор профессии – посещение учебно-производственного комбината. Вы наверное, знаете в советских школах была такая практика – очень, кстати, хорошая и жаль что сейчас этого нет – с 9 класса один день в неделю посвящать производственному обучению. Мы ходили в специальный корпус – комбинат, оборудованный цехами под разные профессии. Выбор был небольшой, но был – девочки могли учиться на секретаря (печатать на машинке), продавца-кассира, швею. Мальчики – на водителя-механика, слесаря и ещё кого-то не помню. Я выбрала швею, т.к. шить любила с 5 класса, а в основном девчонки у нас пошли

на секретарей, там в группе даже дефицит мест был, а на швею не очень-то хотели. Работали с нами мастера с производства, очень квалифицированные, реально учили. И хоть шили мы всякую фигню – трусы, халаты и пр. хлам, мне было интересно всё – отработать ровную строчку, научиться делать мелкий ремонт машины – техника была ещё та! Но самое главное – у нас были дополнительные занятия по моделированию одежды, куда ходили по желанию и бесплатно. И вот это было просто круто. Мы там творили чудеса, и это самое прекрасное воспоминание школьных лет. Мы придумывали, кроили, шили и устраивали показы своих вещей. Стыдно признаться, я не помню имён тех мастеров, которые с нами работали, но вспоминаю их чаще, чем учителей, имена которых помню хорошо – парадокс. На втором году обучения у нас была практика на швейной фабрике, там я освоила спецмашины, сдала экзамен и получила разряд. Мне было также сказано, что фабрика даст мне целевое направление, если я захочу учиться в институте. Я очень хотела этим заниматься – изучала справочники для абитуриентов, нашла нужную специальность что-то вроде «конструирование одежды», т.е. не моделирование, где нужна художественная подготовка, а именно конструирование. Весь десятый класс я этим жила – придумывала и шила. Поэтому учёба в старших классах была всего лишь несложным приложением к жизни после уроков и за швейной машиной.

Да, Эльвира, все шло в ту сторону, и что же Вас развернуло, по какой дороге Вы пошли дальше?

Трудно сказать, что именно стало решающим. Я и сейчас во всём сомневаюсь, а уж тогда... Наверное, это и есть главная причина – собственная нерешительность, боязнь брать ответственность за себя. Было два других аргумента: плохое зрение и ненависть к черчению. Первый был абсолютно объективен – у меня была очень высокая и сильно прогрессирующая близорукость. Профессия, предполагающая жизнь между швейной машиной и чертежами (как это нам представлялось!), вызвала родительский протест, опирающийся на авторитетное мнение врача. Мама всячески меня отговаривала, говоря о колоссальных нагрузках на глаза. Если бы я была достаточно уверена в себе, я бы нашла как убедить родителей, мне многое было позволено. Но наверное, мне было внутренне проще принять их аргументы. Тогда казалось очень убедительным, а сейчас даже смешно вспоминать об этом счастливом до-компьютерном представлении о зрительных нагрузках. С черчением тоже было всё очень плохо. Преподавали его только один год в 8 классе, когда это никому не надо было, в том числе и учителю. Чертили какие-то гнусности – гайки, втулки (до сих пор не знаю что это такое), болты, штифты – невозможно нудно, очень трудоёмко и бессмысленно. И это при том, что чертить выкройки для шитья могла часами и за счастье. Гайки и втулки мне чертил отец, но поскольку черчение надо было

сдавать на вступительных экзаменах, я испугалась, что там это надо будет сделать самостоятельно.

Второй вариант отталкивался от любви к английскому, я рассматривала иняз, но испугалась бешеного конкурса. Поэтому в результате был включён план С, когда выбор делался не исходя из того что бы я хотела, а из того чего бы точно не хотела. А не хотела я изучать физику-математику. С этой точки зрения оптимальным мне показался исторический факультет. Кроме того я уже давно решила что не останусь в Комсомольске, поэтому почти сразу после выпускного уехала в Томск и подала документы на исторический факультет Томского госуниверситета. Я была достаточно уверена в себе, учила, ходила на курсы, но не поступила – было очень обидно, там также был конкурс четыре человека на место. Меня откровенно завалили на английском, поставили 4, и как раз этого одного балла мне не хватило. Год до следующего поступления был невесёлый – домой возвращаться не хотелось, я чувствовала себя лузером, поэтому я и ещё три моих подруги по несчастью остались в Томске. Мы написали заявления о зачислении на заочное и устроились работать на текстильную фабрику. У одной из девочек там работала сестра, и она нам надружила не только рабочие места, но и комнатку в прекрасном общежитии. Общежитие было спокойное, чистое, комната чудесная с прихожей, санузлом, только душ был на этаже. За время поступления мы сдружились и уже сложившейся компанией переехали на новое место. Всё это существенно облегчало страдания от провала – первого в моей жизни такого крупного поражения. Тогда нам этот год казался ужасным, сейчас я думаю, что и он был не зря. Я кстати работала швейей, меня приняли по диплому о разряде. И эта работа была существенно легче, чем у девочек. Мы конечно, мечтали о поступлении, готовились весь год. На следующий год мы решили поступать не на «историю», а на «философию», тогда это была специальность на истфаке, только в 1991 году она отделилась в факультет. Наверное, мы так решили потому, что там был меньше конкурс, а может быть, на нас подействовали восторги другой нашей подруги, которая поступила на «философию» и рассказывала как там прекрасно учиться. Но поскольку специальность была из списка идеологически выдержанных, надо было принести направление от райкома или более высокого партийного органа, подтверждающего пригодность. И мы с девчонками решили пойти в райком за направлением, решив, что если не дадут, значит не судьба, придётся опять поступать на историю. Вопреки всем ожиданиям направление нам дали, и мы благополучно поступили на «философию» - двое из четверых. Одна девочка не стала поступать, сказала, что ей и так хорошо – зарплата высокая, жильё есть, а учиться и на заочке можно. Ещё одна не поступила во второй раз и тоже обрат-

но вернулась на заочное. Так вот – через тернии – начались мои студенческие годы.

Это какой же год уже был? Томский университет – с давними традициями... Какой была первая реакция на философские дисциплины?

Это был 1986 год. Действительно, Томский университет – очень хороший, горжусь им всю жизнь. На философском отделении была особая атмосфера – простоты отношений и доступности в общении между студентами и преподавателями, мы очень свободно могли вести себя на кафедрах, общаться со всеми преподавателями – без часов приёма и всяких других формальностей. Эту модель я и сейчас в своей работе стараюсь поддерживать. А философских дисциплин было поначалу мало, на первом курсе только история античной (1 семестр) и средневековой (2-й) философии. Зато были физика, математика, биология, языкознание. Чтобы претендовать на знание о мире в целом, философу надо как минимум попытаться изучить и понять его части. Не все же смогут из этих частей вырваться к всеобщему – таков, наверное, был замысел составителей учебных планов. Мне всё очень нравилось и, как в школе, давалось легко. Трудно было много читать, потому что внушительный список текстов давался к каждому семинару. Особенно остро помню свои ощущения не от философских дисциплин, а как раз от тех, что вроде бы мы до этого уже учили в школе, но казалось, что всё было заново. Математика стала так прекрасна и понятна, что только от этого ощущения я была в шоке – одна лекция интереснее другой, ждёшь её как спектакля – такой был преподаватель. После опыта предыдущего года жизни я точно знала, что учиться лучше, чем работать, а учиться я всегда любила (и люблю до сих пор – не стыдно в этом признаться). Я почти всегда легко получала пятёрки и училась с удовольствием. На втором курсе мы немного заленились и стали пропускать занятия, оценки ухудшились, но я старалась всё равно много читать и заниматься в библиотеке. Какая восхитительная в Томском университете библиотека – там прошёл большой и важный кусок моей жизни. Всё чаще себя ловлю на мысли о том, что наши студенты сейчас в интернете и сетях могут освоить в разы больше информации, чем мы в своё время. Но как жаль, что они никогда не узнают, какая отдельная и безусловно прекрасная жизнь может быть прожита в библиотеке.

Судя по году поступления в университет, в студенческие годы Вы уже не состояли в комсомоле, фактически его уже не было. Но в школе и на фабрике Вы участвовали в общественной деятельности?

В школе – да, я была активисткой до 9 класса. На пионерском языке это называлось «член совета дружины», то есть я от нашего класса была в активе школы, и мы устраивали всякие акции. Много было конечно всякой мути идеологической, но что именно, сейчас не помню, зато помню, что ветеранам помо-

гали (даже что-то вроде «тимуровской команды» у нас было), школьный участок убирали, высаживали всякую зелень на территории, собирали макулатуру и металлолом. В 9 классе соединили 3 класса в один, нашлись другие активисты, да и как-то поднадоело уже к старшим классам. А вот на фабрике я не помню, чтобы нас как-то грузили общественной работой, все понимали, что мы люди временные, да и фабрика наша уже тогда так откровенно дышала на ладан, что никакой особенной работы никто не вёл, по крайней мере, в активной её форме. Зато помню – не знаю можно ли отнести это к общественной работе – мы с фабричными ездили летом на сенокос. Это уже было перед самым поступлением, в июле. Нас отобрали из разных цехов, человек 15 и каждое утро вывозили на грузовике в луга и леса, а вечером привозили. Там мужчины косили сено, а мы сгребали граблями его в кучки. Природа была необыкновенной красоты. Места совершенно дикие, заброшенные, и работа в общем-то несложная, мне там очень понравилось. Такой вот необычный опыт был в моей жизни. У меня вообще много было деревенского опыта – в детстве нас со старшим братом постоянно отправляли к бабушкам в деревню в Горьковскую область. Мы там жили месяц-полтора в полном погружении в сельский труд – даже пастишили один раз, коров и коз училась доить, по огороду помогать, а в лес за грибами-ягодами ходить – это до сих пор самое любимое. Но я отвлеклась, простите, вырежьте это если не нужно.

Наверное, на втором или третьем курсе пришлось думать о выборе выпускающей кафедры, специализации? Чему Вы отдали предпочтение?

У нас тогда не было специализаций как таковых, мы выбирали себе преподавателя, с которым должны были писать курсовые работы, начиная с 3 курса, и, соответственно, прикреплялись к той кафедре, где этот преподаватель работал. Преподаватели у нас все были очень яркие, интересные как личности, но, к сожалению, не все умели преподавать интересно. Теперь я понимаю почему – они ведь действительно были философами, а надо было как-то втискиваться в марксистские стандарты. У одних это получалось, у других не очень. Например, диамат у нас был 2 года, 2-й и 3-й курс, и наш восхитительный преподаватель Макаров Вадим Фролович вёл его как обычный курс философии, максимально нейтрально. Диамат там, конечно, тоже был, но он вполне органично был интегрирован в разные другие интересные вещи. Его курс научил меня простой вещи: пониманию того, что мышление (и все его продукты – тексты, лекции, доклады и пр.) нужно структурировать по рациональной и логически строгой схеме. Строгой настолько, насколько максимально это возможно, если иметь в виду важную роль свободы и творчества в философском поиске. В терминологии В. Ф. это звучало вроде «не растекаться мыслью» (не дословно, а в принципе). Его заклинание «Ищите и формулируйте проблему», бесконечные

вопросы «В чём здесь проблема?» до сих пор для меня являются лучшим профессиональным ориентиром. Я сначала хотела проситься к нему на курсовую, но струсил, т.к. немного побаивалась и его, и тех сложностей теоретической философии, с которыми пришлось бы столкнуться. И главное – мне трудно было определиться с тем, где ещё я могла бы вставить в ней свои «пять копеек». Поэтому я решила поискать что-то менее умозрительное. Я теперь не помню как это было в деталях, но наверное, сама судьба взяла меня за руку и привела к Галине Ивановне Петровой. Галина Ивановна у нас вела курс истмата. Вела так спокойно, интеллигентно, как всё, что она делает. С ней я проработала со 2 курса до окончания аспирантуры. Она никогда ничего не навязывала - главное, чтобы вам было интересно. На 2 курсе пришлось пометаться с выбором темы, очень сложно было понять, чем стоит заняться. Метания затянулись, и когда надо было уже показывать какой-то продукт, пришлось быстро написать довольно странную работу по тождественности экологических и моральных ценностей. Честно – не помню отсюда ни одной идеи кроме той, что легла в основу формулировки темы. Возможно, в 1987 году это было ещё не так избито как сейчас. Зато вот уже на третьем курсе я нашла свою тему и стала с удовольствием заниматься ещё совершенно не занятым тогда феноменом массовой культуры. Две мои курсовые, написанные с радостью и полной отдачей, пара выступлений на семинарах, публикация и потом диплом – вот мой вклад в развитие этой темы. Наверное, это как раз и был тот период когда я почувствовала удовольствие от исследований. Главную идею этих работ я помню до сих пор. Мне она и сейчас кажется не плохой, хотя я уже этим давно не занимаюсь и почти уверена, что к сегодняшнему дню наверняка её кто-то уже отработал. А тогда по этой теме было мало серьёзной литературы – больше публицистики и искусствоведческих статей, ничего конкретного. Единственная опорная точка, моя настольная книга – монография Бориса Грушина «Массовое сознание», такая маленькая зелёная книжка в твёрдой обложке издательства «Политиздат». Действительно очень классная книга, пример которой, также как и пример многих наших преподавателей показывает, что, несмотря на тотальную идеологизированность всего и вся, были интересные философы, которые умели достойно работать. Я долго хранила эту книжку и только при последнем переезде она куда-то затерялась. С Галиной Ивановной у меня сложилось сразу, и после первой же не очень удачной курсовой я поняла что остаюсь с ней. Так вот я и определилась.

Эльвира, очень интересно. Я переслал Вам pdf-версию моей небольшой книжки о Б.А. Грушине, и в ней сказано, что на протяжении многих лет он больше всех других своих работ ценил именно эту книгу. Приведу фрагмент из нее: “При написании первой статьи о Грушине я несколько раз звонил

Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Как только я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «...такая зелёная»; я ещё раз подтвердил, что всё в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано и насколько глубоко он был погружён в свою текущую работу, эта его реакция была неожиданной. Но теперь я могу полнее оценить значение этой «зелёной» книжки и лучше понять истоки её «поэтичности»».

Что же Вы открыли в ней для себя?

Да-да, зелёная... Она была из какой-то серии политиздатовской, которая выходила периодически и называлась как-то наподобие «О чём говорят философы». Я не помню как я на неё вышла, скорее всего Галина Ивановна рекомендовала, у неё просто чутьё на нужную тебе информацию. Открыла я в ней простые вещи, которые давно искала в этой теме – нормальный человеческий язык, рациональный подход и то, что нам внедрял Макаров – постановку проблемы и наличие логики в работе с ней. Дело в том, что эта книга случилась у меня после того как я прочитала много разного бреда про загнивающую буржуазную массовую культуру, на фоне которой только у советского общества есть шанс создать новую- высоко-образцовую-безусловно-прекрасную, хоть и массовую, но всё же действительно культуру. Книжки эти назывались как-то шаблонно вроде «Массовая культура: миф и реальность». Если авторы не соревновались в идеологической казуистике, то читать всё равно было невозможно из-за пустого многословия, «растекания мыслью», как сказал бы вышеупомянутый Вадим Фролович. Я уж отчаялась, решила нагло придумывать с чистого листа. У нас были студенты, которые считали что это и есть признак выдающегося ума и таланта. Но я (тогда наверное интуитивно, а сейчас осознанно) считала, что так неправильно, надо на кого-то опереться. Книжку Грушина я начала читать в таком вот безнадёжном состоянии, и она сразу мне понравилась. Там всё было живое: язык, автор, идеи: по-моему он даже пишет от первого лица – «я изучал...», «мне было трудно понять...» - это тоже было созвучно моим мучениям с темой. Всё понятно, чётко и по делу. Я сейчас, увы не помню деталей. Вряд ли я тогда достаточно хорошо поняла глубину и суть авторского замысла. Общая линия, если не ошибаюсь, у него была дедуктивная – выведение массового из общественного, как одной из функций. Функций – в смысле зависимости переменных. Второе, что помню из книги – детальный разбор понятия «массы» как альтернативного «группе». Но всё это я помню, скорее всего неправильно, ведь это актуализированные воспоминания, воплощённые в терминах моего сегодняшнего языка. Но как минимум, это была попытка применить общую авторскую логику для своего случая, т.е. для анализа сходного явления.

На основе концепции Грушина я сделала курсовую и диплом, и его книга через обе эти работы прошла, что называется, красной нитью как базовая концепция. Спасибо ему за то, что этот маленький зелёный лучик поддержал во мне огонёк зарождающейся любви к исследовательской работе. И светлая память!

Эльвира, очень добрые и точные слова, разрешите я переищу их его вдове – Наталье Георгиевне Карцевой?

Да, конечно, буду очень рада.

С Б. А. Грушиным Вы вышли на «социологическую тропу». Что было дальше?

Я тогда ещё не вышла на социологическую тропу, это случилось намного позже. Да и книгу Грушина не могу назвать чисто социологической - это полноценный философский труд. Мне просто очень нравилась философия. Люблю её до сих пор, считаю чем-то возвышенно-недосыгаемым. Я долго пыталась в ней определиться. На 5 курсе у нас была педагогическая практика, и я после нескольких занятий в Томском инженерно-строительном институте поняла, что это моё. После окончания очень хотелось работать преподавателем, но уже тогда не было мест. Когда я заканчивала университет, уже не было никакого распределения, и приходилось метаться. Первые мои метания привели меня в одну из лабораторий НИИ психического здоровья в Томске. Я там проработала ровно один месяц испытательного срока и ушла, так как было件нятно, что нового молодого лаборанта, если и допустят до исследовательской работы, то очень нескоро. А скорее всего не допустили бы вообще – я потом имела возможность получать информацию о том, как развивались события в этой лаборатории. После этого мне подвернулась должность методиста в кабинете гуманитарных наук медицинского института. Я к тому времени была уже замужем, муж мой заканчивал тоже философское отделение, на следующий год после меня. Кстати, как раз в год моего окончания, в 1991-м философское отделение стало факультетом. Время тяжёлое, полная неопределённость и неразбериха, очень низкие зарплаты, продуктовые карточки. Таких пустых магазинов не было даже при советской власти. В методическом кабинете работать мне нравилось, несмотря на зарплату. Кабинет был при кафедре гуманитарных дисциплин. Это была такая маленькая библиотечка с литературой по гуманитарным наукам, которую мы должны были хорошо знать и рекомендовать студентам, а также выдавать, следить за ней, дежурить в кабинете по субботам и пр. Самое главное, что мне дали 0,25 ставки преподавателя, и у меня были семинарские занятия по философии в двух группах. К тому же на кафедре и в кабинете, кроме меня, работали ещё две выпускницы нашего факультета, и мы очень сдружились. Ходить на работу было в радость. Я бы с удовольствием там работала дальше, но в 1992 году у меня случилось рождение сына и связанное с этим событием воз-

вращение к родителям в Комсомольск. В Томске нам негде было жить, мы еле как умещались вдвоём с мужем в комнатке общежития какого-то завода. Получить эту комнату нам помог его отец, и поскольку мы не имели отношения к предприятию, соседи поглядывали на нас, мягко говоря, недружелюбно. Не могло быть и речи чтобы принести туда ребёнка. Поэтому я накануне счастливого события его рождения уехала в Комсомольск, а муж, только закончивший университет, решил попробовать свои силы учителем гимназии в Сургуте. В Сургуте у него была квартира, и мы хотели её обменять на Томск, но поскольку было предложение поработать в гимназии, решили отложить это на потом. Думали, что пока он там устраивается и привыкает к климату и новому месту, пусть ребёнок родится в Комсомольске, а потом воссоединимся. Конечно, ни о какой научной карьере я тогда не думала, читала Пушкина вслух и слушала Шопена, как положено делать будущим мамам. Мы на время разъехались, а оказалось, что уехали из Томска навсегда. Воссоединились мы уже на дальневосточной земле, после рождения нашего сына Марка. Муж за одну зиму понял, что в Сургуте жить он не сможет, вернулся к нам и мы стали строить новую жизнь.

Ответ на последний вопрос Вы прислали мне из Германии, отметив, что это Ваш первый серьёзный опыт стажировки за рубежом. Как и всех представителей Вашего поколения я предполагал спросить Вас об обучении за границей. Но сейчас хотел бы нарушить хронологию в изложении Вашей жизни и просить Вас рассказать о цели настоящей командировки, об Университете, в котором Вам предстоит изучать опыт и т.д.

Эта командировка случилась, когда я уже отчаялась получить опыт работы и исследований за рубежом, и уже смирилась с этим. То есть у неё довольно долгая предыстория. Тема, к которой я пришла к 2002 году («Коррупция в высшем образовании»), вывела меня к университетской повседневности. По опыту общения с российскими коллегами из других регионов я понимала, что при кажущейся однородности каждый российский университет - чёрный ящик, т. к. тот набор повседневных вещей, который он скрывает в себе, уникален. И было безумно интересно посмотреть, как это в других странах. Я стучалась во все фонды с 2003 года. Длинные поездки у меня не получались, но вот две короткие были очень удачными, знаковыми для меня. Первая случилась в 2009 году в Монголию. Это был отличный замысел Антона Олейника собрать международные команды и организовать серию семинаров-тренингов. Было безумно жаль, когда после второй встречи фонд прекратил финансирование, и проект так и не был завершён. Тем не менее, Антон этот замысел реализовал как мог, поддерживая нас, бывших участников, уже вне рамок проекта. Он дважды приезжал в Хабаровск, чтобы продолжить это дело.

Второй важный шаг, закончившийся в результате тем, что я сейчас в Бремене, случился в 2010 году. Я получила приглашение на школу «Changing Europe» в Прагу, одним из организаторов которой был Хайко Пляйнес, профессор Центра восточноевропейских исследований в Бременском университете. Это было моей первой поездкой в Европу. Там я познакомилась и подружилась с Еленой Денисовой-Шмидт, с которой очень активно работаю вместе последние два года. Эта школа и встреча с Еленой открыла новый этап в моей работе и жизни. Вместе с ней мы проводим уже третье исследование. В прошлом году Елена порекомендовала мне подать заявку на стипендию немецкого фонда академических обменов DAAD. Но для заявки нужно было приглашение от немецкого коллеги, мы обратились к Хайко, и он прислал мне приглашение. Вот так я оказалась здесь.

Как я уже говорила, к изучению университетской повседневности я пришла от темы коррупции по длинному пути: от взяток к немонетарной коррупции, от немонетарной к неформальным сетям, от сетей к повседневным практикам. И тут обнаружилась большая проблема в том как работать с понятием «коррупция», потому что для большинства российских исследователей (не говоря уже о простых людях), повседневные практики взаимопомощи и поддержки не являются коррупцией, даже если в эту взаимопомощь вовлекаются служебные интересы и полномочия. А для западных исследователей это коррупция, так же как и для всех организаций, занимающихся её мониторингом (Transparency International, World Bank и др.). Поэтому здесь есть такая большая асимметрия дискурсов, разные языки, и я сейчас во всём этом пытаюсь разобраться, решив для начала понять разницу между формальными и неформальными правилами в университетской повседневной жизни и сравнить их с российскими. Это и есть тема моего проекта здесь. Это поиск ответов на простые вопросы – что должен и чего не должен делать студент или преподаватель в университете и что они реально делают. Кто устанавливает эти правила, откуда они берутся. Меня интересует как сами студенты и преподаватели это понимают, что они об этом говорят, и что я вижу из наблюдения.

Исследование я провожу в Бременском университете, в центре восточноевропейских исследований. Университет огромный, целый город из нескольких десятков зданий. Он – из новых, то есть был открыт уже после войны, но уже имеет очень хорошую репутацию. Здесь очень сильное естественнонаучное звено – исследование морей и климата. Кроме того, университет всегда отличался своими левыми и либеральными настроениями, многие профессора тут на «ты» со студентами и друг другом, это, как мне рассказывают, не характерно для Германии. Я встречаюсь с преподавателями, посещаю занятия, планирую также опрос студентов и интервью с несколькими русскоязычными студентами.

Мне сильно облегчает задачу, что почти все преподаватели, которые работают в центре, говорят по-русски и с большим пониманием относятся к моей работе. Что касается предмета моего исследования, меня интересует коммуникация между студентом и преподавателем: правила, которые установлены для них в университете, правила, которые преподаватель устанавливает для студентов или студенты для преподавателя и дистанция между преподавателем и студентом. Всё вместе должно дать представление о границе формального и неформального в рамках этой коммуникации. И всё пока склоняется к тому, что здесь больше всего неформального. И это совсем не то, что я ожидала увидеть и не то, что я сформулировала для себя как рабочую гипотезу. Тем не менее, очень интересно, совсем по-другому чем в России, куча всякой разной эмпирики, целый день только и делаю что хожу, смотрю, спрашиваю и пишу. И чем дальше, тем всё запутаннее и непонятнее что со всем этим ворохом материала делать.

Мы позже, безусловно, еще поговорим о Вашей германской командировке... а сейчас вернемся к прерванному разговору о Вашем движении в социологии. Итак, сын родился, Вы его познакомили с Пушкиным и Шопеном (по-моему, выбор второго – очень значим), семья воссоединилась. Вы решили вернуться к работе? Что Вы предприняли?

Да уж, познакомить – познакомила, но полюбить насильно не заставишь. Но... этим летом я неожиданно обнаружила у него на столе открытый том с «Евгением Онегиным» - тот самый! Порадовалась. Так что может и про Шопена когда-нибудь вспомнит.

А тогда я ничего не предпринимала, у меня всегда всё предпринимает муж. Поскольку мы с ним одной профессии, пока я сидела с ребёнком, активным поиском вакансий для нас обоих занимался он, и эти поиски завели его в Хабаровск. Он стал преподавать в военном институте, который реорганизовали из строительного в пограничный, и из-за реорганизации там открылось довольно много вакансий. Так получилось, что начальник кафедры, куда устроился муж, был из гражданских, закончил философскую аспирантуру и защищался в Новосибирске. Он хорошо знал марку Томского университета и с радостью взял на следующий год и меня тоже. В августе 1994 года, когда Марку было 1,5 года я переехала из Комсомольска в Хабаровск, где нам дали комнату в офицерском общежитии. Так начался новый этап моей профессиональной жизни. Мы преподавали философию для курсантов 2-го курса, причём нам дали ещё и лекции. Лекции до этого я не читала, и было очень страшно. Я вообще человек стеснительный, преподавать мне нравится в том числе из-за какого-то адреналина, который мне даёт вхождение в аудиторию. Это каждый раз какое-то преодоление себя, испытание и следующая за ним радость от того что всё получилось. И это до сих пор заводит, сейчас уже по-другому чем тогда, но ощущение

радости от хорошо проведенного занятия – это моё самое большое счастье в профессии. А тогда войти в лекционную аудиторию - это было сверхиспытанием, к которому готовишься сутками, представляешь себе каждый шаг, волнуешься. Помню свой самый жуткий страх, что я в каком-нибудь месте лекции неожиданно забуду всё, замолкну и не смогу продолжить – это просто кошмар. И хоть такого ни разу не было, страх был дикий.

Работать было интересно, это было то, что мы любили и чему хотели научиться. Муж сдал документы на призыв на военную (офицерскую) должность, поступил в аспирантуру в Томск и начал работать над диссертацией. Наше общежитие было на территории института, это было очень удобно, мы передавали сына друг другу, а иногда и брали его с собой, хоть это и не поощрялось в военной структуре. И в общежитской жизни была своеобразная романтика – у многих были маленькие дети, мы объединялись и присматривали за ними, когда кому-то надо было уйти. С некоторыми из бывших соседей мы дружим до сих пор.

Муж быстро написал диссертацию, в 1996-м защитился, и мы стали сразу думать о моей защите. Ездить в Томск нам казалось дорогим, и мы решили сначала, что стоит попробовать найти какие-нибудь варианты здесь. К тому времени мы подружились с Леонидом Бляхером, завели другие контакты с местными интеллектуалами, и они нам посоветовали поговорить с одним уже тогда очень заслуженным профессором в Политене (сейчас ТОГУ, где я и Леонид работаем). Леонид нас познакомил, мы поговорили, но как-то мимо. Мне было сказано, что тема моя (массовая культура) какая-то не такая, и я не работаю у них в вузе, поэтому надо платить за обучение и за всё остальное. В общем, мне были не рады, и мы с мужем подумали, что раз уж всё равно платить, то уж лучше в Томск.

И в 1997 году я поступила в аспирантуру нашего философского факультета, к Галине Ивановне (кстати, муж тоже у неё защищался). Меня встретили там как родную, впрочем безо всякого «как» - все эти годы, что я училась в аспирантуре я и была там родной. Оказалось, что и платить за учёбу было не нужно, не было даже такого вопроса. Каждый год я ездила туда, сдавала экзамены, участвовала в семинарах и конференциях, и была безумно рада, что хабаровский профессор меня не взял. Я защитилась в 2000 году, но мой переход в социологию случился уже после. Как мне кажется, это был довольно резкий переход.

По какой теме Вы работали в аспирантуре и как называлась Ваша работа?

Я защитилась по социальной философии, тема моей диссертации «Философские основания концептуализации социального пространства». Тогда это

была очень популярная тема, так как философия социального, которой не было в советское время, тогда только приобретала свои институциональные признаки. Тема в целом мне нравилась, но уже скоро я столкнулась с тем, чего всегда боялась в спекулятивной философии. Очень сложно хоть в чём-то претендовать даже на минимальную новизну. Вот осенит тебя гениальная идея, ты начинаешь работать над аргументацией и буквально сразу же обнаруживаешь, что идея твоя если и не очень старая, то всё равно отработана так, что просто некуда вставить свои «пять копеек». Конечно, уже тогда мы все читали запоем пост-модернистов, которые писали как об азбучной истине о том, что время философских открытий как больших нарративов давно ушло в прошлое, но принимать этого не хотелось. И чем дальше я работала над темой, тем мне становилось всё труднее и труднее. Но в какой-то момент я поняла, что надо остановиться и просто защититься. После защиты я дала торжественное обещание, что больше никогда! Ни строчки!

Вы сказали: «...был довольно резкий переход». В чем он заключался? Куда Вы перешли?

Вы просто до этого говорили о «движении в социологию». Сейчас я не уверена, что между философией и социологией есть эта граница, но тогда мне казалось, что это был именно переход. А дело было так. После защиты, как я уже сказала, я взяла «обет молчания». И вот проходит буквально месяц, и мой друг Леонид Бляхер приносит мне анонс одного гранта. А тогда на рубеже 2000-х зарубежных грантов было много, и Леонид быстро это дело освоил. Тогда он сказал мне, что это очень клёвая программа, но он под неё не подходит, так как докторам наук там нельзя участвовать. Программа называлась «Социальные исследования образования в России», финансировалась от фонда Спенсера, которого в России представлял Европейский университет в Санкт-Петербурге и директор программы Даниил Александров. Я попробовала засомневаться вслух, но Лёня сказал, что он придумал сказочную тему, и я – самый подходящий по условиям гранта кандидат. Я согласилась ради дружбы, Лёня умеет зажечь. Тема называлась «Институционализация неформальных отношений в сфере высшего образования». Лёня помог с заявкой, и я выиграла этот грант. А через 10 лет защитила по этой теме докторскую диссертацию. Эта тема стала моей, я в ней живу до сих пор.

Переход, как я сказала, был для меня резким потому, что это была чисто эмпирическая тема. А у нас на философском факультете (в мою бытность там) не очень-то любили позитивизм, как мне казалось. Когда я его заканчивала, там социологии вообще не было, даже в списке преподаваемых дисциплин. Поэтому мне как человеку, воспитанному в «высших философских идеях», надо было приземляться и изучать то, как надо изучать жизнь.

Вы остановились на самом интересном... Пожалуйста, расшифруйте тему, как Вы ее трактовали? Как шла работа?

Работа началась с участия в летней школе Европейского университета «Развитие социальных исследований образования в России», на которую были приглашены победители конкурса. Школа состоялась в сентябре 2001 года, я тогда впервые побывала в Санкт-Петербурге. Для меня это было открытием нового измерения в научной деятельности. А может даже вообще открытием таковой, учитывая, что мой предыдущий опыт ограничивался только работой над кандидатской. За 10 дней была прожита отдельная жизнь, в которой было всё – серьёзная и интересная учёба, новые знакомства, разговоры с утра до ночи, опыт защиты своих идей. На этой первой школе я получила полный и элегантно упакованный минимум всех научных форматов. Это был совершенный шок – стопроцентное попадание в то, что мне было интересно. Школу проводил Даниил Александров, и всё держалось на его харизме. Главное даже не в том, что он сам блестящий лектор, и даже не в том, что он мог всех зажечь и увлечь – это в принципе встречается довольно часто. Во-первых, он очень много внимания уделял каждому участнику лично. Но самое главное – и я знаю очень мало человек, которые могут это делать – он настолько логично, рационально, абсолютно из каждого, даже самого безнадёжного доклада мог извлечь интересные и оригинальные идеи, «отшелушить» их от банальных и невнятных, (которых всегда больше) и чётко, по пунктам, показать автору в какую сторону надо дальше идти. Это было невероятно красиво в отношении разборов докладов других участников, и бесценно для моего собственного доклада.

С Даниилом Александровичем я потом пересекалась ещё дважды – на его школе в Новосибирске в 2004 году и на семинаре в Пскове, который тоже проводился в рамках его Программы. Это были тоже интересные и по-своему полезные события, но та первая школа, в общем, и стала такой «путёвкой в жизнь». Там я получила много советов и рекомендаций как работать над своей темой. После этой школы я начала осваивать методологию эмпирических исследований и читать книжки по социологии. Также Даниил Александров посоветовал мне познакомиться с работами по неформальной экономике – это то, что было близко по контексту к моей тогда ещё достаточно новой теме и вместе с тем уже хорошо изучено. Для этого он посоветовал съездить на стажировку в Высшую школу экономики, которая тогда как раз планировала ряд больших эмпирических проектов по исследованию образования. У нас на школе несколько занятий проводила Татьяна Львовна Клячко, эксперт по экономике высшего образования, она в тот период как раз работала в вышке. Там же, в Санкт-Петербурге мы с ней договорились, что я приеду зимой. В январе-феврале 2002 года я действительно месяц провела в Вышке, но за это время

только начала вникать в тему. Наиболее полезным для меня тогда оказалось знакомство со Светой Твороговой, социологом из Вышки, с которой мы познакомились у Александра на школе. Мы подружились, и Света мне много помогала, подсказывала, рассказывала. Проблема была не только в том, как собирать данные, но и с исходными данными, на которых могли бы быть основаны гипотезы. Ничего такого у меня не было и не могло быть. На таком уровне конкретики я ещё никогда не работала, но, несмотря на то, что всё было сложно, впервые и вновь, мне было очень интересно. Это был какой-то захватывающий процесс, когда ты понимаешь что и для чего ты делаешь, в каком направлении идешь. Это в корне отличалось от такого же захватывающего и интересного, но всё-таки непонятного ни по смыслу ни, тем более по направлению, блуждания по философским дебрям. В философии тебе просто интересно, и всё. И этого было бы достаточно, но только для тебя. А для всех, кто принимает твои работы к защите и публикации, а тем более решает давать или нет тебе денег, этого явно недостаточно, а обосновать новизну и значимость в философии для меня всегда было сложно. И ведь дело совсем не в том, что хотелось что-то кому-то показать. Хотелось всего лишь надеяться, что в твоём одержимом желании узнать новое есть что-то кроме и помимо твоего частного интереса.

В новой теме с этим не было проблем, проблемы были в другом. Для меня это было первое эмпирическое исследование. Кругом одни вопросы и никаких ответов: я могу провести исследование только в Хабаровске, а это не репрезентативно – что же делать? Я не знаю, как отбирать респондентов. Я не знаю, как вообще можно найти респондентов, которые будут говорить о взятках. И откуда я, наконец, знаю, говорят они мне правду или нет. Это только примерный перечень тех проблем, которые я решала в своем первом эмпирическом исследовании. Да, конечно, тогда уже были книжки о количественных и качественных методах. Но когда ты сама вот так плывёшь вслепую, книжки больше вызывают вопросов, чем дают ответов, потому что сколько авторов, столько и подходов. Это я знала ещё из философии. Поэтому я поплыла, подключив интуицию к обилию услышанного и прочитанного. Я подумала, что начну я, пожалуй, с интервью. Я решила, что этот метод самый доступный с точки зрения организации поля и технически самый беспроблемный с точки зрения минимизации ущерба, то есть если ты вдруг поймешь что что-то идёт не так, можно легко и без издержек все приостановить, прекратить, подумать, изменить. И это правда – я сейчас понимаю. Сейчас, если случается, что кто-то спрашивает моего совета, я всегда говорю: не знаете с чего начать, начните с интервью. Оно покажет, насколько состоятельны ваши предположения. А потом можно подумать, что делать дальше. В 2002-начале 2003 года я взяла серию первых интервью и стала потихоньку с ними высываться. В 2004 году я начала ездить по

конференциям и школам с первыми результатами, а также думать о том, что можно провести и survey. Всё оказалось, в конце-концов, так же как и в философии – сформулируй проблему, пойми что ты хочешь узнать и если ты это чётко поймёшь, то уж методология для этого всегда найдётся. Есть то, что можно получить из survey, есть то, что может дать интервью – это не пересекающиеся но вполне себе сосуществующие стратегии. И вот с этим делом – формулировкой проблем и исследовательских вопросов в социологии у меня как-то лучше пошло, чем в философии. И кстати, так вот между делом, у меня родился второй ребёнок в августе 2003 года, в разгар работы по всем фронтам. Спасибо маме, я почти не сидела в декрете, официально вышла на работу уже в феврале 2004-го, а неофициально, обычная суета в виде проектов-опросов-заявок-дедлайнов и пр. радостей академической жизни не оставляла меня ни на день. Так вот и живу до сих пор.

Вы подробно описали, кто помог Вам в освоении новой исследовательской области – социология образования. Защитились Вы в 2010 году, Вы продолжаете разрабатывать эту проблематику? С кем из московских, петербургских, сибирских социологов Вы сотрудничаете? К каким практико-ориентированным выводам Вы пришли?

Да, в целом я продолжаю, но в процессе естественным образом расширился контекст исследований. Я от коррупции вышла к повседневным университетским практикам, коммуникациям в академическом сообществе, особенностям академической среды и подобным вещам, включая общий интерес к социальной истории университетов и их современному развитию. Теперь вот заинтересовалась российскими студентами за рубежом и иностранными студентами в России. Большое Вам спасибо за информацию о собрании работ Шереги! Сейчас у меня аспирант пишет по иностранным студентам на Дальнем Востоке, и есть на кого опереться, так как Шереги стал первым изучать иностранных студентов в России.

Но интерес к коррупции и неформальным практикам остаётся моим ключевым направлением. Коррупция – очень сложный и многогранный феномен общественной жизни и ещё более сложная категория социальной науки. Просто удивительно осознавать, что чем больше сейчас говорят о борьбе с ней, тем менее осмысленным и понятным становится то, с чем собираются бороться. Поэтому для сохранения остатков здравого смысла в отношении восприятия коррупции в нашей стране мне кажется очень полезной работа с понятиями и терминологией, которой в эмпирических исследованиях часто пренебрегают. Сейчас я этому уделяю много внимания, готовлю к публикации работу по типологии и индикаторам коррупционного действия с примерами из своих архивов данных. По этой же теме собираюсь издавать учебное пособие, планирую к

концу 2015 года. Конечно, какой бы достойной и качественной ни была теоретическая работа, мы не можем без эмпирических данных, поэтому я также стараюсь найти возможность более или менее регулярно проводить эмпирические исследования. В 2008 и 2012 году мы вместе с коллегами проводили опросы по этой теме. За всё это время у меня сложилось ощущение работы в вакууме. То есть конечно есть коллеги из других регионов, которые этим тоже немного интересуются, собирают данные у себя в регионах, что-то публикуют иногда. Но это такой разрозненный точечный ситуационный интерес. Сложно когда нет «больших» и систематических опросов, на уровне ведущих соц. центров, отражающих общую картину по стране и её динамику. Исследования по коррупции в вузах у нас как минимум не в приоритетах. Если они и проводятся, данные не освещаются широко. Мне рассказывали коллеги из НИУ ВШЭ, что Вышка проводила такие опросы и данные были закрыты, хотя один раз они издали бюллетень – и это всё, что было за все эти годы общественного ажиотажа в обсуждении академической коррупции. И от этого нам в регионах работать очень сложно. Когда пытаешься опубликовать свои результаты, все рецензенты задают один и тот же вопрос – почему Хабаровск, почему Дальний Восток? Где репрезентативные данные по России? Можно ли эти ваши выводы распространить на всю ситуацию российского высшего образования? Если бы были большие данные, было бы существенно легче отвечать на этот вопрос, а так приходится выкручиваться. Тем не менее, тема коррупции в моих сегодняшних исследованиях занимает важное место. Сейчас я думаю над тем как можно её вписать в общий контекст развития университетов, в их социальную историю. Задумала такую работу на будущее.

Насчёт выводов – я даже затрудняюсь так обзорно ответить на вопрос об их практико-ориентированном значении. Честно говоря, я в своей работе не ставлю целью получить какие-то практико-ориентированные выводы. Я знаю, что это очень плохо и социолог не должен так думать и говорить, но я как-то всегда опасаясь ответственности за те рекомендации и инструкции, которые могут реально изменить мир. А вдруг я ошибаюсь или чего-то не учитываю, и мои рекомендации ухудшат ситуацию. Для меня это слишком серьёзно, поэтому я не считаю, что я вправе формулировать такие выводы. Для меня всегда было важнее и интереснее найти проблему, сформулировать интересный исследовательский вопрос, разобраться в нём, узнать мнения и собрать факты, понять смысл действий, выяснить что происходит. Вот например, я пришла к выводу, что в современном российском университете нет социальных групп, которые были бы реально заинтересованы в преодолении коррупции потому что убрать коррупцию из университетов можно только вместе со студентами, которые не могут учиться иначе, чем через коррупционные схемы. И речь идёт со-

всем не о взятках – то есть и о взятках тоже как одном из вариантов обучения таких студентов, но таких вариантов много, и взятка сейчас уже не является самым популярным. Завышение и девальвация оценок, обмен оценками среди преподавателей, купля-продажа курсовых и дипломных работ и пр. Список практик очень большой. Кто заинтересован в том, чтобы всё это убрать из университета? Только очень хорошо подготовленные и высоко мотивированные на учёбу студенты, которых меньшинство. Такие вот выводы – а их практико-ориентированное значение я не в состоянии оценить. Скорее всего, его просто нет, потому что нельзя же назвать практико-ориентированным напрашивающийся в этой логике вывод о необходимости сокращения количества студентов и университетов. Такие выводы никому не нужны, и в первую очередь мне как работнику этой системы.

Вопрос насчёт сотрудничества с коллегами из других регионов для меня достаточно болезненный. Я знакома с многими, и в разное время общение с коллегами из разных регионов мне очень помогало и помогает в работе, за что я бесконечно благодарна всем, кто помог мне в каждом следующем шаге. Но, если честно, я не могу назвать это полноценным сотрудничеством. Это полезное только для меня профессиональное общение. Сотрудничество – это паритетные отношения, совместные исследования, работа, основанная на взаимном интересе сторон, совместные публикации. К сожалению, интерес к нам со стороны коллег из столичных регионов носит скорее «этнографический» характер – приехать раз-другой посмотреть как у нас тут. И у нас сейчас очень мало возможностей проявлять инициативу и привлекать к себе внимание. Поездки на конференции не оплачиваются, грантов почти не стало, ездят только те, кто уже имеет хорошие контакты и его приглашают. Пригласить кого-то к себе, даже если университет и выделит на это деньги – это сломать жизнь и оставить здоровье в бумажных баталиях с бухгалтерией, это я проходила несколько раз и окончательно зареклась. Поэтому даже прежние контакты, нажитые во время работы над диссертацией (когда мне оплачивали все поездки) сейчас сложно поддерживать. Полноценное сотрудничество у меня сложилось только с Еленой Денисовой-Шмидт, моей коллегой из Швейцарии, которая работает в университете Санкт-Галлена. Мы познакомились с ней на летней школе в Праге в 2010 году и проводим уже третий совместный проект. В рамках наших проектов мы проводим эмпирические исследования, публикуемся, выступаем на конференциях и семинарах, подаём заявки, встречаемся и много обсуждаем всего интересного. И в этом общении мне особенно радостно, что у кого-то есть потребность в моей работе и реальный живой интерес к нам. За всё это я очень благодарна Елене, такой партнёр – это редкое везение и большое счастье.

Мы еще совсем не рассмотрели Ваш преподавательский опыт. Какие курсы Вы ведете? Какова нагрузка? Есть ли аспиранты, ко каким темам они работают?

В отличие от многих моих коллег, у меня не такая большая преподавательская нагрузка. Уменьшение времени на работу в аудитории было одним из мотивов моей защиты – хотелось больше возможностей для исследований. Долгое время я вела курс философии, потом ушла на кафедру социологии и два года преподавала общий курс социологии и политологии. Сейчас у меня два небольших курса для студентов бакалавриата – «Культура, религия и литература Китая» и «Профессиональная этика журналиста» и курс для аспирантов «История и философия науки». Кроме этого я веду спецкурс по основам исследовательской работы для студентов бакалавриата, специализирующихся по нашей кафедре (направление «Зарубежное регионоведение»). В будущем году у нас появятся магистранты, и там тоже есть курс для меня. Парадокс в том, что у нас нет студентов социологов, зато есть аспирантура и диссертационный совет по социологии, поэтому приходится подрачивать аспирантов из числа студентов, специализирующихся в других сферах. Это достаточно сложно.

Сейчас у меня шесть аспирантов. Двое защитились в прошлом году, и буквально на днях защищается третий. В ситуации, когда нет бакалавриата и магистратуры, а есть сразу аспирантура, очень трудно вырастить «своих» аспирантов, чтобы они занимались тем, что ты знаешь и умеешь, и при этом ещё сами любили исследовательскую работу. Даже при наличии всех условий это – недостижимый идеал. Но я всё равно мечтаю о нём – хочу собрать команду, работающую в одном тематическом поле, поэтому предлагаю своим потенциальным аспирантам то, что мне самой интересно. Одно из направлений, по которому у меня пишут два человека – российские студенты за рубежом (в Китае и Корее) и иностранные студенты в России (если точнее – на Дальнем Востоке России). Ещё два человека работают по образовательным стратегиям. Это темы, связанные как с образовательными стратегиями семей дальневосточников (с выходом на миграцию), так и с учебными стратегиями студентов. Эти темы мне интересны и понятны и в то же время нет ни сил ни возможностей лично их реализовать. Как раз в этом я вижу большое преимущество и радость руководства аспирантурой.

Ну что же, на этой оптимистической ноте и закончим нашу беседу, спасибо большое, Эльвира.

**МИХАИЛ РОЖАНСКИЙ:
«Я ПРОДОЛЖАЮ СЧИТАТЬ СЕБЯ ИСТОРИКОМ, ЗАНИМАЮЩИМСЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИЕЙ, НО НЕ СОЦИОЛОГОМ»**

Михаил, в моем проекте неожиданно для многих, отчасти – для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры...

Вы не знаете истории Вашей фамилии? Что Вы знаете о ее происхождении? Насколько вообще Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Что я знаю о родословной... Только на два поколения, хотя в 80-90-х успел даже записать какие-то воспоминания родных. И это характерно для Сибири, поскольку попадание за Урал – добровольное или вынужденное – было, как правило, связано с травмой, уходом и т.д. Фамилия Рожанский унаследована от деда (неродного - об этом ниже) Давида Анисимовича, иудея по вере, родом из восточной Польши (из-под Белостока). Родился в декабре 1881 года, участвовал в Русско-японской, вспоминал о Цусиме. Попал в армию как кантонист, и мой отец припоминал, что дед попал в армию вместо своего брата. Видимо, после Русско-японской и осел в наших краях – большом селе (сейчас город) Тулуне (на Московском тракте и Транссибе), занимался работами по металлу (изготавливал всякие бытовые предметы), там и женился. Женился на дочери ссыльного Вере Исаевне (фамилию не знаю), которая приехала к своему отцу с Украины. Тот не стал возвращаться из Тулуна, так как наладил свое дело (судя по всему, торговое) и очень успешно. Вера, когда выросла, переехала к нему (мать не уехала за мужем в Сибирь, а когда он не вернулся, вышла замуж). По воспоминаниям, Вера вписалась в среду ссыльных в Тулуне, была довольно грамотной и культурной, говорила на четырех языках (понятно, что идиш, русский, украинский и, видимо, польский). Работала белошвейкой. Отец дал за ней серьезное приданное – дед на него построил самый заметный дом в Тулуне (во время Гражданской там размещали штабы и белые, и красные, и партизаны). Да, дед участвовал и в Мировой войне, на которой получил контузию (почти оглох). Он был также ранен, но о ранении почему-то вспоминал в связи с Японской (мне так помнится с детства и отец так запомнил тоже) - как он мог с осколком в ноге попасть опять в армию, не ведаю. Детей у Давида и Веры не было.

Мой отец родился на Украине, в местечке Монастырище (где-то рядом с Уманью) в сентябре 1922 года в семье Винарских. Его мать - Татьяна, единоутробная (т.е. по матери) сестра Веры Исаевны, а отец Тейве/Тимофей. Эта се-

мья Винарских пережила погромы и голод, мой отец был у них четвертым (выжившим четвертым) ребенком и, когда еще они его ждали, Татьяна и Вера договорились по переписке, что семейство переедет после рождения ребенка в Тулун и новорожденного отдадут Рожанским. То есть мой отец – отданный ребенок (так называют подобную историю у бурят, а называют ли как-то у евреев, не знаю). В общем, летом 1923 года они добрались до Тулуна, где дед помог им обустроиться и семьи так всегда и жили рядом. Обе семьи угодили в "лишенцы" - дед за зажиточность, а Винарские,

видимо, за компанию. Сначала заняли под советское учреждение первый этаж дома Рожанских, а в годы "великого перелома" выселили и со второго этажа на улицу.

Были и какие-то истории с конфискациями – обыски, деда сажали в милицию и т.д. Семья собралась переезжать в Иркутск и тут, как вспоминал отец по рассказам старших, объявляется борьба с перегибами и деду чуть ли не предложили опять занять часть его дома. Но дед решения менять не стал. Тогда ему предложили подписать бумагу, что он передает дом государству, это дед Давид отказался делать и Рожанские с Винарскими переехали в Иркутск, где дед построил дом-временный, тесный, но мы нем жили до 1963 года, а простоял он, будучи аварийным, до начала семидесятых. В него ещё и подселили семью депортированных из Молдавии, а когда их отпустили на родину, то кого-то просто нуждающихся в жилье. Наша семья из 7-8 чел. жила в конце пятидесятых на 24 кв.м..

Папа – Яков Давыдович (такое отчество стояло в паспорте) окончил семилетку, затем ремесленное училище, стал токарем и работал к началу войны на машиностроительном заводе, откуда в 1942 году смог уйти в авиатехническое училище, то есть в военную авиацию. Но на военные действия не попал – сначала он служил на аэродромах у границы с Японией, а с весны 1945 – в Подмосковье, на аэродроме в Раменском, где и познакомился с мамой. Про мамину родословную знаю еще меньше. Вера Петровна, девичья фамилия – Кононова. Родом из крестьян Старицкого уезда Тверской губернии. Родилась или в 1916 (так стояло в документах) или в 1919 году (так считалось у нас в доме, а запись в документах объясняли какой-то запутанной историей, уже колхозной). Семья так и жила в деревне (с.Никольское), но отец мамы, Петр (мама Надежда) занимался отходничеством - на строительных работах в Питере (и даже одно время или уже в результате "карьеры" - приказчиком). Училась мама три класса, раскулачивания не только семья, но и всё село, избежало (или часть села, которая была относительно автономной от остальных – так я понял маму): будучи родственниками, они сумели как-то организовать и оформить колхоз, упредив насильственную коллективизацию. Мама с ужасом вспоминала, как раскулачи-

вали соседние деревни. А дальше – тяжелый колхозный труд (лён), который лег, по словам мамы, в конце концов на плечи девчонок. И она с кем-то из подруг смогла какими-то правдами и неправдами выбраться в Ленинград "в люди", сначала домработницей в семью, вышедшую из их села и родни, а затем на всякие работы, не требующие образования, кроме элементарной грамотности (точно – почтальоном, про остальные не помню). Так она угодила в блокаду и пережила две блокадные зимы. вывезена была в тяжелом состоянии весной 1943 года. Потом вернулась в родную деревню, была бригадиром, чуть не угодила под суд из-за конфликта с местным милиционером и брат, служивший на аэродроме в Раменском, забрал её к себе в часть вольнонаемной. В 1947 году отец демобилизовался и увез маму (уже с первенцем) в Иркутск. Отец после возвращения стал работать в Иркутском аэропорту (где и проработал до пенсии) на текущем ремонте самолетов – сначала как квалифицированный рабочий, затем на инженерных должностях, начальником смены и т.д. Мама работала заведующей хозяйством в Дворце Труда (доме, который занимал Облсовпроф и всякие учреждения-арендаторы). Я был третьим ребенком (и третьим сыном), но мои братья Борис (1947 г.р.) и Тимофей (1950 г.р.) очень рано погибли. Тимофей в 1963 году умер от опухоли головного мозга, Борис утонул во время турпоездки на Кавказ в 1968 году.

Спасибо, Михаил, такое вспоминать и излагать очень сложно... все думаю, как написать о семьях, из которых вышли действующие социологи, несколько лет назад опубликовал небольшую статью, но теперь у меня гора информации.. и в каждой истории о семье войны, переселения, высылки, аресты, расстрелы, кровь... но ведь семьи я не выбирал...и мои собеседники не только сибиряки...

Раз были старшие братья, Вы скорее всего тянулись за ними.. не так ли? Вы, наверное, научились читать до школы... как вспоминаются первые школьные годы?

Точно сказать, когда научился читать, не могу. Склонен считать, что когда пошел в школу. Но сразу стал читать быстро – видимо, знал все буквы и нужно было только научиться складывать их. Дома книг было немного, как и игрушек. Любимым занятием до школы, как запомнилось, было разглядывание учебников старших братьев – естественно, по истории и литературе, в которых были интересные картинки. Научившись читать, стал еще читать вслух газеты или пересказывать их деду (по-русски он не читал, только на идише), благодаря чему стал не в меру политизированным ребенком еще в младших классах. Любимыми книжками тогда уже стали книжки по истории и другие научно-популярные для подростков. Плюс, конечно, радиопередачи, репертуар которых в начале 60-х был совершенно замечательный. Влияния старших братьев на

интересы почти не было. Они были склонны скорее к технике и тому, чтобы делать что-то своими руками (это от отца и деда). Но благодаря этому в доме были популярные технические журналы («Юный техник», «Техника – молодежи», что-то по радио), а позже и "Наука и жизнь". Очень дружил со средним братом, но когда он умер, мне еще даже девять лет не исполнилось, а со старшим братом была большая разница в возрасте (7 лет) и интересах – было уже тогда ощущение, что это другое поколение.

В школе легко давались все предметы, оценки были гарантированы, поэтому усердия не требовалось, и основным занятием было чтение того, что было интересно: география, история, литература, политика (наверное, больше всего), астрономия (точнее, история астрономии и космонавтика), спорт. Чуть ли не с первого класса хорошо знал политическую карту мира и любил карты, атласы. Книги покупал и собирал уже с третьего-четвертого класса, а первую библиотеку свою к 7-8 классу точно собрал: научно-популярные книжки, юмор-сатира (библиотечка "Крокодила" и книжки разных авторов), книжки о спорте, какую-то политическую публицистику. Были попытки коллекционирования (спичечные этикетки, марки), но, в общем, не пристрастился - интерес был ко всему этому, в основном, как к носителям информации, но не как к системным коллекциям. В шестом классе победил на городской олимпиаде по математике и, кажется, после этого чуть ли не перестал делать домашние задания по математике – книжки по истории математики и всякие сборники занимательных задач (вроде Перельмана) с удовольствием читал, но заниматься этим как предметом не собирался. В астрономический кружок при обсерватории попытался записаться в шестом классе (тоже не для профориентации, а из интереса к предмету), но за малостью лет не взяли, а с седьмого класса стал ходить в кружок международников при Дворце пионеров (и тот и другой кружок были секциями ученического общества "Знание").

В общем, уже в 6-7 классе было ясно, что мои занятия в жизни будут связаны с географией-историей-международными отношениями, но никаких планов в отношении того, где и чему учиться не строил. Родители, уверен, тоже - во-первых, переживались семейные трагедии (все мои школьные годы прошли под знаком смертей в семье) и другие семейные события, во-вторых, были далеки от сферы моих занятий, гордились эрудированным мальчиком, но переживали, что не занимаюсь спортом (не развиваюсь физически). Да, еще был завсегдаем библиотек, но отказывался от всех предложений библиотекарей составить мне список систематического чтения и т.п. (видимо, была такая методическая установка в детских и юношеских библиотеках). Из событий жизни как очень значимые (кроме потери братьев - это, конечно, самое сильное) запомнились несколько. Через год после смерти брата был летом с родителями на ку-

рорте и там мама рассказывала (и, может, не один раз) моей старшей двоюродной сестре и её подруге о жизни во время блокады. Мне было чуть меньше 10 лет, но уже тогда я услышал многое из того, что потом авторы и редакторы не включили в «Блокадную книгу». После 6 класса родители взяли меня с собой в отпуск в Одессу они были в доме отдыха, а я ночевал у родственников и иногда сам осваивал город, в котором больше никогда не был, но к которому с тех пор пристрастен. Кроме влюбленности в Одессу в той поездке еще случились важные события: в палате, где жил отец, ходила библиотечная книга без обложки (т.е. без автора и названия), которую запоем прочитал. Это стало одним из самых сильных литературных впечатлений в жизни - "Марсианские хроники" Бредбери. Через годы думаю, что дело в остранении земной жизни, в этом было открытие. В той же палате шли постоянные разговоры о культурной революции в Китае (лето 1966 года) и один из обитателей (художник - грек по национальности) сказал "А разве у нас не то же самое было?". В семье у нас был, в общем, "антисталинский" настрой, но до таких сравнений не доходили. И тогда же в Одессе нам родственники рассказали о расстреле в Новочеркасске. Кроме того мы съездили на несколько дней в Кишинев, в гости к семье молдаван, которые были депортированы и жили в Иркутске в нашем доме (родители с ними дружили). Остальные личные события, связывающие с историей, были вполне общими – полеты космонавтов, продовольственные беды 1963 года, убийство Кеннеди, снятие Хрущева, Олимпиады, чемпионат мира по футболу, приход московского телевидения (1967 год в Иркутске), и, наконец, 1968 год со всеми своими событиями, но это уже были совсем не младшие школьные годы.

Можно ли сказать, что к моменту завершения школы Вы в целом определились с тем, что именно история это то, что Вам хотелось выбрать в качестве будущей профессии? Вам сразу удалось поступить на исторический факультет Иркутского университета или первая попытка оказалась неудачной?

Поступил с первого раза, но только благодаря стечению обстоятельств. И взяли меня кем-то вроде "вольнослушателя". Готов был плохо, хотя уже класса с девятого знал, что пойду именно на исторический. Но связано это было не с желанием стать историком, а с посещением кружка международников, который вели студенты с истфака, а еще точнее, из студенческого кружка новейшей истории и международных отношений, который был на истфаке. Кружок был одновременно научный и лекторский, то есть участники занимались темами новейшей истории и читали лекции о международном положении. Собственно, поступая на истфак, я шел целенаправленно в этот кружок, на заседаниях которого бывал уже, будучи школьником. Конкурс в 1971 году, когда я окончил школу и поступал, был примерно 13 человек на место, если вычесть места, ко-

торые занимали золотые медалисты после сдачи первого экзамена и выпускники "рабфака". Систематически я не готовился – не научился делать это по гуманитарным предметам – привык в школе сдавать устные экзамены за счет начитанности. Первый экзамен – история. Тут совпали два счастливых для меня случая. Попался билет, в котором был первый вопрос программы "Древнейшие государства на территории нашей страны", чуть ли не единственный вопрос, который я педантично готовил, что к выпускному экзамену, что к вступительному, и мог прочитать на эту тему лекцию, это и стал делать на экзамене. Зато второй вопрос – о народниках 70-х – я не мог собрать в мозгах и сразу стал "плавать", пытаясь сделать длинное вступление о 60-х, о последствиях реформы и т.д. И тут помог второй случай: среди экзаменаторов был преподаватель, знавший, что я уже несколько лет занимаюсь в кружке, что делаю это активно и т.д. В общем, он как-то дал знать это остальным и комиссия осталась ко мне благосклонной. Иначе это было бы не больше четверки – незнание одного вопроса из трех. Без проблем сдал на "пять" устный экзамен по литературе и русскому языку, а вот сочинение написал на "три", взяв почему-то (из самонадеянности) "свободную" тему (что-то про современника). И в том году 13 баллов оставляли за чертой. Проходными были 15 из 15 и брали какое-то количество абитуриентов, набравших 14. У меня были еще всяческие грамоты, победы на олимпиадах, хороший аттестат без троек, но зато не было трудового стажа. Да и тех, у кого меньше 14 баллов, просто не пригласили на собеседование. И тут совпало еще несколько обстоятельств. Во-первых, я пришел в день собеседования, чтобы апеллировать по поводу сочинения: я попросил его показать, обнаружил, что из пяти отмеченных ошибок, неверно отмечены три, и стал ждать председателя предметной комиссии, чтобы опротестовать оценку. Во-вторых, к моменту собеседования было принято решение кроме 50 студентов набрать учебную группу кандидатов в 25 человек и просить министерство открыть новую специализацию. Вот и приняли в качестве "кандидатов" после собеседования часть (или всех) абитуриентов, набравших 14 баллов, а заодно пригласили трех человек, набравших еще меньше – кандидата в мастера спорта, демобилизованного пограничника (т.е. сержанта из войск КГБ) и меня, который оспаривал оценку за сочинение – и предложили нам стать "кандидатами в кандидаты", т.е. всё посещать, всё сдавать, но прав никаких ни на что не иметь и надеяться, что дадут студенческие места, которые мы займем, если будем достойны. По слухам, которые потом услышал на факультете, у этой истории была такая подоплека: к моменту окончания экзаменов из отпуска вернулся декан (такой принципиальный человек "старой закалки" из офицеров-фронтовиков) и был возмущен "блатным" характером набора на факультет. Как никогда много было детей работников университета и различного начальства. Он, мол, и убедил

университетское начальство, что надо набрать группу кандидатов. Как бы то ни было, но декан не ошибся – уже к четвертому семестру, после третьей сессии, то есть к середине второго курса осталось ровно столько студентов, сколько было предусмотрено набором. Я стал студентом одним из первых – к началу второго курса. А новую специализацию так и не открыли.

Вот это про поступление. Очень долгое...

Похоже, выиграв этот забег с барьерами, Вы учились успешно, в том смысле, что легко определились с выбором специализации, нашли себе наставника... Так это было?

Слово "наставник", действительно, точнее, чем "учитель" для моей биографии. Мне было ясно не только со специализацией (новейшая история), но и что буду работать в кружке международников. И главным человеком для меня на факультете был руководитель кружка Мирон Акимович Бендер, один из самых ярких и авторитетных людей на истфаке, хотя не был даже кандидатом наук. Не стал он кандидатом, поскольку имел инженерное образование, в Иркутск приехал из Москвы вместе с авиазаводом перед войной и, будучи человеком социально активным (в Москве жил в коммуналке, вхож был в круг "ифлийской" молодежи и, вообще, творческой молодежи), читал лекции о международном положении, стал известным лектором, затем его пригласили преподавать в иркутских вузах. Диссертацию он написал, если не ошибаюсь в начале 50-х, но не защитил. По одной версии, поскольку угодил в борьбу с космополитизмом, по версии идеологически выдержанных товарищей на факультете – из-за того, что ему нужно было до кандидатских сдать госэкзамены, чтобы получить допуск к кандидатским. Самого его и его родственников я об этом не спрашивал. На факультете его историческую эрудицию не то, что не ставили под сомнение, а, напротив, подчеркивали – до восхищения.

Мне было ясно даже с темой "научной работы". Меня занимал всерьез вопрос о том, почему "массы" пошли за Сталиным, Гитлером, идут за Мао. Понятно было, что темой можно брать только нацизм. Что можно читать на китайском даже в голову не приходило, а иллюзия, что выучу немецкий, была (но не выучил, хотя в дипломе некоторые источники использовал с помощью словаря). Иллюзии, что можно всерьез исследовать 30-е годы в нашей стране, не было. Интерес к теме "психологии масс" был переплетен с интересом к психологическому знанию, а с первого-второго курса и к социологии. В конце первого курса мне преподаватель, которая вела семинары по истмату, дала прочитать "Социологию личности" Игоря Кона, тем же летом, если не ошибаюсь, прочел в библиотеке "Лекции" Левады, потом вышло первое издание «Социальная психология и история» Поршнева, позже сборник "История и психология". В общем, меня всё это сильно в понимании природы нацизма не продвинуло, ни о

Райхе, ни о Фромме (кроме имени), ни о других классических работах я толком ничего тогда не знал. Курсовые и диплом были довольно слабыми как работы по истории, до социально-философских или историографических тоже не дотягивали (точнее попадали между канонами научной работы на истфаке и методологической работы), но была проблематизация, углубление интереса к более стереоскопичной истории, чем та "методическая", которая лежала в основе нашего образования, и к методологии.

Нужно сказать еще об одном кружке и "наставнике". Это философский кружок. В силу какого-то эксперимента с учебными планами философия у нас преподавалась на первом курсе (мы были одни такими), и молодой преподаватель, который вел семинары по диалекту, Николай Сергеевич Коноплев как раз начал руководить философским кружком при кафедре, в который я сразу пошел - почему-то еще в старших классах считал, что буду заниматься философией. Сейчас могу твердо сказать об этих намерениях, вспоминая разговоры со школьными друзьями, но откуда это было, не восстановлю. Об истории философии представления были крайне смутные: Собственно, вот эти два кружка и работа над курсовыми были главным в моей университетской повседневности. Ну и очень значительную роль сыграло то, что я читал лекции о международном положении, был этим увлечен и это получалось. В общем, тут несколько повезло с тем, что эта деятельность выпала на эпоху разрядки.

Безусловно, есть какие-то эпизоды этой моей увлеченной деятельности, какие-то слова, за которые потом стало стыдно, неловко, но вот это совпадение с разрядкой придавало лекциям в 70-х в провинции тот смысл, который исчез позднее - убеждать в правильности и необходимости "разрядки", то есть чувствовать, что ты на эту разрядку и работаешь. Забежав вперед, скажу, что меня в этом смысле сильно отрезвила уже московская среда в аспирантские годы. Причем не диссидентские (и около) разговоры, а как раз среда московских "бойцов идейного фронта", которых приглашали на кафедру выступать (из МИДа или ЦК), которых слушал на семинаре общества "Знание". Там и тогда (это 1980-1982 гг., т.е польские и афганские дела) понял, что оказался в дурной компании.

Сейчас о лекторской работе своей должен сказать по двум причинам. Главная – благодаря лекторской активности, стал ездить и много по Иркутской области. Вторая – эта активность определила этап "трудовой биографии". Первая командировка была уже после первого курса. Она, кстати, случилась благодаря "социологической практике". Будучи кандидатом в студенты, я, как и другие одноклассники, не мог ехать на археологическую или этнографическую практику (командировка, какие-то выплаты и т.д., а нас нет в этих списках студентов), и для нас придумали социологическую практику в лаборатории при

кафедре научного коммунизма. В общем, все, кроме меня и двух однокурсниц, отправились на какой-то из заводов фиксировать бюджет рабочего времени, то есть стоять за спинами рабочих и записывать, сколько времени они работают, а сколько занимаются чем-то другим. Слава богу, я этого испытания избежал.

Нас троих решили использовать в каком-то социологическом исследовании, связанном с Усть-Илимом (который стал потом городом Усть-Илимском), дать изучить документы, а потом отправить туда в командировку. Мне как юноше доверили документы парторганизации поселка (девушки, соответственно, читали комсомольские и профсоюзные) – протоколы собраний и всяких пленумов, где вычитал массу интересного на тему: что сначала? обеспечить быт или совершить трудовой подвиг? Собираясь туда в командировку, мы решили, что заодно прочитаем лекции. Мирон Акимович рекомендовал нас в обществе "Знание", где пользовался огромным авторитетом. Кафедра в конце концов решила, что мы прошли социологическую практику и без поездки на место, а на Усть-Илим мы отправились в командировку от "Знания", т.е. как лекторы. Это были лекции в районе - в поселках, в бригадах, которые работали на трассе, и в бригадах, которые очищали "ложе будущего водохранилища", т.е. лихорадочно спиливали лес в зоне затопления. Потом были другие поездки по области, и мне это очень нравилось и, наверное, формировало больше, чем что-либо: наблюдения за жизнью, совсем неиркутской. Особенно любил молодые города – Братски Усть-Илимск, там появились друзья, в том числе, близкие. И совсем иные социальные миры, чем в "старом" городе. Много ездил по лес-промхозам в разных районах, с весны 1974 года, с самого начала строительства БАМа ездил в БАМовские поселки.

Ну а насчет "трудовой биографии": эта активность моя привела к тому, что стал отвечать за лекторскую работу в комитете комсомола университета, а на пятом курсе, когда затащивший меня на эту работу мой друг ушел на повышение в райком, стал заместителем секретаря, т.е. "освобожденным работником". В университете эта работа была живой и интересной. Сложнее было в среде комсомольских работников, это было совсем не мое. И среда была не моя. Но однажды (к этому моменту я год проработал в комитете) мне мой друг сказал, чтобы я не питал иллюзий, потому что по должности стою в резерве на его место и как только его переместят, я должен буду занять его должность в райкоме. Это для меня было невозможно, и я стал искать место работы. Хотел работать в школе: у меня уже был хороший опыт работы со школьниками, но не в школе плюс надежда на опыт лектора. И, узнав, что ищут учителя истории и географии в пригородном поселке в вечернюю школу, которая "обслуживала" три "зоны", расположенных рядом, я решил, что, во-первых, надо себя попробовать и, во-вторых, на такую работу должны отпустить "с комсомола". Съездил в по-

селок, договорился с директором школы обо всём, но в тот же день, вернувшись в город, столкнулся со своим приятелем по философскому кружку, который уже работал несколько лет на кафедре философии в одном из иркутских вузов. Он шел ко мне, потому что у них должно было освободиться место зав.кабинетом при кафедре, и у руководства кафедры было большое желание сделать этот кабинет живым и активным, вести кружок и т.д. Иначе говоря, им нужен был активный человек, увлеченный философией, которому можно было еще плюс к этому и учебную нагрузку дать. Дальше была история слишком запутанная и необязательная для пересказа, но к началу учебного года это место не освободилось, зато в университете заведующим кафедрой стал Николай Сергеевич Коноплев (кстати, и раньше убеждавший меня, что "хватит заниматься ерундой", имея в виду лекции о международном положении, а заниматься надо всерьез философией) и двое заведующих кафедрами договорились, что преподавать я буду в университете. Два учебных года я вел семинары по диалектике (который так и не стал мне интересен и преподавать, как не искал методические приемы, я его так и не смог) и истмату на пяти-шести разбросанных по городу факультетах по 20-24 часа в неделю. Это была сумасшедшая нагрузка. Плюс трудно было, что студенты – почти ровесники, ну и, конечно, что "марксистско-ленинская философия" – это не то, ради чего ребята пришли учиться в университет. С истматом было проще. У историков это было так или иначе связано с методологией истории, с концепциями исторического процесса – можно было обращаться к текстам от Плеханова до Гумилева прямо на семинарах, ну а, в первую очередь, к Марксу. Так или иначе это работало на профессию. На остальных факультетах это было скорее некое введение в "логику всемирной истории", в функции социальной теории и т.д., что тоже бывало интересно, особенно, гуманитариям, но не только.

Завершился этот сумасшедший период поступлением в целевую аспирантуру на кафедру философии гуманитарных факультетов МГУ осенью 1979 года. Одной из научных специализаций кафедры была методология исторического познания, и в аспирантуре выпускников провинциальных истфаков было не меньше, чем выпускников философских факультетов.

Методология исторического познания – что может быть интереснее в области соприкосновения истории, философии, науковедения и прочих наук? Какое направление Вы избрали? Историческое познание общества, государства, науки...? Кто был среди Ваших профессоров? Не приходилось ли Вам бывать в Институте истории?

Тему своей кандидатской, разумеется, хорошо помню, но стараюсь вслух лишней раз не упоминать: "Закономерности развития сознания масс". Эта дикая формулировка возникла как компромисс между моей смутной заявкой и

представлениями научного руководителя о том, как соединить интересную проблему с "проходимостью" темы. Свой интерес я бы определил как методологию исторической реконструкции сознания. Но в марксистской парадигме, во-первых, сознание было "общественным", а, во-вторых, история общественного сознания представляла формационной. Разобраться я хотел во всё той же проблеме принятия массами идеологической пищи, которую предлагают господствующие классы (простите за терминологию), и найти/выработать для этого инструменты анализа. В общем, проблему я видел как онтологическую, но считал, что для её исследования нужно решительно разрабатывать методологию (в результате, в диссертации предложил несколько новых понятий и возвел в статус понятий несколько формулировок Маркса). Диссертация вышла очень путанной, но работа над ней здорово продвинула меня. Потом, в середине 80-х я стал на её основе готовить монографию "Инерция общественного сознания" и тут подоспела перестройка. Некоторые идеи и выводы стали очень актуальными, но монографию на какое-то время я отставил как раз из-за своей включенности в перестроечную активность, а потом не вернулся. Благодаря работе над диссертацией, я отчасти самостоятельно, отчасти благодаря реферативным пересказам, изобрел важные для себя "велосипеды" - вышел на то, что было освоено школой "Анналов", понимающей социологией, Юнгом и на многое другое, прочитал внимательно многое у Маркса, Грамши, упразднил для себя почти всю советско-марксистскую литературу про общественное сознание (и уязвимость самого термина, кстати, показал в диссертации). Но работа над диссертацией – не самое главное для меня в аспирантском периоде. Во всяком случае, далеко не единственное. Важно, конечно, что я защитился практически в аспирантуре - через пару недель после её формального завершения - и вернулся в Иркутск кандидатом наук. Второе главное - это историко-философское самообразование, которое можно назвать систематическим. Формальным поводом была необходимость сдать кандидатский по истории философии, но мощным стимулом – ощущение собственного невежества и возможность слушать интересных людей.

В аспирантуре кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ были выпускники как исторических, так и философских факультетов. Рядом с выпускниками философских, естественно, отсутствие историко-философского знания остро переживалось. Я сделал несколько попыток послушать и какие-то курсы на истфаке МГУ, но быстро разочаровался – почти всегда вместо известных мне по работам светил исторической науки лекции читали их аспирантки и аспиранты. А вот на философском и на дневных, и на вечерних занятиях можно было найти интересного специалиста по любому периоду истории западной

философии. Я слушал регулярно Чанышева, Соколова, Майорова, Богомолова, и самых разных лекторов по "современной буржуазной философии".

По социологии, которая меня интересовала не меньше, я, увы, таких курсов не нашел, зато пристрастился к реферативным изданиям ИНИОНа, на основе которых (плюс некоторые книги) стал составлять представление о современной социологии. К интеллектуальным ресурсам надо еще отнести семинар Вас.Вас.Давыдова на психфаке МГУ, на котором был всего несколько раз, но благодаря дискуссиям на этом семинаре утверждался в своей методологической позиции и продвигался в осознании, что она у меня есть. Ещё один опыт аспирантских лет, важный в том числе для профессиональной траектории - опыт пребывания на кафедре, где работали вместе те, кто сидел и те, кто сажали (или мог бы сажать, если бы времена были соответствующие). Мой шеф, Григорий Георгиевич Андреев и другие симпатичные мне старшие коллеги либо отсидели (Андреев - 10 лет), либо подвергались каким-либо гонениям во время оно, а те, что помоложе, были активны в своей антидогматичности. И, в общем, я угодил в самое горнило, оказался в центре скандала, чуть не вылетел из партии и, соответственно, аспирантуры и профессии, но не дошло даже до рассмотрения персонального дела, хотя моей крови требовали. Судя по всему, это была атака на моего руководителя, его товарищей, и заодно на молодого завкафедрой, который был в то время, одновременно, замминистра. Видимо, последнее обстоятельство меня и спасло, поскольку он был крайне заинтересован в том, чтобы скандал погасить (да и человек был достаточно человечный и, уверен, что он крови никакой не хотел).

И в период аспирантуры произошло еще одно из самых важных событий в моей жизни - знакомство с Михаилом Яковлевичем Гефтером. Сначала - с его статьями и выступлениями, с книгой "Историческая наука и некоторые проблемы современности" (он вдохновитель, составитель, редактор и автор этой книги), а затем - личное знакомство. Личное знакомство состоялось за несколько дней до моего отъезда из Москвы. Инициатором была коллега по кафедре, которую я как-то спросил о Гефтере, узнав, что она работала в секторе всемирной истории в Институте истории. Это Ирина Александровна Желенина, с которой у нас возникли очень добрые отношения в ходе как научных, так и околополитических событий на кафедре. И когда я уже ходил с обходным листом, она спохватилась, чтобы такое подарить мне на прощание. И подарила. Позвонила Гефтеру и договорилась, что вечером я приду к нему. Вот эта встреча, моё впечатление от общения с ним, и возникший его интерес ко мне оказали огромное влияние на мою последующую жизнь.

Вы спросили, бывал ли я в Институте истории. В аспирантские годы нет. Известные люди из института иногда выступали на методсеминарах кафедры,

но я впервые в Институт истории попал только в 1990 году и сразу с докладом - на семинаре Арона Яковлевича Гуревича. До этого много воды утечет и сильно изменятся мои занятия, трансформируются исследовательские интересы.

Вообще говоря, в спешке отправить Вам вопрос я не дописал то, что хотел. Я имел в виду Институт истории естествознания и техники, мне казалось, что ряд исследователей этого института успешно работали именно в той области, которую Вы разрабатывали...

Вас интересовали (допускаю, что и сейчас интересуют) логика и стиль работы Гефтера или какие-либо его конкретные положения, выводы?

Если даже выбирать между двумя предложенными вариантами, то выбор невозможен. Прежде всего, "логика и стиль", которые при первой нашей встрече я определил для себя не без пафоса как "мужество ума". Если расшифровывать формулу, то это стремление исследовать вопрос, освобождаясь от интеллектуальных зажимов, ради того, чтобы в вопросе разобраться, а не подтвердить или опровергнуть какую-то позицию. И постановка самых существенных вопросов без каких-либо зон внутреннего запрета. Очень важным в те годы для меня было то, что Михаил Яковлевич уже прошел как историк свой "истматовский" период, в котором я в те годы находился. Причём прошел, зная Маркса и Ленина глубже, чем кто-либо из известных мне авторов. Философская работа и профессионализм историка сочетались в его рассуждениях вслух и в текстах по-разному, но всегда органично и инструментально. А предметом этой постоянной работы (25 часов в сутки) была история России, точнее, её настоящее, а еще точнее - история России как её настоящее и ключ к будущему, антропология российского развития. Что касается выводов и положений, я бы сказал, скорее, о мире понятий, которыми пользовался Гефтер и которые разрабатывал: мир миров, история как способ существования человека и как "тело внутри человека", альтернативность истории, многоукладность России как потенциал развития. Но основным всё-таки надо назвать влияние личности Михаила Яковлевича и личного общения, в этом влиянии невозможно разделить интеллектуальное и человеческое. Мы быстро сблизились. Каждый раз, бывая в Москве, я обязательно приходил и не один раз, и не на час-другой. А осенью 1985 года удалось "вытащить" его в Иркутск. Эта поездка, по словам близких, оказалась важным событием для него, выходом или импульсом к выходу из психологически тяжелого состояния после обысков 1982 года, угрозы "посадки", посадок молодых друзей, в делах которых он активно участвовал. Если говорить обо мне, то дружба, душевная близость с Гефтером, участие в том "незримом колледже", который годами сложился вокруг него, стали главным катализатором "разгосударствления мозгов" и определили отношение к собственной интеллектуальной работе.

Я понял, что монографию «Инерция общественного сознания» Вы не издали, но не могли бы Вы рассказать, в чем суть этой концепции. Оставили ли Вы разработку этого понятия (феномена) полностью или нашли в этой теме какие-либо новые области интереса и сосредоточились на их анализе?

Суть концепции довольно тривиальна сегодня – устойчивость некоего типа общественного сознания, который воспроизводится в социальных отношениях, в том, что сейчас мы назвали бы способом социальности. А манипуляции, пропаганда, "идеологическая работа" - это лишь некая верхушка на том, что является общим как для власти, так и для "масс". И само понятие "общественное сознание" - одно из центральных в марксоидной схоластике, я пытался там показать как процесс, как взаимодействие индивидуального и коллективного. Когда я сказал, что эту кабинетную работу отложила и, в общем, похоронила перестроечная активность, то имел в виду не только свою активность "политическую", а не меньше активность историка за пределами кабинета и библиотек. В принципе, именно мой предмет - как "общественное сознание" обновляется и как при этом внешнем обновлении не меняется нечто устойчивое и неотрефлексированное – стремительно актуализировался. И всё совпало у меня в середине 80-х: потребность выйти в своей работе из библиотек, социальная активность, выход предмета исследования "на улицу", экраны ТВ и страницы журналов, газет, запрос на людей внятно пишущих о социальных процессах. Именно в 1986 году, когда товарищ привез мне из Франции первый диктофон, я занялся устной историей, расспрашивая о прошлом сначала родных и близких, а затем самых разных людей, в которых видел носителей уникальных воспоминаний. Кстати, в мае 1986 года начал последовательное биографическое интервью с Гефтером. С ним беседовали под запись многие, больше всего, конечно, Глеб Павловский, но это в основном проблемно-тематические диалоги и интервью. Я же пытался держать биографическую линию. Мы брали с Гефтером и какие-то темы и проблемы методологические или историософские, но почти всегда в биографическом контексте, тем более, что такая переплетенность методологической и автобиографической рефлексии была стилистической характеристикой мышления Гефтера. В сумме это более полусотни часов аудиозаписи, которые велись примерно до 1990 года, хотя хронологические лакуны в этом биографическом повествовании сохранились. В 1988-1989 годах мы с группой моих бывших студентов (я тогда ушел из университета в академию наук) собирали в редакциях газет и журналов в Москве и Иркутске письма читателей, которые обращались к истории, откликаясь на публикации или рассказывая свои семейные истории. Собрали архив, небольшую часть которого только в прошлом году смогли обнародовать, сделав небольшую книгу "Письма об истории и для

истории". И всё это, конечно, сопровождалось попытками писать иначе, чем писал раньше для философских сборников и журналов. Собственно, монография у меня "провисла" не только из-за занятости и динамики интересов, но и в силу того, что диссертация и последующие статьи были написаны на "птичьем языке", который я никак не мог перевести на язык, на котором стремился писать - более пригодный для эссе, чем для диссертаций/докторских монографий. В 1988 году возник еще один предмет интереса – места памяти. Он оформился, когда французские коллеги предложили написать статью для большого сборника о местах памяти в Восточной Европе и СССР. Устная история, социальные эффекты представлений об истории, коммеморация и места памяти – это темы, которые с того времени и до сей поры для меня в круге основных интересов.

Какие формы имела Ваша перестроечная активность? Была ли она следствием влияния идей и личности Гефтера?

Перестроечная активность была не результатом чьего-либо влияния, а, скорее, продолжением активности, которую можно условно назвать "просвещенческой" и "организационно-образовательной". Самым важным моим делом внеучебным и внеуниверситетским еще до перестройки стал Летний университет для старшеклассников, который по своей инициативе, привлекая друзей и студентов, я стал организовывать с 1979 года. У этого была личная предыстория - еще в студенчестве меня старшие товарищи по кружку международников привлекли к работе в лагере старшеклассников, которая оказалась совсем «моей». Это была "школа комсомольского актива", но никаких занятий про комсомольскую активность я там не вел, да и не мог бы вести - сам был далек тогда от этого, а работал "на отряде", то есть, попросту говоря, жил вместе с ребятами чуть младше меня из разных городов и районов области, отвечая за их здоровье и внеучебную активность (к которой не надо было побуждать). А после окончания университета два года работал в Летней физматшколе, где, к сожалению, было деление на преподавателей (т.е. физиков, математиков, химиков) и "воспитателей" (которыми могли быть и гуманитарии). Вот, собственно в физматшколе у меня и возник вопрос, почему бы не создать подобную для гуманитарно ориентированных ребят. В 1979 году, как раз перед поступлением в аспирантуру это удалось, а дальше уже было невозможно не проводить, потому что ребята хотели собираться. А собираться просто нельзя было, надо было организовано, то есть иметь какую-то официальную "крышу" и при этом быть независимым в самой работе с ребятами и в привлечении тех, кто работал, плюс проводить набор ребят. Каждое лето до 1985 года мы собирались (то есть всего семь раз) на две или три недели - в разном количестве и под разными официальными "крышами", в зависимости от того, где работал тот, к кому на этот раз я обращался за поддержкой. В общем, поддерживали меня из старых добрых

отношений и/или ожиданием, что можно включить в отчеты как интересные формы работы с молодежью. Дважды получилось так, что работали на грани риска, то есть "крыши" в последний момент не оказывалось, в пионерлагере занять места было нельзя, и вынуждены были собираться на какой-нибудь большой деревенской усадьбе. Это был риск, поскольку не физикой с математикой занимались и "припаять" можно было что угодно, а для обвинений было достаточно и то, что проводится летний лагерь без соответствующего санконтроля/санприемки и прочего необходимого. В общем, Летний университет - это отдельная песня. В "профессиональной биографии" он важен по нескольким причинам. Первая: моя лекторская активность перешла в образовательную деятельность такого рода, где и лекции, и дискуссии, и рождение каких-то новых активных форм сочетались ради результата, а соблюдение формы и канона имели всё меньше значения. Вторая: от, можно сказать, "шестидесятичной" утопии по соединению интереса к политике с культурно-гуманистическим знанием (эта идея лежала в основе программы первого Летнего университета - мне не давало покоя, что гуманитарно ориентированные люди аполитичны и антиполитичны, аполитически заостренные часто просто малокультурны) я вместе со своими товарищами (и во многом благодаря им) пришел просто к поиску интересных увлекающих форм гуманитарного образования. А произошло это потому, что Летний университет стал тем, что Гефтер назвал, когда в Иркутске побывал на паре наших осенних собраний-семинаров, "импровизацией равенства". В общем, образование для меня в целом стало импровизацией равенства. Это и совпало с персональным случаем "разгосударствливания мозгов" и было важной частью этого разгосударствливания. И третий важный для моей будущей траектории результат Летнего университета - в нём возникли отношения с людьми, бывшими тогда школьниками или работавшими там, которые соучаствовали позже, и вплоть до сегодняшнего дня в разных коллективных проектах.

К той же просветительской активности можно отнести философский кружок, которым меня нагрузили на кафедре, когда я вернулся из аспирантуры, и который как-то быстро превратился в многолюдный философский клуб - по форме и по сути дискуссионный. Лекции по истории философии перемежались с дискуссиями по разным гуманитарным и культурным проблемам. Но клуб, как и всякие дискуссии, привлек любителей агональных споров. Поэтому примерно в 1986-1987 году с частью ребят (в основном, историков) мы создали неформальный семинар "Историческое сознание", позднее ставший домашним, бросив любителей поспорить и пофилософствовать на попечение моей коллеги. Да, и из этого же клуба вырос годичный (если не больше) еженедельный курс устных очерков по истории культуры, который мы проводили уже не в университете, а в здании храма, которое занимал тогда музей и которое сторожил мой

друг, работавший на нашей кафедре лаборантом. Невероятно бурная и многосторонняя жизнь была, и началась она до объявления гласности и перестройки.

При этом под политический удар попал серьезно только один раз - в конце 1986 года. Трое студентов истфака, приятели и собутыльники, написали на ноябрьских праздниках антисоветские лозунги на факультетском здании - где-то со двора. Всё бы ничего, но службы были начеку, потому что ловили и никак не могли поймать кого-то писавшего лозунги по крупному и на видных местах. наших ребят стремительно взяли, шум поднялся и, в общем, школу тюрьмы, хоть и краткосрочную, они прошли. А в университете нужно было найти виноватого и всё как-то сошлось на мне: лидер ребят был вообще моим дипломником и взял тему по новым левым, другой парень иногда бывал на философском клубе и брал у меня книжки по антиутопии. А я был фигурой для битвы удобной, потому что работал на общеуниверситетской кафедре, и руководители университета могли не связываться с историческим факультетом, который мог постоять за себя (за меня он, кстати, постоял). И на университетском партсобрании (на котором я удачно не был из-за учебных занятий) ректор сделал главным обвиняемым меня, воспользовавшись текстом ("справкой"), написанным моим завкафедрой. Там был замечательный речевой оборот обо мне как преподавателе, который не имея базового образования, не смог воспитать в студентах диалектико-материалистического мышления и вместо этого знакомил их с концепциями буржуазной социологии. Дело в том, что после аспирантуры я действительно сделал спецкурс для историков, который назвал то ли современная буржуазная социология, то ли современная западная и, в общем, по просьбе факультета (родной кафедры) его читал для тех, кто специализировался на всеобщей истории. Содержание курса - отдельная песня, а в основе были книги Кона, Ионина, сборники ИНИОН, "Американская социология", а затем "Структура социологической теории" Тернера, которая была переведена, если не ошибаюсь, в 1985 году. Не буду вдаваться в перипетии этого эпизода. В общем, каяться не стал, а коллеги по кафедре и товарищи с факультета активно меня защищали, из партии и университета не исключили и ректор даже извинялся.

Политическая активность, когда в стране и городе возникла политическая жизнь, стала продолжением активности просвещенческой. Осенью 1987 года возник (в общем, с моей подачи) городской дискуссионный клуб, весной 1988 года на фоне митинговой активности он стал многолюдным (по 150-200 человек пару раз), а к моменту партконференции уже пошел процесс создания Народного фронта, я был в оргкомитете наряду с неформалами, а во время партконференции (это июнь) в самом популярном месте центра города у нас был ежевечерний гайд-парк. Правда, осенью, когда было объявлено о создании

Народного фронта, это было одновременно и его концом - уже возникали квазипартии - но тогда был уверен (и сейчас, в общем, так думаю) вся эта активность, в которой вместе участвовали самые разные по степени радикализма и взглядам лидеры, сыграла роль позитивную. Во всяком случае, удалось сохранить некое сотрудничество, создать самые разные институты социальной активности и при этом удерживать радикальных бунтарей от конфронтации. Отошел я от этого всего как раз в конце 1988 года, когда был создан/завершен Народный фронт, вёл еще некоторое время дискуссии в одном из клубов гражданских инициатив, участвовал во всяких дискуссионных семинарах. А другие лидеры почти все ринулись в политику - выборы, создание партий и т.д. Я себя в этом совсем не видел.

А что с записями бесед с Гефтером? Вы транскрибировали их? Публиковали фрагменты? Делали общий анализ?

Копии всех записей разговоров с М.Я. я передал еще в конце 90-х в общий гефтеровский архив, который создавали Глеб Павловский и Елена Высочина. Там они и хранятся вместе с транскриптами. Позднее я записи оцифровал. Какие-то фрагменты публиковались на гефтер.ру в последние годы, но книга откладывается и откладывается. К записям как к биографическому повествованию обращаюсь, когда пишу статьи о советском идеализме, сопоставляю с человеческими документами других представителей поколения «ровесников Октября». К сожалению, даже отдельной статьи об этом поколении до сих пор не написал, только по несколько страниц в статьях о поколениях советских идеалистов. Надеюсь, что напишу главу в книгу о советском идеализме, большинство глав для которой готовы.

Поколение это – ифлийцев и предвоенного истфака МГУ – меня всегда очень привлекало и было мне по-человечески близко. Дружба с М.Я. отчасти и этим объясняется. Своё отношение ко мне во всяком случае он как-то объяснил моей похожестью на его студенческих товарищей. Необходимость и трудности работы над книгой о советском варианте (назовем это так) социального идеализма связаны в том числе и с необходимостью интроспекции и с необходимостью собственной рефлексии по поводу автобиографической рефлексии Гефтера, чтобы избежать использования его повествования в качестве иллюстраций. С записями Давида Самойлова, скажем, или мемуарами некоторых их ровесников мне проще дается процедура отстранения, но писать об этом поколении, отложив в сторону фонд своих разговоров с Гефтером, я тоже не могу.

Кончались 80-е, начинались 90-е. Какие изменения происходили в Вашей профессиональной жизни?

Изменения происходили радикальные, хотя при этом каждая из этих новых траекторий историей уходит в предыдущий период. Постараюсь перечислить их с краткими комментариями.

В 1988 году я ушел из университета в Иркутский научный центр Сибирского отделения Академии наук. Там была небольшая кафедра философии, функцией которой была подготовка тех, кто работал над диссертациями, к кандидатским экзаменам. Когда мне предложили туда перейти, я то ли обещал подумать, то ли сразу сказал, что вряд ли уйду из университета. В голове, действительно, не умещалось, как можно уйти из университета и, особенно, от исторического факультета. Но хорошо помню момент, когда я принял решение. На кафедре было заседание: то ли партсобрание на какую-то тему, то ли методсеминар. И где-то на втором часу этого заседания мне вдруг стало не по себе от мысли, что вот эта бессмысленная говорильня тоже входит в должностные обязанности, и нам за неё платят зарплату. Вспомнил планерки у отца, когда в детстве бывал у него на работе в аэропорту, бывал и в студенчестве, приходя по каким-то делам, и представление о разговоре «по делу» у меня прочно было связано с этим образом: от четкости обсуждения задач зависело, в каком состоянии самолет будет поставлен на рейс – отец отвечал за межполетное техобслуживание самолетов. А эта говорильня, которая поддерживалась людьми, имевшими к философии чисто формальное отношение, «достала» меня. К тому моменту еще и стало ясно, что идея разделить кафедру и таким образом оставить «идейно-выдержанных» разговаривать друг с другом, не поддержана и похоронена. С этой идеей я носился, аргументируя её тем, что преподавание философии гуманитариям и естественникам – это разные задачи, разное содержание, и если их не разделить организационно, то мы не приблизим наши курсы к интересам студентов. Кстати, случилось так, что тогда чуть ли ни в один день, не советуясь друг с другом, с кафедры ушли кроме меня еще четверо коллег, как раз те, с кем было взаимопонимание.

Несколько лет, которые я проработал на кафедре в Академии, до сих пор воспринимаю как некий «золотой век». Это касалось и преподавания, и научных занятий. Все идеологически предписанные стандарты в преподавании тогда пошатнулись, вместо «марксистско-ленинской методологии» аспирантам естественно-научных специальностей (а других нет в Иркутском научном центре) нужно было преподавать что-то такое, в нужности чего они бы не сомневались. За этим меня, собственно, и пригласили. И, разумеется, это была история философии, на которую любознательные «естественники» ходили с удовольствием и иногда не только те, кому предстояло сдавать экзамен. И общая атмосфера, режим были такими, что можно было работать над текстами днями и неделями, а не в паузах между занятиями и заседаниями. И на исходе восьмидесятых я стал,

наконец, писать в той стилистике, к которой стремился, на близком мне языке и с естественной для меня интонацией.

В это время написал важные для собственного движения статьи в жанре научного или философского эссе, в основном, для коллективных книг, которые собирали европейские коллеги (Франция и Германия), и московских журналов. Кажется, упоминал уже, что в 1988 году написал статью о местах памяти и о том, что называют теперь войнами памяти, для сборника в популярном французском издательстве. В 1989 году лаконичное словарное эссе «Ментальность» для франко-советского проекта «50/50. Опыт словаря нового мышления», в 1990 году для сборника, посвященного пятилетию перестройки, вышедшего в Германии - большую статью «История: ответы без вопросов» о бурной динамике «пересмотра истории». Вспоминаю эти и другие эссе не только потому, что эти тексты важны для меня (и были, и есть), а потому что история запросов на них или их публикаций выпукло характеризуют ту эпоху.

Теперь, несколько эпизодов всей этой работы. Замысел «словаря нового мышления» принадлежал Гефтеру и Веронике Гаррос. Вероника – очень талантливый историк, друг Гефтера, ставшая и моим близким другом, в то время работала в московском корпункте «Монд». Не знаю, кто первый из них высказал идею – скорее всего, родилось в разговоре, но именно они придумали словарь социального знания, в котором каждое понятие раскрывалось бы парой статей – от французского и советского авторов. Вдвоём набросали первый словарь, наметили возможных авторов, так я попал в авторы. Но в Москве книгу готовил «Прогресс», в издательстве резонно захотели, чтобы с «нашей стороны» писали люди известные: приглашают Андрея Дмитриевича Сахарова, Юрия Александровича Леваду и многих других, чьи имена были на слуху. Про ментальность просят написать Арона Яковлевича Гуревича. Об этом я ничего, конечно, не знал. Но когда книга собирается, выясняется, что содержательно необходимы и моя, и его статьи. Поэтому в книге на каждое из понятий по две статьи, а про ментальность – три, с тремя разными подходами. Иначе говоря, подходы делятся не только на западный и советский уже в 1989 году.

Эссе «Память, выбирающая псевдонимы», написанное для французов, я публикую в 1990 году в альманахе, который выходил в иркутском издательстве. Вдруг осенью 1990 года в издательство звонят из «Свободной мысли», которую тогда редактировал Игорь Дедков, и спрашивают, могут ли переопубликовать у себя. Выясняется, что редакция бывшего «Коммуниста», радикально обновляя журнал, столкнулась с дефицитом авторов и текстов и стала методически просматривать региональные издания. История, которую невозможно было представить до конца восьмидесятых и очень трудно представить сейчас (дефицит

может и есть, но никто из столичных редакторов так жертвовать временем и усилиями на поиск авторов, пожалуй, не будет).

Еще более яркая история случилась с докладом «Устная история как философия памяти». Написан он был для участия в ежегодном европейском конгрессе по устной истории, на который меня пригласили после первой в стране конференции по устной истории, организованной историко-архивным институтом и «Мемориалом» осенью 1989 года. Но советская делегация уехала на конгресс в Германию без меня, поскольку у меня не было немецкой визы – делегация состояла из москвичей, они коллективно делали визу и как-то упустили, что меня либо надо включить в этот процесс, либо предупредить, чтобы приехал в Москву заранее и занимался визой сам. Обнаружилось это всё, когда я уже прилетел в Москву, доклад мой на английском был прочитан во Франкфурте московской коллегой. Это был и остается важный для меня текст, написанный практически за ночь; мне через пять лет Даниэль Берто сказал, что помнит этот доклад. А тогда, весной 1990 года, застряв таким образом в столице, гулял по Москве и вдруг на Арбате увидел вывеску журнала «Общественные науки». Русский текст доклада лежал в сумке, и я понял, что данный журнал – чуть ли не единственное наше издание, в котором текст в такой стилистике может быть опубликован. Зашел в здание, но в редакции никого не было кроме вахтера. Попросил вахтера передать статью сотрудникам. Вернулся в Иркутск и через пару недель получил открытку из редакции с сообщением, что статья будет опубликована в ближайшем номере. А из других событий конца восьмидесятых, наверное, стоит упомянуть первую зарубежную конференцию, хотя она была не научной, а такой публицистической – социально-философские доклады вперемешку с программными выступлениями социально-активных людей из России и в таком публичном месте – в зале Национальной библиотеки. Конференция к 200-летию Великой французской революции была посвящена сравнению двух революций – французской и нашей. Доклад у меня был всё-таки социально-философский, но резонанс был совсем в «перестроечном» духе, вопросы, затем встречи, предложения и т.д. Но по этому, философско-публицистическому пути я далеко не пошел, хотя был в разные годы в разных изданиях и колумнистом, и эссеистом. Ближе уже было исследование на основе человеческих документов, конструирование источников и их анализ. Поэтому упомяну второй знаковый для меня доклад с бурной дискуссией, летом 1990 года – на семинаре у Арона Яковлевича Гуревича. Выступал я как раз с докладом об устной истории как новых отношениях между памятью и историей. В обсуждении участвовали Г. Кнабе, Е. Мелетинский, Ю. Бессмертный и другие «гранды», занимавшиеся антропологическими аспектами истории.

В 1992 году золотое время резко сменилось ситуацией профессионального «выживания». В Иркутском научном центре сменился председатель и начал реорганизацию с создания новых управленческих структур, сокращая штат структур неуправленческих. Наша кафедра была сокращена до одного человека, я не стал возвращаться в университет, а сосредоточился на новом проекте, уже набравшем обороты к моменту ликвидации кафедры. Проект был командный, возникший из разработанной новой образовательной технологии. Мы называли её «штудиями», а в публикациях и других публичных текстах студиями развития гуманитарного опыта. Выросла эта история из двух оснований: из стремления найти какие-то интересные формы общего философского образования и из того, что я попал по разным причинам как стажер на пару входивших в моду психологических тренингов для управленцев. Формы философского образования нефилософов меня волновали из-за нестыковки между функциями философии и учебным процессом (что в университете, что при подготовке к кандидатским). Особенно раздражал экзамен как таковой: что я должен оценивать в баллах? Культуру мышления? Умение сомневаться методически? Если знание темы, то зачем оно оценивается у людей, в круг профессиональных интересов которых эта тема не входит и вряд ли войдет. Значит, баллы ставятся за эрудицию и не столько философскую, сколько общегуманитарную. В общем, тоже важно, в том числе для естественников, но докажите физику или врачу, сдающему кандидатский по философии, что это не лишняя для него нагрузка: лекции послушать может и интересно, но учить десятки вопросов в билетах – занятие, которое может навсегда от философии отвратить. А к психологическим тренингам у меня возникло двойственное отношение. Неприязнь к явным элементам скрытой манипуляции, к эпизодам «душевного стриптиза», когда чьи-то личностные проблемы «вытаскиваются» на общее обсуждение. Но я увидел, что люди, придумавшие когда-то эти формы коллективной работы, поставленные теперь на поток как некая технология и бизнес, были людьми, начитанными в античной философии.

И возникла идея заниматься философией в режиме «коллективного погружения» через совместное решение каких-то задач, дающих выход на философский уровень разговора и обсуждение проблем. Основа для такой работы – разность жизненных, профессиональных, интеллектуальных (в том числе и философских, если они есть) опытов, а, значит, и их равенство. Первые же пробные студии привели к тому, что некоторые из участников стали разрабатывать свои модули по разным гуманитарным компетенциям (если пользоваться термином образовательной бюрократии): по стилистике, логическому мышлению, восприятию живописи и т.д. И вот эти разработки оказались в тот момент настолько кстати, что мы создали образовательный центр, работающий со школами.

Нужны мы оказались «инновационным» школам, особенно в молодых городах области, где образовательные поиски в школах были особенно живыми, на что были тогда свои причины, о чем разговор отдельный. Мы проводили свои студии как с учителями, так и со старшеклассниками, и нас после примерно двух лет работы пригласили в институт повышения квалификации работников образования («институт усовершенствования учителей», говоря прежним языком), переживавшем кризис. Главной нашей задачей в институте были курсы «учителей-исследователей» - подготовка к кандидатским экзаменам, помощь в определении темы научной работы и т.д. Некоторые учителя, действительно, начинали работать над диссертациями, но большинство приезжали/приходили на наши курсы, потому что им нечему было учиться на курсах по тем предметам, которые сами преподавали – они знали и умели гораздо больше, чем преподаватели института, некоторые из которых в школе никогда не работали. Главными предметами у нас были история философии, философия и социология образования, и это было интересно и нужно «продвинутым» учителям.

Так в девяностые годы я оказался активным работником системы среднего образования. Что же касается научных занятий, то, во-первых, появилась еще одна центральная тема – сибирский фактор в развитии России, а, во-вторых, вдруг выяснилось, что я занимаюсь социологией. В общем, собирая биографические повествования в Иркутске и других городах области, где бывал, работая со школами, я уже занимался социальной историей и антропологией Сибири, но в 1993-1994 году пришел, благодаря участию в конференциях и работе над статьями, к идее создания социокультурной карты Сибири и к убеждению, что без такой карты всякий социально-экономический и политический анализ необоснован. Важным стимулом стала работа над главой о Сибири для трехтомной (если не ошибаюсь) книги *Post-Soviet Puzzles* по предложению Клауса Сегберса. Глава вышла довольно большой. Плюс вышло еще несколько статей на французском и русском. А когда я только начинал эту работу, то получил свой первый грант. Это был грант только что созданного Московского общественно-научного фонда. Было это в 1994 году. Второй (и последний индивидуальный) грант я получил уже в самом конце девяностых от фонда Сороса, но не на научные занятия, а как премиальный по аналитической журналистике. Премией стало финансирование поездок по Сибири, и в течение 1999 года я сделал семь больших маршрутов по разным сибирским регионам, собирая впечатления и биографические интервью. А в социологическом сообществе я оказался, получив в 1995-96 годах стажировку в Париже по программе стипендии Дидро. Дело в том, что Даниэль Берто был соруководителем франко-российского проекта по изучению социальной мобильности в России 20 века на основе метода истории семей. В проекте работали московские социологи, благодаря чему собран-

ные (и затем представленные в итоговой книжке) истории семей, как правило, если не разворачивались в Москве, то в Москве сходились. И Берто узнал от моих французских друзей, что в Иркутске есть историк, активно занимающийся устной историей. Он пригласил меня в проект вместе с моими материалами, а я так узнал, что занимаюсь биографическим методом и приобщился к методу истории семей. Историю семей, кстати, я и сейчас считаю недостаточно оцененным методом, крайне редко используемым. Кроме изящного исследования супругами Берто ремесленного хлебопечения во Франции, когда и был разработан метод, по сути, ни одной известной работы. Благодаря стажировке у Берто, я попал осенью 1996 года на первую конференцию по биографическому методу в России. Её проводил Центр независимых социологических исследований (и это была их первая крупная конференция, если не ошибаюсь). За несколько месяцев до конференции Виктор Воронков был в Иркутске и захотел встретиться со мной, чтобы посмотреть, кого это Берто рекомендует для участия. Так мы познакомились с Виктором, хотя, как выяснилось потом, когда Виктор жил в Иркутске в семидесятых годах, мы просто всё время ходили где-то рядом – и в университете, и в городской жизни. С этой конференции начинается моё участие в социологическом сообществе, активное сотрудничество с ЦНСИ, хотя я продолжаю считать себя историком, занимающимся социальной историей, но не социологом. Потом были другие конференции и публикации. Всегда на сибирском материале и, в основном, на биографических интервью, а в начале «нулевых» годов эти занятия и, в том числе, сотрудничество с ЦНСИ привели к новому этапу и в профессиональной траектории и в жизни, к этапу внесударственного существования.

Визу, очень плотное у Вас было время... еще до начала нашего интервью я знал Вашу статью «Устная история» - философия памяти», но вопросов по этой проблематике не задал, ждал, когда мы естественно подойдем к данной теме. Мой интерес ней – очевиден. Более 10 лет я провожу интервью с российскими социологами (http://vk.com/oralhistory?w=wall-44076811_69), уже набралось свыше 130. Проведение интервью завершается, во всю думаю о методологии анализа это огромного (порядка 300 авторских листов) массива. Я полагаю, что – планируя или не планируя – я фактически вошел в пространство «Устной истории», но слабо ориентируюсь в нем. К каким концепциям и методам «Устной истории» Вы порекомендовали бы мне присмотреться повнимательнее? Моя цель – от анализа отдельных биографий через изучение жизненных траекторий семи поколений российских социологов предложить вариант истории советской и (уже можно говорить) постсоветской социологии.

Хотя я и отложил ответ, но сейчас формулирую именно то, что сразу пришло в голову. Меня этот вариант увлекает как потенциально очень плодотворный для уникального банка интервью, конструируемого Вами. И предлагаю я обратиться не к концептам "устной истории", а к методам анализа биографических повествований, родившимся в социологии.

На первом этапе это подход к анализу биографических интервью, который предложил Валерий Голофаст (см. его статью в материалах конференции "Биографический метод в исследовании постсоциалистического общества", ЦНСИ, 1997). Он выделил три слоя в биографическом повествовании, которые кратко можно назвать 1) рутина (т.е. повседневное, привычное и т.д.) 2) события (как общие, исторические, так и семейные, личные, экзистенциальные) 3) скрытое (как рассказчиком от спрашивающего, так и от самого рассказчика). Я использую этот подход при триангуляции. И это дает очень сильный эффект. Разность опытов, дисциплин, возраста участников триангуляции приводит к объемному взгляду на любой биографический текст и дает веер гипотез и интерпретаций, к "вскрытию" очень многого скрытого от того, кто брал интервью. Эту процедуру я бы и провел на первом этапе, выделив для неё по 2-3 интервью от каждого из поколений. Трудность в том, что 20 интервью (если выделено 7 поколений), то это 20 очных (обязательно!) семинаров. Иначе говоря, для этой работы нужно проводить специально конференцию/семинар/коллоквиум/школу. Причем, её не стоит проводить в ходе какого-либо учебного курса. Именно потому, что нужно свести людей из разных дисциплин и поколений. А вот второй этап, на котором в анализ включается весь массив, собранный вами, можно проводить и заочно (вряд ли это по силам одному человеку – нужна команда под вашим руководством). И этот этап я бы построил по аналогии с методом истории семей Берто, т.е. сопоставил бы, что разные поколения выделяют в качестве событий (прежде всего) и как по-разному смотрят на одни и те же события, как описывают рутину профессии и что оказывается скрытым. Это работа сопоставимая (и по объему, и по возможному результату) разве что с тем, что Р. Коллинз сделал по социологии философий, но собранный вами материал уникален и, соответственно, есть потенциал для решения очень масштабной задачи. Тематическое кодирование на таком массиве мне кажется делом невозможным именно по объему, а "история семей" по модели Берто вполне инструментальна.

Закончились 1990-е, уже прошло полтора десятилетия нового века... На ваш взгляд, что удалось сделать в области методологии и технологии анализа, какие из теоретических и прикладных результатов вы могли бы назвать как главные?

Трудный вопрос. Профессия предполагает, что предъявление стоящих результатов – книга. Последние полтора десятилетия в биографии сложились таким образом, что, создав в 2002 году Центр независимых социальных исследований и образования в Иркутске, я оказался в плотной зависимости от коллективных проектов. Большинство из них вполне результативно, но их довольно много и они неизбежно проходят в разных проблемно-тематических полях. Центр возник благодаря работе над книгой, вышедшей в 2002 году под названием «Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты». Её жанр обозначен как альманах-исследование. Это была первая реализация давнего моего замысла – социокультурная картография Сибири, которую создавали бы сами сибиряки. Замысел удалось осуществить, когда мой друг историк, работающий в Иркутском университете, Виктор Дятлов, специалист по изучению диаспор, миграций и т.д., получил грант на большой коллективный проект от фонда Форда. Общая тема проекта «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе» была мне глубоко чужда, но Виктор предложил в его рамках направление по исследованию региональной идентичности. Вот это направление я с его согласия и выстроил как коллективную работу над социокультурной картой в текстовом виде. Для этого был мощный ресурс – гуманитарии разных специальностей, живущие в разных городах, поселках, деревнях края или выросшие в них и плотно с ними связанные. Среди этих гуманитариев были и учителя (спасибо предыдущей работе в среднем образовании), и университетские преподаватели, а потом появились и студенты. Задача была сложной не только потому, что принципиально новая – «исследовательское краеведение» или, если угодно социологическое вместо лирического, сентиментального – но и потому что была методологическая трудность. Авторами должны были стать люди, плотно связанные с полем и нужно было не только дать им арсенал исследовательских методов, но и выполнить процедуру остранения поля. Поэтому необходимой частью исследования были образовательные семинары, внутри которых происходило то, что мы называли коллективными лабораториями. Образовательный опыт, наработанный на гуманитарных студиях, оказался звеном методологии исследования: на каждом этапе, начиная с замысла индивидуального исследования и будущего текста, автор выносил свой проект и полученные результаты на обсуждение других авторов, живущих в других локальностях, в чем-то схожих, чем-то особенных. Ощущение уникальности, эмоциональная окраска суждений рассыпалась, предрассудки становились предметом саморефлексии автора, привычные мнения требовали верификации. Иначе говоря, мы создавали карту не в экспедициях, а из самих мест, помогая респонденту стать наблюдателем, экспертом, исследователем того мира, с которым он плотно связан, и взглянуть на этот мир максимально объемно – добивались стереоскопии. Задача

невероятно сложная, но не сложнее, чем добиться стереоскопии от исследовательской группы из научного центра, приехавшей в малый город или поселок, чтобы исследовать его проблемы или какую-либо «типичную» проблематику российской провинции. Альманах включил 44 статьи четырех десятков авторов плюс написанные мной введения к разделам. Работа эта была скорее социально-историческая, а не социологическая, поскольку в фокусе изменения в конкретном месте в конкретный период времени, но отнести её можно к тому, что чуть позднее назвали публичной социологией. Мы решали задачу развития социального зрения. Тексты предназначались не только профессионалам, а в принципе любому читателю – местному и неместному – которому интересно, что происходит в нашем крае, в чем особенности того или иного города и поселка, как складывалась там жизнь и как они прошли через девяностые годы. Можно сказать, что «развитие социального зрения» - это credo нашего исследовательско-образовательного центра, который возник на волне успешного проекта, то есть альманаха «Байкальская Сибирь». Возник Центр отчасти благодаря доброжелательному, но настойчивому давлению Виктора Воронкова: «Как можно распускать такую команду!». Виктор видел в перспективе некий сибирский аналог созданного им ЦНСИ, настоящего исследовательского института. ЦНСИ выступил учредителем, мы и название взяли близкое – Центр независимых социальных исследований и образования. Но я, решившись пуститься в это плавание, смотрел на перспективы иначе, чем Виктор. Понимал, что профессионального социологического института не будет – для этого нужны профессиональные социологи, готовые строить свою карьеру, оставаясь в Иркутске, да и задача это не для меня. В моих намерениях были именно публичная социология и публичная история современности, предметом которых была бы Сибирь. И поддержание площадки – интеллектуальной и образовательной, которая предполагает профессиональное образование через семинары, школы и, обязательно, работу в коллективных исследовательских проектах, которые принято называть междисциплинарными. Готов был сам посвятить созданию центра и его руководству несколько лет, постепенно меняя пропорции своих занятий в пользу индивидуальных проектов. Но создание центра и «раскрутка» его работы происходили в ситуации, когда международные фонды, представленные в Москве, искали возможность поддержать что-то реальное в провинции. Во всяком случае, у меня осталось такое впечатление от первой половины нулевых. Плюс к этому необходимое зарабатывание денег и наработку опыта на маркетинге приходилось даже сдерживать, чтобы это не мешало исследовательским проектам. Исследовали неформальную экономику, местное самоуправление, роль школы в местных сообществах, скрытые учебные планы в высшем гуманитарном образовании. В общем, существование и развитие центра

стало основным моим занятием не на несколько лет, а по сути до сих пор. В последние годы исследовательских проектов много меньше, чем в середине нулевых. Основным делом центра стали ежегодные международные конференции исследователей Сибири, на которые мы собираем прежде всего полевиков, и традиционная Байкальская международная школа социальных исследований. Байкальскую школу проводим уже больше десятка лет, она выросла скорее в своеобразную проблемно-тематическую конференцию, где есть время на главное, на что не хватает времени на обычных конференциях – на продвижение индивидуальных замыслов и на дискуссию по теме школы. Образовательная площадка и исследовательские проекты у нас почти неразделимы (можно обойтись и без «почти»), так формируется и поддерживается сеть, связывающая исследователей-полевиков с хорошей методологической культурой из разных городов Сибири плюс подключающая несибиряков, исследующих Сибирь или проблемы, которые для нас значимы. В 2005 году Фонд Форда поддержал большой проект, итогом которого в 2007 году стал второй альманах «Байкальская Сибирь», более профессиональный по своему уровню, нежели первый. «Ядро» авторского коллектива уже составили те, кто наработал исследовательский опыт за годы, прошедшие с первого проекта, да и к рожденному нами жанру альманаха-исследования мы уже подошли более осознанно. Давно хочется сделать следующий альманах и более широкий географически, нежели Байкальская Сибирь – во всяком случае, для этого есть авторский коллектив, но нет фонда, готового профинансировать, поскольку это не просто издание книги, которую можно собрать дистанционно или подготовить как итог конференции. В последние годы Байкальская школа развернулась еще к тем, кто занимается документальным кино и документальной прозой, к музейщикам. Это осознанная стратегия, вполне методологическая: публичная социология, история, антропология – не популяризация научных исследований, а готовность исследователя представить результаты своего исследования тем, чей мир он изучает, и исследовательская культура тех, кто работает в документальных жанрах.

Если говорить о моем собственном научном продвижении за эти годы, то видимые результаты гораздо менее значительны, чем могли бы быть, если знать, какие материалы наработаны. Собственно, все темы исследований нашего Центра кроме, может быть, неформальной экономики и мне были близкими и что-то свое в эти исследования вносил и получал, благодаря им, новые материалы и идеи. Важно было интерпретировать результаты в контексте социальной истории Сибири и России. Поэтому одна из ключевых моих тем – роль Сибири в социальной истории России – и продвигалась, благодаря работе в коллективных проектах, и позволяла задавать историческую перспективу в тех работах, которые выходили по результатам. Я, кстати, разделяю концепцию рос-

сийской истории как воспроизводства внутренней колонизации, она вполне инструментальна для работы и необходима, но как одна из объясняющих концепций, и не совсем в том варианте, в котором её «застолбил» Александр Эткинд. Скорее ближе к тем смыслам, которые вкладывают в неё социальные географы, но и работы Эткинда и воодушевленных им культурологов сыграли роль. В каких-то программных для себя статьях о федерализме, о местном самоуправлении и самоорганизации, о гуманитарном образовании и социальных исследованиях, о политиках памяти я опираюсь на понятие внутренней колонизации, при этом работая на конкретном полевом материале, но пока всё это не доведено до состояния книги. Опубликовал ряд статей о советском идеализме, значимых для разработки этой темы. Точнее, о советских идеалистах - интересует именно человеческое измерение, и работаю на документах человеческой жизни (дневники, биографические интервью, письменные мемуары и т.д.). Книга складывается, но тоже пока есть значительные лакуны, мне важно представить все поколения советских идеалистов, включая своё. А со своим, конечно, больше всего проблем в преодолении собственных предрассудков. Авторы книг о моем поколении из моего поколения, на мой взгляд, не преодолели и даже не пытались преодолевать свои ограничения, заданные их сословной биографией или географией их жизни. Вышел на результат в виде книги разве что в исследованиях исторической памяти, но эта книга «Сибирь как пространство памяти» - такой промежуточный вариант, быстро собранный и изданный по предложению из Иркутского университета из эссе и статей в монографию. Монография явно неполная и не включившая ряд необходимых тем, по которым вполне достаточно материала на объемную - не по количеству листов, а по рассмотрению проблематики - книгу. Так что, я итоги бы не подводил, пока не довел вот эти три неготовых пока рукописи - «Россия в Сибири: деколонизация без сепаратизма», «Советские идеалисты: от ровесников Октября до детей перестройки» и «Сибирь: пространство и войны памяти» - до издания и общественной дискуссии.

Большое спасибо, Михаил. В какой-то момент мне казалось, что мы не дойдем до конца дороги... как приятно ошибиться.

ИЛДУС ЯРУЛИН:
«НОВЫЕ ТЕКСТЫ, НОВЫЕ ЛЮДИ ТОЛКАЛИ НА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ»

Илдус, в справочнике «Социологи России» сказано, что Вы родились в Златоусте? Ваши родители тоже по рождению сибиряки или так судьба сложилась? И вообще, насколько далеко Вы знаете историю своей родительской семьи?

Доброе утро, Борис! У нас 8 часов утра на данный момент.....

Златоуст – это Урал, Челябинская область. Родители оказались на Урале по воле партии и государства. Отец приехал в Златоуст в 1942 году учиться в ПТУ, тогда на металлургическом заводе сложилась острая нехватка кадров (фронт забирал мужчин), вот и по деревням Татарии вербовали на стройки и заводы молодежь. Отец как старший из четырех братьев и сестер сначала бы направлен на рытье окопов возле Казани, потом уже приехал на Урал. Отец его священнослужитель, умер незадолго до войны. Год отец проучился в ПТУ – и на прокатный стан, где и проработал всю трудовую жизнь.

Мама также как старшая дочь приехала на Урал по вербовке. Ее мать, моя бабушка, отбыла срок (правда, недолгий) по закону «о колосках», Поскольку дед пропал без вести на фронте, а кормить надо было четыре души, вот бабушка и собирала на заснеженном поле то, что осталось после уборки урожая. За это была отправлена в «тюрьму» (наверное, лагерь) - так она говорила, хотя и не очень-то про это рассказывала. Ну а мама, как старшая в семье (это в 11-то лет!) осталась старшей. Когда проходил набор на стройки Урала, мама и поехала – «не медаль на шее, иди-ка ты в люди!». Бабушка к этому времени уже вернулась.

Такая вот история – впрочем, очень обычная для многих моих сверстников на Урале.

Обычная... я называю это «обыденность драмы». А после войны вернуться домой родители уже не хотели или не могли? Жильем (или обещаниями жилья) удерживали? В том же справочнике «Социологи России» сказано, что Вы окончили Казанский университет. А в школе Вы где учились? Как шло учение? Какие предметы более нравились?

Домой возвращаться родителям не было смысла – полуголодная деревня, тех, кто оставался, прокормить было тяжело. А родители помогали оставшимся родственникам – мануфактурой, сахаром, деньгами. Бабушка (уже пенсионер) получала пенсию 12 рублей. Мы жили сначала в коммуналке, затем в отдельной квартире. Металлургический завод, где работал отец, тогда много строил, да и зарплаты у металлургов были приличные, Город наш был «закрытый» - почти все предприятия были связаны с обороной. Правда, в 1962-1963 годы уже за-

возили муку из Канады, крупы выдавали по прописке, 2 кг на члена семьи. Хотя снабжение было приличное - консервы, овощи, ширпотреб из стран социалистического лагеря, да и европейских стран. Тогда завод выплавлял спецметаллы, которые шли за рубеж. Так что, по деревенским меркам жизнь удалась и уезжать не хотелось.

Я учился в школе № 25 в Златоусте – она как раз только открылась, и мы были первыми, кто в нее пришел с самого начала.

Учился я хорошо, особенно по гуманитарным дисциплинам. Много читал, был записан почти во все библиотеки города. Закончил школу с двумя четверками, хотя типичным «ботаником» не был.

Школу закончил в 1972 году. В этом же году поступал в Казанский университет, сдал все экзамены, но не прошел по конкурсу – не было трудового стажа. Поступал на исторический факультет, поскольку всегда тянуло к истории, особенно истории стран Западной Европы.

Не поступив, пошел работать на завод, набирать трудовой стаж. А там и призыв в ряды Советской Армии. После окончания срочной службы (1974-1976 годы) снова поступал в Казанский университет, причем сдал экзамены без напряжения и был зачислен на отделение научного коммунизма историко-филологического факультета. Тогда к преподаванию на этом отделении привлекались лучшие специалисты из разных вузов Казани – историки, экономисты. Да и сам дух университета (я это сейчас понимаю!) избавлял от начетничества и догматизма, Возглавлял отделение профессор М.Х. Фарукшин, фигура хорошо известная специалистам.

В школе, армии, на заводе Вы занимались общественной работой? В армии Вам не предлагали вступить в КПСС?

Вообще, от какой-либо общественной работы был достаточно далек, от членства в партии – тем более. Да и само понимание научного коммунизма было расплывчатым. Просто тогда, в середине 70-х годов на этом отделении была очень привлекательная программа – 3 курса изучали философию, 2 курса – политэкономия, много истории – и классные медиевисты, и специалисты по Новой и новейшей истории, история России разных периодов, плюс хорошие преподаватели английского, крупнейшая библиотека. Об идеологической работе и не думали. Просто хорошее образование.

В университет обучение шло на русском или татарском языке? Или были разные группы?

Тогда обучение в университете шло только на русском языке. Татарский язык изучали на отделении татарской филологии.

Как Вы думаете, почему в рабочей семье, в Златоусте, промышленном закрытом городе, у вас возник интерес к истории, а не к технике? Кто по-

влият, какие обстоятельства? Многие ли Ваши соученики искали себя в гуманитарных, не инженерных профессиях?

Сейчас-то я понимаю, что во многом закрытость и сыграла свою роль, замкнутое пространство, где жизненные стратегии предсказуемы, устоявшиеся традиции старого промышленного уральского города - наверное, меня это не устраивало. Да и семейные гены – дед-мулла почитался на территории бывшего Булгарского ханства как весьма грамотный человек, отец, который много читал – наверное, передались и мне. Учителя в школе, особенно гуманитарии, тоже внесли свою лепту. Своеобразный эскейпизм – бегство в историю от тогдашней реальности - все это и привело к тому, что я стал гуманитарием.

Сверстников-гуманитариев я особо не знаю. Шли в педагогические вузы, экономические, медицинские, т.е. есть подход был достаточно прагматичный – выбрать специальность, которая потом прокормит

Родом из Златоуста и Александр Ослон – создатель и руководитель ФОМа, хотя мы с ним и не были знакомы.

Златоуст – один из старейших центров российской промышленной культуры, так что мне известны несколько социологов, предки которых жили и работали в этом городе.

Было трудно после армии возвращаться на «студенческую скамью»? Или, наоборот, было чувство: «ну вот, наконец-то»? Какие курсы порождали наибольший интерес?

Скорее второе – пришел туда, куда всегда хотелось. В учебу втянулся сразу – база была, да и на службе продолжал заниматься, учебники были с собой. До сих пор помню англо-русский разговорник для оккупационных войск США – мне достался от ветеранов Второй мировой войны, которые служили в Германии сразу после войны. К сожалению, пропал разговорник при невыясненных обстоятельствах.

А учеба началась с истории КПСС, да не по сжато учебнику, а на материалах подлинных. До сих пор храню Манифест Коммунистической партии 1928 года издания – у букинистов много чего можно было найти. Год изучали «Методологию Капитала Карла Маркса». Конечно же история Древнего мира, затем медиевисты с нами работали. А тогда в Казани оставались еще ученики учеников профессуры императорского университета. Да и историю России преподавали далеко не последние люди в тогдашней науке. Профессора Шофман, Вульфсон и много-много других.

Классические диалог и истмат – в развернутом варианте, история философии, конечно. По курсу критики буржуазных концепций мы могли с этими концепциями подробно ознакомиться, тем более появлялась приличная литература. Конечно же, социология – годичный курс теории, затем практика на КА-

МАЗе – ей руководил А.К. Зайцев, позже основатель Школы конфликтологии в Калуге. В те времена был бум промышленной социологии, можно было получить хорошую практику. К тому в университете особо догматики и не прижились, знания мы получали хорошие, от ученых-исследователей.

Интересно, в московском и ленинградском университетах «учеников учеников» почти не было, учителей выбивали, начиная с 20-х... В чем была «особость» преподавания «учеников учеников»?

Прежде всего блестящая эрудиция, воистину классическое образование, связи с ведущими учеными. Никогда не обучали по «базовым» учебникам, только монографии, журнальные статьи. Терпение к нам, неофитам – и уважительное отношение. Довелось поработать дворником в центральном корпусе университета – рано утром профессура идет на работу и не чурается здороваться с дворником.... После занятий встречаешься с ними в читальном зале – разговор на равных....и постоянно воспитывали в нас необходимость работать с первоисточниками – не дайджестами или комиксами.

К.А. Зайцев – известный специалист, практика на КАМАЗе – социологическая? Никто не рассказывал о подобном... в чем она заключалась?

Андрей Кириллович возглавлял социологическую службу на КАМАЗе. А вел в университете социологию Александр Сагалаев со своими коллегами. По-видимому, они были хорошо знакомы. И наш курс на месяц был направлен в Набережные Челны, на социологическую практику. Что могли делать студенты? Конечно же, проводить опросы – бегали с анкетами, «точковали». На практике прорабатывали «Рабочую книгу социолога».

Последние дни работали на конвейере – срывалось выполнение плана, вот и встали мы на конвейере, помогали собирать различные узлы.

Стиль «учеников учеников» Вы выпукло описали? А по какой кафедре Вы кончали университет? Что избрали для дипломного проекта?

Про «академические свободы» можно говорить, но про бюрократические – как поступил на научный коммунизм, так и до конца, никаких переходов. По этой кафедре и заканчивал университет.

С дипломным проектом была проблема. Всех одноклассников так или иначе сагитировали писать про «развитой социализм», концепция только появилась и становилась основным трендом. Мы с приятелем не вписались во всеобщую эйфорию. Я писал о «критике буржуазных концепций подмены социалистической революции революцией научно-технической» - «критиковал» Олвина Тоффлера с его Future shock. Какие-то материалы привозили коллеги-студенты из Польши в редкие (но были же!) приезды.

Приятель же сравнивал ленинскую и сталинскую концепции демократии. Тогда в букинистических магазинах часто встречались почему-то 13 томов из Собрания сочинений И. Сталина.

В результате мы получили по «хорошо», другие же – «отлично».

В армии или в студенческие годы не пробовали свои силы в журналистике?

Да нет, не мое это, наверное..... По мне больше сократическая манера – беседыдиалоги.....полилоги..... А ради единого слова тысячи тонн словесной руды.....не принимал тогда я такого типа действия и деятельность.

Какие были планы на будущее, после завершения университета? А какой оказалась реальность?

Планы были смутные и радужные одновременно....Я уже был женат, ждали первенца, хотелось самостоятельности и....подальше от родителей. О научной карьере и помыслов никаких тогда не было. Устроиться на работу, а там....Казалось, впереди только самое хорошее: работы в стране хватает, никто с голоду не умирает, никто не брошен...

А поскольку в университете было свободное распределение и о заявках вузов мы знали, был выбран - спасибо Джеку Лондону! – Дальний Восток, Хабаровский политехнический институт. Так что расхождений между планами и реальностью не произошло – планов практически не было....

Происходило все это в 1981 году. Гремит БАМ, стройки Сибири.....есть возможность selfmade; предоставлялось жилье (комната в общежитии с последующим предоставлением чего-нибудь)... зарплата... да и вообще молодость, романтика, тигры и медведи, женьшень, тайга.... Каша в голове, можно экспериментировать и ничего страшного: в конце концов можно вернуться к родителям... Что касается преподавания, то кроме практики по педагогике представления не имел об этом занятии...С другой стороны, коммуникабелен, вроде неглуп.....да и вообще, в жизни надо все попробовать, Почему не с Дальнего Востока? Собрались и полетели.... Что преподавать – неважно, что-нибудь гуманитарное...

По тому, что Вы и сейчас там, можно сказать, что выбор оказался правильным. Обещания молодому специалисту были выполнены? Тайга, женьшень, рыбалка... все оказалось, как и надеялись? И что предложили преподавать? Какими оказались первые встречи со студентами?

Надо отдать должное – все условия были выполнены. А сам Дальний Восток – 33 года здесь прожито, а не перестаешь удивляться. Природа не похожа ни что! И, конечно же, люди! Открытые, гостеприимные, всегда готовые прийти на помощь. Но не дай Бог, если ты не соблюдешь принятые правила проживания (чем-то напоминающие библейские заповеди, замешанные на крими-

нальных понятиях – осваивал-то Дальний Восток не комсомол!). Дал слово – держи, за язык тебя не тянули. Помогли тебе – ты обязан помочь другим. «Не крысятничай», «не стучи», не ходи по головам рядом стоящих. Нельзя сказать, чтобы эти максимы свято блюли, но придерживались..... Одним Словом, фронтир, приграничье. Из тех, кто приезжал на работу из районов Центральной России, оставался каждый 15-20. Другая природа, другая среда.....

Студенты приняли хорошо. Начал с преподавания научного коммунизма – он давался повсеместно, Помня уроки казанской профессуры, работал через диалог, поиски точек взаимопонимания, Поэтому получалось, конфликтов не было. Видимо, оценили отсутствие фанатизма на госэкзаменах, В целом, я так и не поставил ни одной двойки, как бы ни хотелось отдельным деятелям из деканатов и парткома. Много работал по линии общества «Знание» с выездом на предприятия – разъяснял международную ситуацию. Конечно, такое общение здорово помогало в профессиональном росте.

Наверное, постепенно втягивались в научную работу? Какую тему облюбовали?

Наукой заниматься было некогда – бегал на почасовки в соседний вуз. На ассистентскую зарплату особо не разживешься. Правда, в соавторстве выходили методички к семинарским занятиям – революционный процесс на Ближнем Востоке, в странах Африки. Через два года, в 1983, был направлен в целевую аспирантуру Ленинградского госуниверситета, философский факультет, отделение научного коммунизма.

Во-во, здесь подробнее, с паролями и явками... я ведь – ленинградец, многих знал и знаю... все, относящееся к Ленинграду, мне особенно интересно...

В Ленинграде я оказался впервые, никого не знал. Поначалу пришлось пару ночей провести на вокзале, затем наши аспиранты из Хабаровска помогли устроиться в Кавголово, на спортбазе университета, там и готовился к экзаменам, Все сдал, был зачислен. Научным руководителем был назначен Олег Михайлович Соловьев, тогда доцент. Отделением руководил Акат Калистратович Белых, фигура на факультете и в университет известная. Жили с семьей на квартире (уже было два сына) на улице Салтыкова-Щедрина (ныне Кирочная), работал дворником в Анна-школе. Это не центр, но близко. Пешком на факультет мимо Летнего сада, Спаса-на-крови, по Миллионной (Халтурина) мимо Эрмитажа и по Дворцовому мосту..... А в Публичную библиотеку – по Литейному дальше по Аничкову мосту...Все это исходил и помню до мелочей тот Ленинград.

Тема кандидатской «Углубление управленческой функции трудового коллектива в условиях бригадной организации труда» - сейчас бы это отнесли к социологии управления.

На факультете было много замечательных людей, зачастую антиподов. Помню историю доцента Линькова, запрет его кружка по немецкой философии, Моисей Каган с кафедры эстетики. Профессора - почти все члены КПСС (попробуй тогда без этого оказаться на идеологическом факультете!), на партсобраниях такие схватки бывали. Секретарем Ленинградского обкома был тогда Романов, фигура печально известная. Атмосфера была еще та!

На кафедре научного коммунизма активно велись хоздоговорные работы с предприятиями на предмет социологии труда – Игорь Борисович Вишневецкий, Валентин Рюмин. На параллельной кафедре в Петергофе (для естественнонаучных кафедр) – Василий Яковлевич Ельмеев, Василий Александрович Овсянников.

По моим наблюдениям, уже сегодня молодые социологи с трудом представляют, что такое «научный коммунизм», а для следующих поколений – это может быть совсем загадкой. Пожалуйста, ясное дело – кратко, расскажите об этом направлении советского обществоведения и, если можно, в чем была «изюмина» подхода А. К. Белых к пониманию «научного коммунизма».

Под научным коммунизмом понималась некая интегральная наука об общественном устройстве на базе взглядов Карла Марса и Фридриха Энгельса о формационном развитии общества, венцом которого являлся коммунизм; бесклассовое общество на основе общественной собственности. Научный коммунизм включал в себя философию, политическую экономию и собственно теорию общества. А.К. Белых был одним из разработчиков концепции «развитого социализма» - этапа в развитии социализма, после которого уже можно было начинать строить непосредственно коммунизм. Вскоре эта концепция стала доминирующей, спор шел только по деталям и формулировке понятий.

Как утопический идеал, проект, коммунизм сыграл свою роль. Говорить о научности трудно, хотя были и рациональные зерна в плане анализа современного «капиталистического» общества, выявлении трендов общественного развития (футурология), проблем межнациональных отношений, социальной справедливости, отчуждения. Хотя идеологической шелухи, примитивного толкования проблем общественного развития было очень много. Лучше Дж. Скотта в «Благих намерений государства» не скажешь.

Какая главная познавательная задача ставилась Вами в диссертационном исследовании?

Основная идея диссертации – возможность развития производственного самоуправления на социалистических предприятиях. Как раз появился «Закон о трудовых коллективах». По сути дела, речь шла о разработке нового менеджерского подхода к управлению на основе задействования так называемого «человеческого фактора», вовлечения рабочих в процесс управления предприятием на основе хозрасчет. Известный подход Е. Либермана, поддержанный А.Н. Косыгиным.

Говорить о высокой новизне разрабатывавшегося управленческого подхода можно лишь условно. Был обобщен опыт Калужского турбинного завода, что-то было из опыта завода им. Козицкого в Ленинграде. Учитывался опыт предприятий Венгрии, Польши, Югославии. Тогда гремело имя Николая Травкина, создавшего хозрасчетные бригады в строительстве.

В Ленинграде работал Андрей Николаевич Алексеев. Вузовской социологии тогда еще как таковой не было, но в ЛГУ существовал Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований.

Серьезной социологии в работе не было, она носила скорее теоретический характер, выявлялись позитивные и негативные черты внедрения бригадного подряда на основе имевшихся публикаций – взаимоотношения в коллективе, проблема внедрения КТУ, создание советов по самоуправлению при руководстве предприятий. Что-то брали из материалов социологических исследований. Степень присуждалась по философским наукам.

Выше Вы упомянули имя ленинградского социолога Андрея Николаевича Алексеева. Но тогда не только он занимался социологией труда, назову сразу: Бориса Ивановича Максимова, Аллу Александровну Русалинову... Вы встречались с ними? Работали в секции социологии труда Ленинградского отделения ССА?

К сожалению, к социологии подход был неоднозначный «Царицей (царем) наук» был научный коммунизм, доминировал исторический материализм, социология была вспомогательной дисциплиной. Не было еще такой вузовской специальности социология. Контакт с социологами был поверхностный, всерьез мы их тогда не воспринимали, хотя с работами были знакомы, по журналу «Социс». Была еще и школа В. Подмаркова. Теперь понимаешь, сколько было упущено.

В каком году Вы защитили кандидатскую диссертацию? Что потом было?

Защитил диссертацию в 1986 году и вернулся в Хабаровск, на прежнее место работы. Теперь уже жили в благоустроенном общежитии... Старший преподаватель, потом доцент. Стало больше возможностей заниматься социологией – хоздоговора с предприятиями тогда были востребованы. В 1987 году вме-

сте с экологами составили карту загрязнений города Хабаровска, где кроме замеров ПДД и ПДК учитывалось и мнение населения. В 1988 году участвовал в совещании в АОН ЦК КПСС, где собирались социологи, направленные обкомами и крайкомами для анализа политической ситуации в стране и партии, Выступали И.И. Антонович, Т.И.Заславская, Потом проводили соцопросы на местах, в парторганизациях. Время было интересное – Демократическая платформа в КПСС, казус Ельцина, внутривпартийные дискуссии. Хабаровск в то время считался после Москвы самым антикоммунистически настроенным городом.

Тогда в Хабаровске были весьма активны сторонники Демократической платформы, которые требовали коренных перемен в руководстве партии и стране.

Да и экономическая ситуация была очень непростой, все это и создавало тот фон, который приводил к выступлениям. Каждую субботу в парке «Динамо» проходили митинги, активисты взаимодействовали и со Старовойтовой, Станкевичем, Татьяной Карякиной. Было много и печатной продукции, которая хорошо расходилась среди населения.

Тогда же я начал заниматься проблематикой гражданского общества. После одной из дискуссий по работе В.И. Ленина «Государство и революция». На страницах журнала «Коммунист» (позднее «Свободная мысль») заговорили о возможности соединения идей коммунизма с идеями гражданского общества. Были попытки соединить подходы к гражданскому обществу с «русским путем», выдать крестьянскую общину за основу гражданского общества. Хотя проблематика гражданского общества принималась в штыки, особенно в диссертационных советах.

В декабре 1989 года был зачислен в докторантуру теперь уже Санкт-Петербургского государственного университета, на тот же философский факультет, на ту же кафедру А.К. Белыха.

Что такое докторантура? Сколько времени? Какую тему для разработки Вы предложили (или Вам предложили?)

Институт докторантуры предусматривал три года обучения с последующей защитой диссертации (по аналогии с аспирантурой, но на более высоком уровне). Тему предложил я сам, «Институты гражданского общества в условиях социальной трансформации», хотя планировалось, что я буду писать по проблемам экологии, благо была монография в соавторстве по социологическому анализу экологических проблем. Жизнь была ярче, чем изыскания, Хотя научный консультант сразу предупредил о трудностях при защите.

Начиналась перестройка, сумятица в головах.... Первый съезд народных депутатов, в Ленинграде схватка Анатолия Собчака и Юрия Соловьева. Проблемы с продовольствием, талоны, Рушится КПСС, отмирает научный комму-

низм. Помню слова А. К. Белых: «Ну что, Илдус, обманули нас...проиграли все...». А он был одним из разработчиков Конституции РСФСР... (вариант КПРФ)

С другой стороны приезжает Деррида на филологический факультет... Появляется много литературы, о которой только могли слышать. А.Ф. Филиппов выпускает «Вопросы социологии».... Поляки привозят много литературы..... «Солидарность» ... «Демократический транзит»... возрождение идей гражданского общества на постсоциалистическом пространстве. Так что было над чем работать.

Что Вам дал Деррида?

Сомнения в прежнем образе мышления.....новую информацию....что-то вроде «культурного шока».....А тут еще и знакомство с работами Хабермаса..... Как у Александра Бека - «сшибка»... в терминологии Дерриды происходила диконструкция, то есть потрясение, расшатывания основ. Особенно «зацепило» его понимание апорий, «возможность невозможного», то, что еще не наступило. Вот и социализм – его еще нет, а мы уже утверждаем о его реальности. Надо пересматривать содержание понятий, больше работать с текстом. Конечно, одной лекции было мало, потом дочитывалось. Хабермас с его теорией ответственности также заставлял на многое, вроде бы уже устоявшееся в сознании, взглянуть по новому.

Многие понятия перестали устраивать еще раньше, особенно канонические цитаты, выхваченные из контекста работ того же Маркса. Один из законов логики Аристотеля гласит: «Ссылка на авторитет не является доказательством». Поэтому и авторитеты также подвергались новому рассмотрению. Меня всегда интересовали социалисты-утописты и их проекты. И в подсознании, глубинах его, мелькала мысль - не творим ли мы новую утопию с научным коммунизмом? Причем именно с теорией коммунизма, а не с примитивными трактовками в партийной прессе, которые никто всерьез не воспринимал, но постоянно транслировали. Деррида, может быть, и подтолкнул к критическому переосмыслению – ни в коем случае не огульному отрицанию. То, что я никогда не принимал на веру – это одно, а вот новое прочтение старых текстов – это другое. Да еще и огромное количество новых текстов – все это заставляло продираться через устоявшееся, сомневаться, и еще раз сомневаться. То есть новые тексты, новые люди толкали на переосмысление. Но и старые знания не выбрасывались из головы. Возникла новая мозаика, причем ее составные части тщательно отбирались, очищались и укладывались в новую картину. Такие вот процессы происходили в голове, А за окнами – бандитский Петербург, приватизация, крушение прошлого мира, который не хотел уходить, Да и до сих пор не ушел из реальности в небытие..... Такая вот возможность невозможного.

Как раз подоспели «Тюремные тетради» А. Грамши, разоблачение трагедий советского прошлого.....В возрасте 13-14 лет я не отрывался от материалов XX съезда КПСС, тех страниц, которые были посвящены «культу личности». Мало что понимал, а вот ужас несправедливости оставался со мной с тех лет. То есть какую-то прививку от «политической наивности» я получил еще в детстве. Пришло время избавиться и от «теоретической наивности».

Теперь вернемся к Вашей задумке анализа институтов гражданского общества в условиях социальной трансформации. Теперь мы понимаем взрывной характер темы: институты гражданского общества были чахлами, трансформации – заметными, вспомним термин Б.А. Грушина - «социотрясение». Как Вы трактовали Вашу тему? Возможно, в качестве примеров рассматривались конкретные общественные институты? Как к Вашим поискам относились коллеги?

Прежде всего, как мне представлялось, надо было рассмотреть подходы к пониманию самой сути гражданского общества, опять-таки деконструировать понятие. Начинать пришлось с Аристотелевской политики до взглядов Геллнера о том, что гражданское общество появляется только после 1945 года. В итоге принял подход, в котором к гражданскому обществу относятся все институты, кроме государства. Далее предметом анализа становится процесс институционализации гражданского общества и его субъективации. Рассматривал акторов гражданского общества, формирование его общественности (влияние Хабермаса). Отдельно проводилось политическое измерение гражданского общества, то есть его взаимоотношения с государством, рассматривались партии, и завершалось все анализом региона в системе гражданского общества, становлением местного самоуправления.

Защититься после официального окончания докторантуры не удалось в силу ряда причин – шел процесс ломки прежней номенклатуры специальностей ВАКа, а самое главное – необходимо было возвращаться в Хабаровск, подошла очередь на квартиру, как ни странно это звучит.

Отношения с коллегами всегда выстраивались доброжелательные, к теме моего исследования было любопытство типа «чем бы дитя не тешилось...»

... и все же, когда и где прошла защита? Научного коммунизма уже не существовало, Вы защищались по философии или социологии? Или политологии? Ведь тема явно была междисциплинарной...

Защищался в 1998 году в Санкт-Петербургском по кафедре Политических процессов и институтов. Совет был по социологии, меня рекомендовали по специальности 22.00.05 - политическая социология, по политическим наукам. В представленной работе было много материала по проблемам взаимоотношения государства и гражданского общества, по «квазигражданскому» обществу, роли

партий – являются ли они институтами гражданского общества в России. Защита шла достаточно долго, почти четыре часа. Было множество вопросов, пришли разные люди из других вузов, и не только из вузов – исследовательских структур, и тому подобное. Проголосовали единогласно. ВАК утвердил через четыре месяца. Так я стал первым доктором политических наук на Дальнем Востоке.

Приятно отметить, что мой историко-биографический проект зафиксировал это важное обстоятельство. Что дальше? Вы в тот момент продолжали работать в Хабаровском политехе? Не было планов перейти в университет или создать кафедру политологии в Политехе?

В 2000 году присвоено звание профессора. В том же году возглавил кафедру социологии, социальной работы и трудового права (входили в состав юридического факультета, отсюда и такое название). В 2001 году вместе с Л. Е. Бляхером создали диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по социологическим и политическим наукам, с 2005 года совет стал докторским. В 2011 году уже в Тихоокеанском государственном университете (ранее ХПИ, потом ХГТУ) был создан социально-гуманитарный факультет, который я и организовывал. Одновременно руководил работой кафедры Социологии, политологии и регионоведения (мы готовим специалистов по зарубежному регионоведению, специализация – АТР). Подготовил 27 кандидатов наук, работают по всему Дальнему Востоку.

Научно-организационная сторона Вашей деятельности приоткрылась. А что можно сказать о Ваших собственно научных поисках. В одном из своих мэйлов Вы кратко заметили, что осуществляете мониторинг социального самочувствия и проводите электоральные опросы в Хабаровском крае. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее... я не думаю, что в России существует много продолжительных региональных социологических мониторингов...

По возвращению в Хабаровск я столкнулся с достаточно активной политической жизнью. Шли битвы за места в региональной Законодательной думе, начинались выборы в Госдуму, а главное – выборы президентские. В 1998 году мне предложили сотрудники из служб губернатора В. И. Ишаева провести опрос на предмет узнаваемости и электорального потенциала корреспондента «Известий» Бориса Резника, которого планировалось выдвинуть кандидатом в депутаты Госдумы. Поскольку опыт некоторый был, занялся подготовкой и проведением опроса, Позже к этому процессу подключилась наша краевая газета «Тихоокеанская звезда», которая печатала результаты опросов. Я настоял на гэллаповском подходе – четыре волны, последняя за 10 дней до выборов. В результате мы получили расхождение с результатами выборов в 0,5 %, Борис

Резник был избран, и по сей день является депутатом Госдумы. На президентских выборах 2000 года мы также отслеживали ситуацию, и наш результат опросов практически совпал с данными избирательной комиссии края.

Поскольку результаты нашей деятельности произвели должное впечатление, нам предложили проводить опросы по анализу социального самочувствия населения края. Для аспирантов это стало хорошей школой, позволявшей еще и немного зарабатывать на жизнь. С тех пор мы и занимаемся опросами.

Правда, одним из условий наших договоренностей является то, что мы не публикуем полученных данных в СМИ – заказчик сам распоряжается полученными материалами. В диссертационных исследованиях – пожалуйста, но не более того. Только через шесть месяцев. Наверное, можно отметить, что более чем на 1,0% мы не расходились с официальными результатами, Правда, последние два года возникают проблемы с прогнозом явки – она падает более высокими темпами, чем мы предсказываем.

Сколько времени уже продолжается Ваш региональный мониторинг? Как строится выборка, какие методы опроса Вы используете: личное интервью, телефонное, проводите ли онлайн-опросы?

Работать мы начали с 1996 года – сначала на территории города Хабаровска и близлежащих районов (здесь проживает основная часть населения края), позже охватили территорию всего края, Это достаточно дорогое удовольствие – территории гигантские, добраться иногда можно только самолетом. Выборка достаточно стандартная – либо по данным переписи населения либо по зарегистрированным избирателям строится пропорциональная выборка, Базовые методы – **анкетирование** и **фокус-группы**. Онлайн-опросы в большом масштабе еще не проводили, это связано с доступом к интернету и тем, что практически выпадает большая группа лиц старше 50 лет, особенно на селе.

Анкетеры выезжают в районы, проводят анкетирование. Опрашиваем, как правило, 1600 человек, в последнее время количество увеличено (по требованию заказчика) до 3000 человек. Опрос по оценке удовлетворенностью деятельностью органов власти вообще был 6000 человек. До 8% процентов опрашиваемых проверяется на предмет проведения опроса. В зависимости от объема подбираем соответствующее количество анкетеров. Заказчик настаивает, чтобы один анкетер не опрашивал более 50 респондентов. В отдаленные районы командидуем интервьюеров. Этим пытаемся обеспечить достоверность. Конечно, привлекаем преподавателей и студентов факультета, особенно аспирантов и будущих магистров, которые знакомы с методологией проведения опросов. Кроме того, с Л. Е. Бляхером создали некоммерческое партнерство, которое является юридическим лицом со своим счетом в банке. В разные годы разное количество опросов, все зависит от заказов. Получается не менее 4-5 опро-

сов по разной тематике – употреблению наркотиков, межэтническая напряженность, социальное самочувствие. Аспирантам помогаем провести опрос по теме исследования. В период выборов работаем по заказу Краевой избирательной комиссии, иногда заказ делают кандидаты в депутаты. Кроме того, различные экспертизы. Да и в университете проводим опросы – абитуриентов, по проблемам удовлетворенности трудового коллектива различными сторонами жизни ВУЗа. Главное – пытаемся избежать упреков в «рисовании на коленках». Пока вроде бы получается.

Несколько странно, в России есть «Большая Тройка» организаций, проводящих общенациональные опросы общественного мнения: ВЦИОМ, «Левада-центр» и ФОМ. Их результаты всегда представлены на сайтах, комментируются всесоюзными и зарубежными СМИ. Чем вызвано требование к вам не публиковать результаты опросов, выходит, что общественное мнение не знает себя. Парадокс... как Вы это прокомментируете?

Ф. Шереги, насколько я знаю, также по требованию заказчиков не публикует результаты. У «Большой тройки» свои правила игры, свой устав. Мы же публикацию результатов не считаем основной деятельностью. С другой стороны, публиковать-то где? В научных журналах, с опозданием на полгода? Конечно, какую-то аналитику отправляем губернатору, его структурам.

А главное – таково состояние гражданского общества, ему социология не нужна, социология нужна Левиафану только для выявления болевых точек и, прежде всего, потому что требует Москва, для оценки деятельности власти. Вот сейчас возникает проблема «этнического сдвига» на Дальнем Востоке, опубликовали две статьи в журналах местных. Газеты не возьмут – разжигание розни..... Да и свободной-то прессы.....

Есть ли в Вашем регионе другие организации, проводящие опросы общественного мнения? Они тоже не имеют возможности оглашать результаты замеров?

Работает центр при бывшей академии госслужбы, тоже публикуют в своем журнале, книжки пишут. Тут даже один руководитель написал губернатору, что Ярулин дает не те цифры, и службы социологические надо создавать свои, при администрациях, они и дадут нужную информацию.

Попроще во Владивостоке, там ребята создали Консалтинговый центр, на сайте публикуют информацию.

Как в целом организована социологическая жизнь в вашем регионе? Есть ли планы на создание журнала или «Ежегодника», проводятся ли регулярные встречи, представлен ли «голос социологов» в СМИ и т.д.?

О регулярной социологической жизни приходится только мечтать, скорее всего, она напоминает совокупность неупорядоченных связей. Благо есть дис-

сертационный совет, на заседаниях которого мы и встречаемся, иногда есть совместные проекты.

Для СМИ мы представляем интерес лишь как творцы скандальной цифры или фразы, вокруг которой журналист напишет «гвоздевой» материал. Наверное, надо чтобы созрела какая-то критическая масса социологов-исследователей, а не социологов-преподавателей-толкователей. Такую критическую массу мы потихоньку и растим.

Сколько выпусков уже сделал ваш факультет? По каким специальностям? Есть ли перспективы найти работу у Ваших выпускников? В свое время Вас направляли в Санкт-Петербург в аспирантуру и докторантуру. Эта практика сохранилась? В какие еще российские университеты?

Факультет наш как самостоятельная единица существует три года. Каждый год мы выпускаем регионоведов, социальных работников, лингвистов, специалистов в области организации туризма. В нынешнем, 2014 году, сделали первый выпуск журналистов. Пока все выпускники так или иначе трудоустроены. Многие продолжают обучение в магистратуре, в том числе и за рубежом, в частности в университетах Китая. Многие наши студенты на год едут учиться в Японию, Республику Корея, Китай, Польшу. Стараемся, чтобы они увидели мир, изучили его. Это раскрепощает интеллект.

У нас есть своя аспирантура по социологическим наукам и диссертационный совет. Так что цикл завершённый. Конечно, по мере возможности, отправляем учиться в аспирантуру и в другие города, в частности, лингвистов. Но хорошее образование нынче удовольствие дорогое, особенно с учетом того, что бюджетных мест на гуманитарные направления становится меньше.

А социологов вы не выпускаете? Лингвисты – это кто? Теоретики в области языка, семиотики или переводчики? Иностранцы студенты у вас есть?

Социологов начали готовить в Биробиджане (Приамурский университет) и в Хабаровске, в бывшей ВПШ - ДВАГС, ныне филиале Академии народного хозяйства и государственного управления. Я не стал открывать специальность, поскольку трудоустроить будет некуда.... Лингвисты – это переводчики и они же специалисты в области языка (у нас английский и китайский). Иностранцев в университете немного, человек 300, на факультете около 70, в основном из Китая, В последнее время появились мальчики и девочки из Италии, Польши, Чехии, правда, пока единицы.

Можно ли сказать, наблюдая происходящее в вашем регионе, о давлении на него Китая? Я имею в виду присутствие на рынке китайских товаров, активное заполнение городского, пригородного и сельского простран-

ства китайцами, увеличение доли смешанных российско-китайских семей и т.д. Порождает ли это недовольство со стороны российского населения?

Не говорил бы о давлении, скорее об освоении китайцами Дальнего Востока, Приходит серьезный бизнес, выстраиваются новые взаимоотношения. Картина по сравнению с тем, что было лет 10 назад, меняется. Если в конце 90-х начале 2000 —х годов был наплыв мелких торговцев и дикий, неорганизованный рынок, который обеспечивал всем — в первую очередь, дешевым малокачественным ширпотребом, соответственно и представляли великую китайскую цивилизацию мелкие торговцы с их менталитетом полукриминальным. Отношение к выходцам из сопредельной Маньчжурии было, мягко говоря, не самое хорошее. Со временем оно изменилось в лучшую сторону, благодаря политике, проводимой местными и российскими, и китайскими властями — контингент стал другим. Пенсионеры с Дальнего Востока покупают квартиры в китайских сопредельных городах — там жизнь подешевле. Многие жители Дальнего Востока ездят на китайские курорты, на лечение в китайских больницах. Да и рынок изменился — благосостояние выросло, соответственно, и запросы. Говорить о любви и дружбе не стоит, но отношения более толерантные, что показывают наши опросы. Проблема теперь другая — выходцы из среднеазиатских республик бывшего СССР. К ним отношение далеко не самое хорошее, поводов для этого они дают достаточно. Относительно смешанных китайско-российских семей - эта тактика уже не срабатывает. Раньше власти КНР вынуждали выезжать на заработки в Россию неблагонадежный элемент, который выстраивал свои стратегии адаптации. Теперь этого особо нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, в рамках одной работы трудно реконструировать все аспекты становления социологии на Дальнем Востоке России.

Говоря о развитии социологии в регионе, отметим основные группы факторов, влияющих на этот процесс. Первая из них связана с социально-экономическими и политическими процессами в регионах, вторая — с отношением к социологии как науке, проведению социологических исследований и позицией региональных властей в этом вопросе, третья — с процессами в самой социологической науке. Более всего на состоянии социологических исследований и их проблематике сказывается конкретная ситуация в регионе, «узел» вопросов, беспокоящих население и властные структуры. На втором месте — позиция этих структур, их отношение к социологии — негативное, равнодушное или поддерживающее. Последнее характеризуется не только моральной поддержкой, но и системой заказов на проведение исследований, привлечением социологов к принятию управленческих решений.

Не требует особых доказательств влияние социальных процессов в регионе — экономических, социальных и политических — на содержание и характер социологических исследований. Когда в регионе возникают сами собой проблемы напряженности и возможного социального взрыва, тогда социологи пытаются определить «запас прочности», существующий у региональных властей. А что же сами власти? Как они относятся к таким исследованиям, в целом к развитию социологии в регионе? Чаще всего там господствует равнодушие, о социологах вспоминают в периоды предвыборных кампаний и, как правило, стремятся иметь дело с «ангажированными» специалистами.

Далеко не всегда потребности и интересы региона соотнесены с научными интересами региональных исследовательских структур. Причем зачастую ни органы государственной власти в регионе, ни научные организации не идут навстречу друг другу в поисках механизма координации потребностей региона и интересов ученых-социологов.

Можно утверждать, что в социологической деятельности в регионе сформировался новый стиль — предпринимательский. Основную значимость зачастую приобретает не столько содержание и характер исследований, сколько их результат. Главным вопросом становится соответствие полученного результата ожиданиям (а иногда и требованиям) заказчика, финансирующего исследование, поскольку именно от этого соответствия зависит вознаграждение труда социологов, хотя наряду с предпринимательским стилем сохраняется и традиционный, академический стиль социологической деятельности, также нацеленный на получение результата, но такого, который имеет значение прежде всего для

развития научных исследований и соответствует высоким требованиям, к ним предъявляемым.

У естественных наук рубежи развития имеют более четкие и строгие очертания, нежели у социогуманитарных наук. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: актуализация современных методов исследования (связанных в том числе с применением компьютерных технологий); появление новых концепций как способов интерпретации имеющихся и возникающих социальных процессов и явлений; использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их ценности и полезности; эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу; публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая и благодаря СМИ. Стремление соответствовать названным критериям – основной путь развития современной социологии на Дальнем Востоке России.

С одной стороны, существует целый ряд достижений социологической науки и практики в регионе. Среди них: возросшие возможности профессионального социологического образования; появление большого количества центров, объединений, агентств и т.д., проводящих социологические исследования; усиление международных контактов, поездки за границу, использование сети Интернет; новые возможности публикации работ в области социологии; увеличение числа диссертационных советов и др.

С другой стороны, возник разрыв между центром и регионами в области использования возможностей развития социологической науки: в центре существуют значительно большие финансовые средства для этого; штаб-квартиры международных и отечественных фондов, спонсирующих социологические исследования, проведение конференций, семинаров и школ, выделение грантов под проекты и поездки за границу, расположены в основном в центре России с вытекающими отсюда последствиями отлаженной системы лоббирования и получения средств и грантов преимущественно столичными участниками конкурса; наиболее крупные издательства, публикующие книги, переводы, учебники, также в основном используют интеллектуальный потенциал и силы авторов из столичных городов.

Все это ведет к усилению замкнутости социологического сообщества на Востоке России.

Как отмечает один из ведущих дальневосточных социологов Н. М. Байков, «...несмотря на позитивные результаты процессов становления и развития социологии на Востоке страны, постсоветский этап дает повод лишь для сдержанного оптимизма. Развитие социологического образования в большинстве дальневосточных вузов носит фрагментарный характер. Кадровый потенциал

кафедр социологии пока недостаточен как в количественном, так и в качественном отношении, нет штатных социологических центров и лабораторий.

В неопределенном положении находится и академическая социология на Востоке России: в институтах Дальневосточного отделения РАН она представлена научными интересами отдельных работников, нежели коллективами социологических лабораторий и центров. Не обладая ресурсами для самостоятельного существования, академическая социология представляет собой скорее престижное интеллектуальное занятие, чем стабильную профессиональную деятельность. Как и многие предшествующие годы в академической науке, ориентированной на изучение российского общества, во многом господствует экономический детерминизм. ... Очевидно, что давно назрела необходимость создания в нашем округе самостоятельного академического научно-исследовательского института социологического профиля...»³⁵.

Хочется надеяться, что в нашем регионе социологи будут шире вовлекаться в решение острых проблем общества. А таких немало: высокий уровень бедности; диспропорции в развитии регионов; низкий уровень социального самочувствия; низкое качество жизни населения; отсутствие социологической экспертизы законотворческой и нормотворческой деятельности федеральных, региональных и местных органов власти; слаборазвитые институты гражданского общества.

Предложенная читателям книга показывает, что потенциал у дальневосточной социологии достаточно высок, необходимо только его задействовать соответствующим образом.

Ярулин И. Ф.

³⁵ Байков Н. М. Социология на Дальнем Востоке: становление и развитие // СОЦИС. 2008. № 6. С. 82–86.